

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

7 (1) 2021

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Социальные проблемы современного общества
перед лицом глобальных вызовов и изменений

THEME OF THE ISSUE: Social problems of modern society in the face of global challenges and changes

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 7, №1. 2021

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 7, № 1. 2021

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Накова Албена, PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, София, Болгария.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: **Шаповалова И. С.**, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: **Лебедев С. Д.**, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Кисиленко А. В.**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И. В.**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдирайымова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (FOREL) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE:

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria.

MANAGING EDITOR: **Inna Shapovalova**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: **Sergey Lebedev**, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: **Anastasey Kisilenko**, Ph.D. in Sociological Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraiymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoевич, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Dragoljub Djordjevich, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Yuliya Zybk, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belarusia.

Михалик Я., заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Поканинова Е. Б., доктор философских наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка факультета лингвистики и межкультурной коммуникации, МГИМО - Университет МИД РФ, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Рикуичи Р., Доцент, Экс-Координатор Исследовательской сети 34 «Социология религии» Европейской Социологической Ассоциации, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология международных отношений, Италия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Стоянов Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвяткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., Почётный профессор социологии, Экс-Президент Итальянской социологической ассоциации, Экс-Президент XX Исследовательского комитета «Социология религии» Международной социологической ассоциации, Университет Рим-3, Департамент образования, Италия.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарин Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Россия.

Jaroslav Mihálik, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Elena B. Pokaninova, Doctor of Philosophy, Candidate of Sociological Sciences, Professor, Professor of the English Language Department, University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Roberta Ricucci, Associate Professor, Past coordinator RN34 "Sociology of Religion", European Sociological Association (2017-2019), Programme Chair "SAR – Society of Anthropology of Religion", American Anthropological Association, University of Turin, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, Italy.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University Jacobs, Germany.

Ivan Czvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Emeritus Professor of Sociology, Past President of the Italian Sociological Association, Past President of the Research Committee XX "Sociology of Religion", International Sociological Association, University of Rome 3, Department of Education, Italy.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Накова А. Проблемы современного общества перед лицом глобальных вызовов и перемен	4	Albena Nakova Problems of Contemporary Society in the Face of Global Challenges and Changes	4
СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ		SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE	
Тодорова Б. Мониторинг новых идентичностей (Салафи и Сунни) в исламе и роль социальных конфликтов	8	Bogdana Todorova Monitoring of the new identities (Salafi and Sunni) in Islam and the role of Social conflicts	8
Шаповалова И. С., Заводян И.С., Валиева И.Н. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности	21	Inna S. Shapovalova, Irina S. Zavodyan, Irina N. Valieva Youth of the Russian borderlands: the problem of ethnic identity and tolerance	21
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ		SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES	
Маринеску В. Дифференциация подходов к изучению социальных проблем в Румынии. Обзор литературы	39	Valentina Marinescu Divergent Perspectives about Social Problems in Romania. A Longitudinal Literature Review	39
Миленкова В. Вызовы цифровому образованию в ситуации социального кризиса	49	Valentina Milenkova Challenges to Digital Education in a Situation of Social Crisis	49
Нешкович С., Джелич А. Т. Социальные проблемы и европейская интеграция стран Западных Балканов	59	Slobodan Neskovic, Anastazija Tanja Đelić Social Challenges and European Integration of the Western Balkans	59
Проказина Н. В., Галаева Т. М. Бедность как объект социологического анализа: теоретические подходы и эмпирические измерения	70	Natalya V. Prokazina, Tatyana M. Galaeva Poverty as an object of sociological analysis: theoretical approaches and empirical measurements	70
Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Мотивы вступления в брак: анализ сквозь призму гендера	86	Tamara K. Rostovskaya, Oksana V. Kuchmaeva, Olga A. Zolotareva Motives for marriage: analysis through the prism of gender	86
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ		SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES	
Ермолаева Ю. В. Трансформация социально-экологических практик обращения с отходами в менталитете граждан России	104	Yulia V. Ermolaeva Transformation of social and environmental practices of waste management in the mentality of Russian citizens	104
Иванова В. Первоначальное влияние COVID-19 на профессиональные траектории высококвалифицированных болгар	117	Vanya Ivanova Initial Impact of COVID-19 on the Professional Trajectories of Highly Qualified Bulgarians	117
Накова А. Проблема беженцев - государственная политика и общественное мнение в Болгарии	128	Albena Nakova The Refugee Challenge: State Policy and Social Attitudes in Bulgaria	128
Пиньковецкая Ю. С. Предпринимательская активность третьего возраста в России	140	Julia S. Pinkovetskaia Entrepreneurial activity of the third age in Russia	140

Guest editor's opening remarks

Albena Nakova

Problems of Contemporary Society in the Face of Global Challenges and Changes

Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences
1000, 13A Moskovska St., Sofia, Bulgaria
albena_nakova.manolova@abv.bg

Вступительное сообщение приглашенного редактора

Накова А.

Проблемы современного общества перед лицом глобальных вызовов и перемен

Болгарская академия наук, Институт философии и социологии,
1000, Болгария, София, ул. Московска 13А
albena_nakova.manolova@abv.bg

Ours is a time of enormous progress being made in many spheres of the life of society and people, but it is also an age of vast challenges, for the effects of progress are not always positive. Very often, the advances made by society confront it with tough, at times seemingly unsolvable, contradictions and problems. This issue of the journal *Research Result. Sociology and Management* is devoted precisely to the problems that contemporary global challenges bring to societies. Uniting the efforts of authors from Russia, Bulgaria, Romania, and Serbia, the collection seeks responses to global challenges in the perspective of the specificities of social development in these countries and the urgent issues they face and have to resolve; this feature determines the great thematic variety of the collection. With regard to scientific methodology, the present issue of the journal offers a very interesting example of successful combination of theoretical and empirical approaches to the study of the global challenges of today; here, the applied empirical approaches include a variety of sociological methods (quantitative, qualitative, and related to media content analysis) as well as ethnographic techniques.

Mobility, and the ensuing migration of large groups of people is considered to be a

basic characteristic of the modern age; this feature of our times is understandably touched upon in one way or another in some of the articles, and is specifically the topic of **The Refugee Challenge: State Policy and Social Attitudes in Bulgaria** by Albena Nakova (Bulgaria) and **Initial Impact of COVID-19 on the Professional Trajectories of Highly Qualified Bulgarians** by Vanya Ivanova (Bulgaria).

In the first of these, the author Albena Nakova examines one of the greatest challenges of our times: the migration of large masses of people fleeing wars, political persecution and terrorism. These refugees who have become one of the most serious challenges to European countries and governments in the last decade. Specifically, the article analyzes the contemporary national policy of Bulgaria with regard to asylum and refugees. The analysis is based on the results of a national representative survey of the Bulgarian population, conducted in 2020, which has shown the integration of refugees into Bulgarian society to be an area of intersection between purposeful state policies and social attitudes determining the possibility for a successful implementation of those policies and impacting on the nature and specific features

of the refugees' integration into Bulgarian society.

In the second article devoted to the topic, **Initial Impact of COVID-19 on the Professional Trajectories of Highly Qualified Bulgarians**, Vanya Ivanova studies the problems of labor migrants and the visible reverse migration trends resulting from the COVID-19 pandemic. In particular, the article explores the impact of the pandemic on the professional trajectories of highly qualified mobile Bulgarians living in different countries in the European Union and beyond. Again based on empirical research, this virtual ethnographic study explores whether the pandemic of COVID-19 is provoking further movements in the professional trajectories of the respondents and their potential intentions to return to their country of origin considering the changes in the daily routine and possible interruptions of their professional realization and developments.

The problems of migration are touched upon in yet another article by a Bulgarian author, **Monitoring of the New Identities (Salafi And Sunni) in Islam and the Role of Social Conflicts** by Bogdana Todorova. Here, the questions of migration interweave with another major challenge of the contemporary world: Islamic radicalism and extremism. In this case, the issue of migration is viewed through the prism of the formation of the "new Salafi and Sunni identities" among the second/third-generation of Muslim immigrants, a trend resulting from the coexistence of modernization-directed and traditional attitudes. The aim and contribution of the article is to justify the need to monitor the formation of "new identities" in Islam, a trend viewed as a precondition for radicalization and extremism; in support of governmental institutions and policies, the author seeks to develop methodological tools for the analysis and prevention of Islamic radicalism and extremism.

In the context of growing mobility, the problems of identity and self-determination are no less a challenge of the modern age. The article by Russian authors Inna Shapovalova, Irina Zavodyan and Irina Valieva **Youth of**

the Russian Borderlands: the Problem of Ethnic Identity and Tolerance analyzes the problems of identity and tolerance in the context of a study on the young generation viewed as a strategically important part of the national human capital. The scientific contribution of the article consists in its deriving the factors, indicators and dispositions relevant to ethnic identity and tolerance among young people in the Russian border region. This analysis is based on quantitative research results showing that, as concerns ethnic identification, the factors of cultural integration and linguistic involvement are primary compared with hereditary factors. Based on the research, the authors introduce the new concept of "delayed ethnic self-identification". The practical value of the article lies in its demonstrating the discrepancy between the conducted youth policies and the actual values, attitudes and interests of young people.

Poverty, another great contemporary challenge, is in the focus of the Russian authors Natalya Prokazina and Tatyana Galaeva in their article **Poverty as an Object of Sociological Analysis: Theoretical Approaches and Empirical Measurements**. Based on a theoretical analysis of the phenomenon of poverty and empirical data from the authors' quantitative and qualitative research, the article presents the regional perception of poverty among various strata of the population, the main characteristics of the poor, and the regional specificity of poverty.

Yet another important challenge in our times – digitalization of education and the expanding presence of digital education in training and teaching – is the topic of the article **Challenges to Digital Education in a Situation of Social Crisis** by Valentina Milenkova (Bulgaria). Examining the state of mobile learning in Bulgaria, the author presents the policy framework in which the education processes take place, and describes the various platforms and software products on which mobile learning is based. Here, the problem of digitalization is linked to the major current challenge presented by the

COVID-19 pandemic, a development that even more distinctly shows the urgent need for enhancing the digitalization of education. Using qualitative empirical methods, the author analyzes the pandemic situation and how, under its influence, the Bulgarian education system is being restructured towards mobile learning.

Another global challenge to the contemporary world, and specifically to developed countries, is population ageing and the need for the state to take concrete measures to help elderly people lead an active life, making possible their active inclusion in society. These important social problems are the topic of the article **Entrepreneurial Activity of the Third Age in Russia** by Iulia Pinkovetskaia. This Russian author's article raises the question that the growing number of people in pre-retirement and retirement age, a typical trend for Russia, requires solving the problem of their employment, including through the development of entrepreneurship in this population group. The author analyzes the features of the activity of third-age entrepreneurs, the dynamics of the number of early-age entrepreneurs in Russia and the prospects for the development of third-age entrepreneurship. Based on the results of empirical research, the author substantiates that not all elderly people can be entrepreneurs as not all have the appropriate abilities and intentions or are ready to create their own businesses. At the same time, people of this age category in Russia undoubtedly have a significant potential that needs to be properly used. State assistance and support for third-age business entities can be one way to solve the problems of population ageing. In becoming entrepreneurs, third-age people remain active, solve many personal problems, increase the employment rate and contribute to the economic growth of the regions.

Against the backdrop of the growing number of people in developed countries who want to cohabit without being officially married, the Russian authors Tamara Rostovskaya, Oksana Kuchmaeva and Olga Zolotareva, in their article **Motives for Mar-**

riage: Analysis through the Prism of Gender, address the multi-faceted and complex problem of making a comprehensive assessment of the motives that encourage the creation of a family union. Drawing upon data from a nation-wide sociological study in Russia, the authors analyze the opinions of men and women on motives for marriage. The practical significance of the study lies in the information it provides regarding the current transformations of the Russian value system that affect marital behavior, trends that should be taken into account when developing management decisions relevant to socio-demographic development.

Ecological problems, certainly one of the most important global challenges of our time, are the focus of Russian author Yulia Ermolaeva's article **Transformation of Social and Environmental Practices of waste management in the mentality of Russian citizens**. Based on interviews with citizens, this study examines the perception of waste as an environmental practice, and studies separate waste collection and the motivation for it as the main environmental practice accessible to citizens. The article shows that Russians have a high level of knowledge about the waste problem, which, however, does not lead to persistent motivation for pro-ecological action. Based on this, the author argues the importance of introducing a convenient infrastructure for separate waste collection and strengthening the economic and social motivation for it.

The article by Valentina Marinescu (Romania), **Divergent Perspectives about Social Problems in Romania. A Longitudinal Literature Review**, analyzes a particularly important problem for the social sciences and science in general: to what extent can science identify and help solve fundamental social problems. To address the question, the author focuses on the main documented trends in the scientific analysis of the modes of Romanian media presentations of the internal social aspects; in particular, the author examines the media representation of disadvantaged social groups. The main gen-

eral conceptual framework applied to this task is “framing theory”.

A continuation of the topic of science serving to resolve important social problems is offered by Serbian authors Slobodan Neskovic and Anastazija Tanja Đelić in their article **Social Challenges and European Integration of the Western Balkans Countries**. According to the authors, the sub-region of the Western Balkans, which includes Serbia, Montenegro, Bosnia and Herzegovina, Albania and Northern Macedonia, is of special interest to all researchers of social phenomena due to the here continuously displayed challenges, risks and threats to security, which underlie the region’s reputation as the “powder keg” of Europe. The special topic of analysis here is the EU integration of countries in this region, which has reached different stages according to their individual specificities of economic development, political system and security issues.

Unquestionably, contemporary global challenges are numerous and multifaceted. Identifying and seeking adequate solutions for

them is a matter both of national state policies and of coordinated international policies, and also a question of the attitudes of local populations and their willingness to be proactive and directly take part in seeking solutions and applying these solutions in practice. In this issue of *Research Result. Sociology and Management*, we have attempted to present part of the global challenges to contemporary society. Obviously, the presentation is not, and cannot be, comprehensive. Yet we hope we have succeeded in conveying a partial picture of today’s multifarious world, and in provoking your attention. I hope you enjoy our publication!

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria.

Накова Албена, PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, София, Болгария.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-1

Original article

Bogдана Тодорова

**Monitoring of the new identities (Salafi and Sunni) in Islam
and the role of Social conflicts**

Institute of Philosophy and Sociology – BAS, Department of Social Theories,
Strategies and Prognoses,
1000, 6 Patriarch Evtimii Blvd., Sofia, Bulgaria
bonytodorova@gmail.com

Abstract. Increased conflict proneness contributes to profound changes in the socio-political stratification and structure of society. Islamist movements are a political phenomenon that should be analyzed similarly to other political phenomena, and the Islamic fundamentalism should be examined as a consequence of social conflicts. As a result of the coexistence of the modernization-directed and traditional attitudes, expressed in the emergence of „new Salafi and Sunni identities“, modifications take place among the second/third-generation of Muslims. The aim is to justify the need to monitor the „new identities“ in Islam and social conflicts as a prerequisite for radicalization and extremism and to develop methodological tools for analysis and prevention of the Islamic radicalism and extremism in support of governmental institutions and policies. The research approach assumes that the stability of a social system is seen as a temporary balance of powers, and a conflict plays the role of a mechanism affecting this balance and turning it to a new state of equilibrium and a new balance of the powers. A phenomenological approach and Social Movement Theories have been applied to issues related to the Islamic activism, social movements and the radicalized form of religion reduced to a religious ideology. In conclusion, the need to predict the trends for the formation of a new religious and political situation in order to transfer new knowledge to promote the development of social sciences for the benefit of society is outlined.

Keywords: Islam; radicalism; identities; social conflicts; monitoring

Information for citation: Todorova B. (2021), “Monitoring of the new identities (Salafi and Sunni) in Islam and the role of Social conflicts”, Research Result. Sociology and management, 7 (1), 8-20, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-1

*Оригинальная статья*Тодорова Б.**Мониторинг новых идентичностей (Салафи и Сунни)
в исламе и роль социальных конфликтов**

Болгарская академия наук, Институт философии и социологии,
кафедра «Социальные теории, стратегии и прогнозы»
1000, Болгария, София, ул. Московска 13А
bonytodorova@gmail.com

Аннотация: Усиление конфликтов приводит к глубоким изменениям в социально-политическом расслоении и в структуре общества. Исламистские движения – это политическое явление, которое необходимо анализировать подобно другим политическим явлениям, а исламский фундаментализм рассматривается как следствие усиления социальных конфликтов. Изменения происходят среди мусульман второго и третьего поколения иммигрантов как результат существования противоположных установок, направленных на модернизацию и на сохранение традиционных ценностей, что проводить к появлению «новых идентичностей салафитов и суннитов». Цель статьи состоит в том, чтобы обосновать необходимость мониторинга «новых идентичностей» в исламе, показать роль социальных конфликтов в возникновении радикализации и экстремизма, а также разработать методологические инструменты для анализа и ограничения исламского радикализма и экстремизма путем поддержки государства и его политики. Автор утверждает, что стабильность социальной системы является только временным балансом сил, а конфликт играет роль механизма, который разрушает этот баланс и приводит к новому состоянию равновесия и к новому балансу сил (Козер, 1999). В статье делаются ссылки на феноменологический подход и теорию социальных движений, которые используются для объяснения исламского активизма, социальных движений и радикализованной формы религии, сведенной к религиозной идеологии. В заключение подчеркивается необходимость прогнозирования тенденций в развитии религиозной и политической ситуации с целью формирования новых знаний, которые способствовали бы развитию социальных наук в интересах общества.

Ключевые слова: ислам; радикализм; идентичность; социальные конфликты; мониторинг

Информация для цитирования: Тодорова Б. Мониторинг новых идентичностей (Салафи и Сунни) в исламе и роль социальных конфликтов // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 8-20. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-1.

Introduction. The politicization of Islam is not directly related to religious sentiment, but rather to its use in politics, where it serves to justify and legitimize political actions. Islamist movements are a political phenomenon that should be analyzed analytically, similarly to other political phenomena and in

the context of local social conflicts. Political Islam and the new media environment, which is rapidly changing attitudes towards Islam and religious authorities (Eickelman, 1999), impose the need to monitor the „new identities“ (Salafi and Sunni) in Islam. The Kozer's research approach in exploring conflicts as

sumes that the stability of a social system is seen as a temporary balance of powers, and a conflict plays the role of a mechanism affecting this balance and turning it to a new state of equilibrium and a new balance of the powers (Kozer, 1999: 28). The methodological approach of Prof. A. Ignatenko in studying the activity of the religious and political groups in the Islamic world from the second half of the 20th century, phenomenological approach and Social Movement Theories were used.

The aim of the present study is to justify the need to monitor the „new identities“ in Islam, to explore the role of social conflicts as a prerequisite for radicalization and extremism and to develop methodological tools for analysis and prevention of the Islamic radicalism and extremism in support of governmental institutions and policies. The radicalized form of religion, which is reduced to a religious ideology and adapted to the political and tactical tasks of the radical movements, was examined.

Western European research focuses more on preventive measures preventing terrorist attacks, deradicalizing extremists, control of special services on Islamic religious communities, while the Russian research emphasizes the need for theoretical and methodological tools and assessment of Islamic fundamentalism as a consequence of social conflicts in the context of modernization. A similar type of analysis leads to the study of social processes and phenomena. The ideological crisis of modern society, marginalization, the difficult social situation of large groups of people, and the lack of sense and vision for the future lead to the crisis of identity and search for an alternative, a new identity, which is expected to solve these problems. Political practice further encourages conflicts, and Islamists offer utopias and critiques of the modern world, which should not be underestimated.

In the Sunni Islamism, during the last 20 years a new religiously, doctrinally and ideologically motivated paradigm was developed, which is presented as a new model of

resistance (revolutionary and populist) for the region and considered a part of the trend of global jihadism. The Lebanese political scientist Amal Ghorayeb calls this version of Sunni Islamism „*anti-systemic*“¹. In parallel with this trend, a narrower *Sunni confessional model* is developing, which is sponsored by the Saudi Arabia, Qatar and Turkey and has political goals. This model is closely linked to ruling elites and fears of the Shiite threat. The Wahhabis anti-systematists deny monarchical rule and want a return to the Islamic caliphate (a trend, which is mostly manifested by the Islamic State (IS)) (Al-Rasheed, 2009).

Gilles Kepel assesses the influence of Wahhabism on the Sunni Ummah as follows: „Until 1973, local religious traditions were successfully preserved, embodied both in the religious ideas of theologians from the various schools of Sunni law and in the Shiite clergy. They are suspicious to the puritanism of the Saudis because of their sectarian nature. The Wahhabis aim to make Islam a major force at the international stage and to reduce the numerous interpretations of this religion to the traditions of Mecca. Their fervor spreads everywhere through the geographical boundaries of Islam and reaches the West, where Muslim immigrants become the target of Saudi proselytism. This makes it possible to defend the monarchy and to see the Saudi Arabia as a country of charity and religiosity. That is why, the Kingdom needs American military protection and support for the regime“ (Kepel, 2004).

Sunni protests are used by extreme radical extremists to increase their own influence. However, they, in turn, undergo modifications among the second and third generation of young Muslims in Europe which gives us grounds to speak about the formation of a *new Salafi identity*. A new identity is formed, which supported by an ideological framework significant for the individual. Today, Salafism manifests itself in two trends: *revolutionary-conservative* and *governmental*. Lost illusions and expectations for changes make many

¹ Islamic studies (2016), 7(4), 5-15.

young Muslims to consider the „return to their roots“ the only opportunity for change.

Methodology and methods. *New Salafi identity.* The Salafi and Wahhab doctrines form a new Salafi identity. Its success is due to the intellectual and organizational weakness of traditional Islam, as well as the lack of academic voices and new intellectual pursuits. The idea of ideological purity, expressed in the slogan „Returning to the Qur'an and Sunnah“, is one of the leading ones and is an indirect allusion to the respective impurity or a deficiency of purity among the non-Salafi Muslims (Svensson, 2012). This call for textual return is accompanied by constant citations by scholars from the Saudi Arabia, such as the late Abdul Aziz Ibn Baz (1910-1999), Muhammad ibn al-Uthaymeen (1925-2001), Muhammad Nasiruddin al-Albani (1914-1999) and contemporary such as Saleh al-Fawzan (born 1933).

Epistemologically, the new Salafists oppose the possibility of rational knowledge, textual ambiguity and metaphoricity, and reject the possibility of interpretation of the Qur'an and Hadith by people outside the narrow circle of Salafist scholars. *Theologically*, they draw from the narratives of their *Aqeedah* and freely follow the early Ahmad ibn Hanbal which is evident from the exact textual reproduction and rejection of any philosophical, theological speculation of the Qur'an or Divine attributes (For more details, see Winter, 2008).

Methodologically, this new trend of Salafism relies on literalism and the constant opposition of *Tawhid* (monotheism) to *Shirk* (polytheism), of *Sunnah* to *Bid'ah* (innovation). They reject a large part of the Muslim intellectual heritage, modernity and liberalism claiming that they pollute Islam. They even developed several categories of *Tawhid*: *Tawhid al-Ruhuhyya* (*Oneness of Lordship*), *Tawhid al-Uluhiyya* (*Oneness of Godship*), *Tawhid al-asma Wa-l-sifat* (*Oneness of Names and Attributes*).

In terms of ritual practice, there is nothing more important for them than practicing the Sunnah. It is followed by an accurate ref-

erence to the authentic Hadiths (Muhammad Nasiruddin al-Albani), which set the behavior of the believer. They blame other Muslims for allowing innovations that alter the integrity of the Sunnah and religious syncretism. As the French expert on Islam Oliver Roy points out, “modern Salafists seek 'deculturation' of Islam, practiced by the majority of Muslims, removing popular beliefs from it, removing it from the context of the national and regional cultural conventions, emphasizing strict constructivist interpretation of Qur'an and the Sunnah as easy to understand and clear to follow.” (Citation of O. Roy by Bernard Haykel in Meijer, 2009: 3).

True Salafists must not associate with unbelievers, including also Shiites (called *Rafidis* [apostates] because of parts of their dogmas and the refusal to recognize the political legitimacy of the first three caliphs), and Sufis (Sufism, according to them, is an innovation related to innovation and polytheism). The practical dissemination of these ideas takes place through the newly built by Saudi Arabia mosques in Europe (especially in Britain² – Salafi Institute and Green Lane Mosque-Birmingham, Brixton Mosque, Masjid Tawhid, Arab al-Muntada Al-Islami-London, Islamic Center – Luton, Makki Masjid, Masjid Furqan-Manchester), literature, websites, media, magazines (Al-Jummah), translations of the Qur'an, training of young Muslims in Saudi universities, after which they return as teachers in Europe. The new Salafists are a part of those created in the late 90s of the last century – YM (Youth Muslims), JIMAS³, HISAM (Harakat Islah al-Shabab al-Muslim).

Their distinction from other religious organizations is based on a methodological and conceptual level.

² About 1600 of their mosques are in the territory of Great Britain.

³ The clash of ideas between the Director of Al-Hijrah Muslim Girls School, Abdul Karim Saqib, and the leader of HISAM, Abu Muntasir, led to the creation of JIMAS and the rise of British Salafism. The JIMAS strong positions are due to the personal commitment of the influential scientist and founder of the UK Islamic Shariah Council, Dr. Suhaib Hasan.

Such identity markers form the image of the new Salafists, as well as their feeling of the „*saved community*“. The claim to authenticity through the use of hyper-textual methodology is their trademark which makes them attractive in today's world of crisis and uncertainty. Quintan Wiktorowicz, the explorer of *Islamic Activism*, explains this Salafi hermeneutics, which rejects or minimizes the role of the human intellect, as the invention of an opportunity for people to find a new religious identity, which is free from popular beliefs or imaginary alternatives. A sense of the importance of religion, which is attractive to young people, the second generation of Muslims in Europe, especially South Asian Muslims, is formed.

„*Salafism is strong because it reveals the discrepancies between religion and culture, it is clear, simple, related to classical Islam and the messages of the Qur'an and the Sunnah*“ (Wiktorowicz, 2006: 207-39).

The risk for young Muslims or converts is that adopting a Salafi identity, they become followers of a „de-ethnicized“ supranational identity linked to a process of changing and rewriting religious symbols and practices. Also, his typology (Ibid.), which highlights three major global Salafist trends based on the main distinctions of the Salafists between „*puritans*“, „*activists*“ and „*jihadists*“, is useful.

Theologically, they share the same ideas and differ in the analysis of the problems, which Muslims face today, and the way they are solved. „*The Puritans*“ or „*scholastic Salafists*“ are known for their loyalty to the Salafi *Akida* and the Saudi state and oppose the attempts to change the power of the ruling Muslim governments. They believe in the individual changes, correction of faith and ritual practices, and are better known as the followers of the Saudi scholar Rabee al-Madkhali (1931). For them, any form of political activism is *Haram* (forbidden) because it leads to *Fitna* (chaos). Using the Salafi credo, the „*activists*“ still insist that the changes in the socio-political reality must be taken into account and that a political reformist methodol-

ogy following the example of ‘*Muslim Brotherhood*’ has to be introduced. The „*Jihadists*“ Salafists are often called Takfirs because of their habit of using violence against „*apostate governments*“ and jihad against the West. They do not agree with the existing order and use terror and violence to change it. With the emergence of their websites (*Salafitalk.net*), their influence intensified, due to which the „*puritans*“ boycott them. A struggle for power and delegitimization of the followers of other Salafi trends began. The followers of Abu Khadeejah began to call themselves „*super-Salafists*“. Suicide bombings are a part of their tactical struggle, as well as the killing of innocent people, including Muslims. What sets them apart from the other two trends is their „*open code of incitement*“ and the attack on European interests outside Muslim countries.

The competition between these organizations, the internal battles for influence in politics and coming to power, as well as for sources of funding, led to the emergence of the so-called „*Reformed Radicals*“, new liberal Muslim voices seeking their audibility in the public sphere. This trend is intensified, especially after Salafism was linked to terrorism by the media. A new social sphere is emerging, which presents Muslim activism as modern, exciting, non-related with the interests of minorities, however, expressed through cultural forms such as the art (the first participant in a hijab for the contest „*Miss England – 2018*“ Sara Iftekhar from Pakistan), fashion (fashion designer Eli Saab), widespread distribution of Islamic products and services, media technologies.

Having in mind the social dynamics, Prof. O. Roy points out their transformations in the last twenty years, as a part of 3 paradigms – *religious, social and political*. As a result, we witness *a new global generation, a change in political culture and a new religiosity* (Roy, 2011). With regard to the new global generation, there are a number of trends that shape it: more women have higher education and work, young people marry later and have fewer children, the „*cell family*“ re-

places large households. All of this, accompanied by free access to the Internet, mobile phones and satellite television, is changing young people's attitudes towards their own religion, culture and societies. (For more details, see Herrera and Bayat (2010), and Cole (2014).) The emergence of this new global generation is also changing the political culture of young people, who are less excited about totalitarian ideologies than about being nationalists or Islamists. This generation also demonstrated a new religiosity, which grew out of the phenomenon of „*re-Islamization*“ in the last 30 years – a visibly increased attendance at mosques (more women wear hijab) and, in parallel, growing individualization and detachment from the religious sphere. Many traditional religious leaders have lost their legitimacy at the expense of young, independently thinking „entrepreneurs“ who can be found on the Internet. A new way of thinking about the meaning of the life as a Muslim in the modern world, as well as new diasporic, local forms of „*living Islam*“ are formed. The global generation is well informed, has many choices and the opportunity to try them out in person, as well as to introduce an avant-garde approach to religious practices. Of course, different internal and external forces influence these trends, pushing them to flexibility, adaptability, a change of their organizational structures, goals and mode of action. These social changes cumulatively affect the social purity, in which Islamic trends are developed. We are also witnessing attempts to reconcile and integrate the faith of Muslim minority communities in the secular, postmodern European societies.

We see similar transformations in the „Young Muslims“ (YM), who are beginning to identify themselves as a part of the „*Global Islamic Movement*“ which allows them to share their views on the global network – „*in Europe we feel ourselves ignored, restrictions and injustice prevail at the expense of the absence of Islam [...] that is why, it is our duty to present Islam to the people in these countries, but not as a „Saracen religion“ or as a*

„threat to the West“ „, or as a remedy against all types of infirmity and injustice [...]“⁴.

Among other Islamist groups, the Young Muslims are most closely to post-Islamist positions⁵.

Dogmatic Islamism has been abandoned for pragmatic reasons influenced by secular terms, liberal attitudes, opportunities for direct access to the ideas of modern Islamic scholars and various Muslim and non-Muslim intellectuals (journalists, academia, politicians). We can define their representatives as a mature generation of young Muslims who have kept their personal devotion to the faith, however, participating in the debate on Islam in Europe in a sophistic way.

Focused on the media and political control, as well as new anti-terrorism laws, the followers of JIMAS are trying to be more self-critical and explain to society the difference between terrorism and jihad. From an incubator of British Salafism, today, they are a volunteer charity organization that seeks to build bridges with non-Muslim organizations, demonstrating a commitment to civic causes. The lectures given by their representatives include Western rhetoric, references to Western philosophers and history, and promote the development of interreligious dialogue. In contrast, „*the puritans*“ remain loyal to Salafi vocabulary and symbolism, as can be seen from their websites: *salafimanhaj.com*; *salaf.com*; *salafpublications.com*; *islam4kids.com*. The presence of this pro-Salafist literature contributes to the promotion of Salafism in a public religious discourse. Some researchers call them „*Salafi literalists*“ because of their strategy to focus on Salafi

⁴ Young Muslims UK, "About Us", available at: http://www.ymuk.net/index.php?Itemid=26&id=12&option=com_content&task=view (link was closed by May, 2015)

⁵ Here, the term post-Islamist is used in accordance with the original concept of "post-Islamism" by the sociologist Asef Bayat in his book "Making Islam Democratic: Social Movements and the Post-Islamist Turn" to describe the pragmatic orientation and Islamic socio-political projects launched in Egypt in the mid-1990s.

motifs in language and literature and to use phrases such as „Orthodox Islam“, „normative Islam“, to prove their own loyalty.

Many of their imams, such as *Haitham al-Haddad*⁶, *Muhammad Alshareef*, *Yasir Qadhi*⁷, offer professional online training as well as religious packages, imposing their own approach to religious revival. They issue certificates, organize conferences, one-week courses, online media programs. They use modern pedagogy of training, data analysis, create their own corporate structures, applying a good marketing approach to certain target groups and young people from selected locations.

Research Results and Discussion. *The New Sunni identity.* Following the proposal of Prof. A. Ignatenko (2003) for a methodological approach, defined as „neoclassicism“ in the Russian studies of Islam, to explore the activity of the religious and political groups in the Islamic world from the second half of the 20th century, the present study attempts to analyze the current dynamics of the social environment and the role of *the new Sunni identity* directly affecting the security environment in the Balkans, Russia and Central Asia.

As an ideology, the new Sunni identity emerged in the late 20th and early 21st centuries and also served as a manifestation of the radical and extremist groups not only fighting against governments but also performing ethnic and religious cleansing, imposing their control and order over the conquered territories. The main factor for instability are the political groups religiously connected with the Sunni trend in Islam.

Of interest for the analysis are the representatives of the Gulenists or the so-called „FETO“, who stand for the change of man

⁶ He is affiliated with Arab Salafi Al-Muntada al-Islami London, author of Islam21.com, and works closely with iERA and the AlMaghrib Institute.

⁷ He graduated in the Saudi Arabia; Visiting Professor of Islam at Rhodes College, Memphis, USA. In “On Salafi Islam” he describes the various Salafi trends, see: Muslim Matters.org, 22 April 2014, available at: <http://muslimmatters.org/2014/04/22/on-salafi-islam-dr-yasir-qadhi> (Accessed 14 May 2015).

and society through education. Born in 1938, *Fethullah Gulen* built his own concept of Islam, which combines free market and modernity. For him, Islam is both a self-consciousness and a moral system. His followers are middle-class members (who quickly improved their lifestyles after 1980), who build a network of cultural foundations, charities, a powerful media empire, with the aim to change the political discourse in Turkey. The „business model“ created by them was similar to that of the American Missionary Schools, which operated during the late Ottoman Empire. In the Western Balkans territory, some of the madrassas sponsored by the Saudi Arabia were subsequently given to the Gulenists through the mediation of Qatar. In other words, there is a direct transfer from the Arab Salafist networks to the Turkish foundations. This situation creates conditions for *increase in the religiosity* of the Muslim population. Since 1992, with the tacit support of the Turkish government and solid Turkish investment, they have begun to build their Balkan network of influence, in parallel with a similar network in Central Asia as a consolidation of the Turkish presence in the region. The agents acting on behalf of Turkish government (Diyanet, TIKA) have focused their efforts on strengthening the Islamic Ummah through a medium-term goal of forming the Balkan Islam according to Diyanet understanding of Islamic doctrine and practice, which are close to local traditions, to legitimize it as the successor of the Ottoman *Meşihat* (*Şeyh-ül Islam*) – *as the largest and most centralized service in the world on religious issues*, as well as the restoration of the Ottoman religious and architectural heritage. On the other hand, Turkish religious foundations are replacing the former Gulf donors, serving a wide range of education, from secular colleges and universities to Qur'an reading courses. Trained fellows form new Turkish networks of well-trained people, who are dedicated to Turkey.

The goal of the Gulenists is to win hearts and minds, and according to the French anthropologist Bajram Baldji – to restructure

society through the training of elites, in which they resemble the Jesuits (Balci, 2003). The role of these elites is to mobilize the historical heritage as a basis for the dynamic development of society, in the context of the idea of undulating development. The concept of “undulating development” offers interesting solutions for the effectiveness of modernization actions. It insists on innovation and stabilization cycles: the periods of introduction of innovative technologies has to alternate with the stabilization of social development on the basis of reproduction and use of tradition (Pantin, 1997).

Traditional values such as family, clan and all the factors strengthening the group solidarity and identification receive rehabilitation. The unified notion of a model of political action in the process of modernization has been replaced by a multi-component approach: it is obvious that the pace and consequences of modernization in different countries depend on the traditions, political culture, mentality and standard of living. It is no coincidence that the German conflictologist Dahrendorf (1990: 21) claims that if six months are enough for constitutional reforms, while decades are not enough for economic reforms, then cultural transformation requires a change of several generations.

The idea of reinterpreting tradition in the spirit of modern reforms is the task of the political elite, which must show people the relevance of historical heritage, which has to serve as a basis for the dynamic development of society, giving it the necessary motivation for adequate political actions. However, modernization through reinterpretation hides two serious challenges to the political elites of the Balkans, Russia and Central Asia – to open the doors of neo-Ottomanism or neo-conservatism all the way. Tanaskovic (2010) defines neo-Ottomanism as a philosophy of history, a civilizational paradigm and a worldview common to the majority of the modern Turkish nation, and especially to its intellectual elite. Brzezinski (2004:89) warned against underestimating the danger of a “renewal of Islamic religious and political tradi-

tions with a following radical change in the Ankara’s international course”.

Turkey strengthens its positions through economic investments and joint projects in the field of education and culture, because these are „the Ottoman Balkans“, „the Ottoman heritage“, „the cradle of Turkish civilizational identity“! What is the vision for the future, for the neo-Ottomans – a common Balkan culture, „a modernized hybrid model in the spirit of Ottoman syncretism, with a profound Islamic matrix“ (Tanaskovic, 2010: 138). Neoconservatism, set in a location prepared by neoliberalism, gives birth to a new political form, a specific kind of government and citizenship.

This only shows the need for an urgent anthropology and monitoring of „new identities“ in Islam, as well as *an assessment and analysis of the dynamics of the social environment*. New social structures are being formed, new strata and groups are emerging within the local population, which also should be a subject to monitoring and analysis.

Islamic activism and the radicalization of religion. The synergy between reflection, planning and action of the participants in *social movements* should also be analyzed. Theories of the political and cultural influence of Social Movements (Social Movement Theories, SMTs)⁸ help us understand the discourse of the politically oriented national and transnational organizations (usually reformist) fighting to Islamize laws and societies, aiming at the return to faith within the Islamic world, but not towards the acceptance of the faith by non-Muslims (Esposito, 2007: 85).

According to the anthropologist Talal Asad, „*Islamic discursive traditions are characterized by their own rationality or way of thinking – embedded in their texts, history and institutions*“ (Anjum, 2007: 662). These traditions are both loaded with history and influenced by the intellectual, cultural and political conditions of modernity. Such a vari-

⁸ The first developments in this direction of social scientists such as Charles Tilly, Doug McAdam, Sidney Tarrow, Mayer Zald are essential.

ety of trends allows manipulating tradition and imposing one's own interpretation as the most authentic and correct reading of religion. This acts as a religious filter in terms of traditions and their applicability at a given place and time.

The majority of studies on the Islamic activism are related to functionalist social psychology concerning mass behavior, according to which collective action is a consequence of exogenous structural forces, systemic imbalance, and accompanying pathologies (anonymity, alienation, marginalization, and uncertainty) (Wiktorowicz, 2005:11). According to them, existing frameworks cannot explain how people organize themselves into social movements based on faith and understand the rational strategic decisions made by their leaders. Research into the Islamic activism has become popular since 1990, when certain specialists sought opportunities to link the faith-based activism to social science theories of collective action. Accordingly, SMTs focus on the interaction between ideology, leaders and members, analyzing social movements through the prism of the approach, by which Islamic activists rationalize their own missions and mobilize their own organizations. They practically downsize the specifics of Islam and remove its uniqueness as the basis for identity and collective action. The Quintan Wiktorowicz's study (2004) offers a different use of „case studies“ to elucidate the Islamic activism in a different context (Meijer, 2005:279-91). Wiktorowicz studied the extremist group *Al-Muhajiroun* (AM), which operates in the territory of the United Kingdom. By applying the ideas related to „search for the religious“, „mobilization resources“ and „decision-making process“ he shows how social networks and media are used to convey messages of the respective movements. Mobilization resources show how Islamic activists act as rational actors rather than individuals driven towards religious ideology by pure dogmatic motives. Thus, the „decision-making process“ is both a tactical and strategic process of evaluation of

risk and means, and not only the ideas of piety and theology.

The reasons for „searching for the religious“ are also important: for some individuals, religious observance of the rules makes everyday life meaningful, for others a meeting with a close, highly religious friend or relative, listening to sermons of local imams in mosques or the decision to perform Hajj (annual worship in Mecca) proves to be a turning point. Islamophobia, racism, and social exclusion are also a motive, and social networks and media contribute to increasing receptivity to the messages of certain religious groups (For more information see Choudhury, 2007 and Kundnani, 2014).

Protecting one's own culture strengthens religious identity. This leads to the so-called „cognitive opening“, which calls into question previous beliefs and seeks new alternative views and ideas, as well as openness to new Islamic trends. Through them, Muslims feel free both to transcend cultural, ethnic and conservative views (distributed mostly in mosques) and to offer an alternative subculture and social assistance institutions. The Justin Gest's study (2010) (a comparative analysis between Muslims in East London and Madrid) showing how social alienation from democratic processes leads to what he calls „apartheid“ (an active or passive form of social exclusion), is valuable. Some imams preaching in the territory of Europe share the view that if there is no racism in the West, there will be no conflict of identities and consequently this will aggravate the situation of Islamists (Wiktorowicz, 2005). According to them, the factors leading to this cognitive opening and recruitment of volunteers for the cause of Islamists are: the feeling that the Muslim world is constantly under attack, the policy of double standards, the understanding of political Islam as a panacea for all Muslim problems, the lack of alternative academic voices against the background of escalating hate and propaganda from the media and the

Internet.⁹ However, the activism of the new Islamists is different from the behavior and understanding of religion of their parents, which today are presented as archaic and insufficiently informative. Islamist activism consolidates on rituals and traditions devoid of „political import“ which promotes self-identification with an Islamic identity, which differs from the „other“ or the identity of non-Muslims. The result is a network of identities and values that change the dominant cultural code, or, as Alberto Melucci (1996) calls them, the „networks of shared meaning“ or „communities of true believers“, united by a shared interpretation of Islam and a high-grade opposition to the common religious understanding (Wiktorowicz, 2005: 17).

„Islam is the solution“ is the slogan of the activist organizations (Islamic Propagation Center International, IPCI¹⁰ and the Salafi-oriented „Assembly of Muslim Youth“ – WAMY). The goal of Islamic activists is to convince humanity of the need to return to the primary religion (*Deen al-Fitrah*). The focus on these two trends – „Islam is the solution“ and „Becoming a good Muslim“, emphasizes the idea that Islam is the last universal religion. This universality and a society based on faith are the two defining characteristics of religion that make Muslims declare kinship with other believers around the world at an emotional level – „We are one Ummah“!

Political activism against Islam only strengthens this conviction of the „dream society“ and assists the creation of the real and virtual connections between believers living in difficult circumstances (Anderson, 2006). Western intervention in countries such as Syria, Iraq and Afghanistan only strengthens the

⁹ An interview of the author performed in Manchester in Masjid Furqan-Manchester on 20.07.018.

¹⁰ IPCI is based in Birmingham and distributes freely speeches and video messages of the South African author Ahmed Deedat (1918-2005), with numerous followers among Muslims around the world. Some of the titles are: *Ressurection or Resuscitation? Crucifixion or Crucifixion?* and *Combat kit against Bible Thumpers*. His ideas were further developed by the Imam Dr. Zakir Naik, who is of Indian descent, using the satellite channel “Peace TV”.

sense of shared responsibility to the people there, for moral and political support for the creation of a single and universal Muslim Ummah, which, for many Muslims, is an emotional process associated with religious identification, motivating them to awakening, charity and physical participation in conflict zones (we observed it in the 1980s in Afghanistan, in the 1990s in Bosnia, and today in Syria).

The role of social conflicts. The construction of any Islamic trend has to be understood in the context of its relationship with its creators: how their ideas grow locally and are renegotiated depending on the dynamically changing environment and circumstances. There is a significant lack of expertise in the development of the socio-political situation in society, early prevention and the prediction of possibilities for conflict. It is important not only to prevent escalation of tension, but also to prepare how to react properly in the event of a threat of conflict situation. The results of various governance policies regarding radical Islam and extremism need to be critically assessed and analyzed. In this regard, it is important to study and regulate the various reasons (economic, political, religious, social) for tension, at the local, regional and global levels.

In the last few years, economic immigrants in Europe, refugees seeking political asylum with different nationalities from North Africa, the Middle East and South Asia have also changed the religious and cultural landscape of Europe. They bring their religious practices, culture and customs with them. Sometimes this also creates tension between newcomers and settled Muslims, and heightens the European fears of new waves of migrants, especially against the background of increasing numbers of mosques and religious institutions as a sign of religious mobilization. The growing number of converts in recent years should not be ignored, too.

Poverty, marginalization, poor living standards, and migration are prerequisites for the activation of local leaders and radicals, political movements and programs, which ex-

acerbate the situation at the local level and lead to social and psychological tension. As a consequence, there is a radicalization of local movements using extremism and separatism. The general dissatisfaction of various social strata of the population, as well as the irrational socio-economic policy pursued by a government are very often a prerequisite for radicalization and extremism. We are witnessing how the social structure of society is radically changed transforming itself into a new quality. New forms of ownership appear and the differentiation between people deepens. We no longer speak about a conflict between „poor and rich“, but about the danger of conflicts of a new nature. Not only immigrants, but an increasing share of the local population exists on the brink of subsistence which is a prerequisite for growing social and political tension. It is necessary to study the effectiveness of countering Islamic extremism and the intensifying reactions of Islamic organizations in the context of the relationship between the poor standard of living of the population and extremism. A similar comparative analysis is partly found in the Matt Qvortrup's study (2012) and his empirical data on Western Europe.

A large part of the highly qualified and educated population is changing its status and failing to cope with the new trend of „dissolving the middle class“ and depersonalization of the intellectuals, which changed its professional status or immigrated to other countries during the transition to market capitalism. This is a loss of professionalism and competence, a prepared and trained intellectual and moral fund (For more details, see Yankevich, 2004: 43). The question of the reproduction and preservation of the intellectual potential (domestic and foreign) is underestimated, as a priority is given to scientific-technical or technological training at the expense of the humanitarian education. The majority of the trained staff go to work in business or government agencies, which reduces the scientific potential and the opportunity for scientific expertise in support of government policies. This requires the development of meth-

ods for studying and analyzing the emerging and ongoing conflicts, as well as technologies corresponding to their specifics in order to regulate and overcome them.

Today, the domestic situation in a given country is more explosive and much lesser predictable; there are no schemes for operational and dynamic modeling of, for example, regional conflicts and identification of prevention measures based on the assessment of respective participants. The anticipatory expertise on the nature of the ongoing critical processes in the various (economic, political, ideological, interethnic and interreligious) spheres of social life ought to come from scientific research. An action-oriented approach and the creation of interdisciplinary training units of specialists philosophers, sociologists, psychologists, political scientists, ethnologists, economists, who could prepare the necessary expert assessment of the state of conflict in a given area/region, prevention, forecasting and management, are required. The main focus should be put on social conflicts as a prerequisite for radicalization. Monitoring and management of their sources, level and dynamics of tension, nature and peculiarities of the parties participating in them are required and the mechanisms and methods for stabilization of social relations has to be developed on the basis of the results obtained. Such methodological tools can be: expert assessment, sociological and socio-psychological methods, the method of active monitoring, the method of social modeling, monitoring of social networks and social movements to allow systematization, optimization and processing of information flows. National policy needs adequate models and scenario forecasting of conflictogenic factors, especially the factors, which exacerbate nationalist sentiments, as well as the exposure of the destructive and destabilizing consequences of them. Positive socio-cultural traditions and customs ensuring the effective interaction of individual social groups and ethnicities, as well as the economic and socio-political environment, have to be preserved.

Conclusions. Socio-political conflicts caused by objective reasons such as the differentiation of the political system and the formation of new social groups and strata in society, which have different social, economic, political, religious, cultural and moral interests, are a prerequisite for radicalization and extremism. They become a prerequisite for the economic, political and spiritual conflicts. This requires an analysis of the role of social conflicts, as well as the development of methodological tools for assessing, analyzing and forecasting the risks of radicalization.

Today's trends in the study of political Islam are related to European jihadism as a transnational phenomenon and to the new challenges such as underestimation of the role of terrorist networks and the emergence of „new players“ and „new identities“, which form terrorist cells in the territory of Europe.

Guidelines for combating radicalism must include the preparation and implementation of a comprehensive program of the political, socio-economic, informational, educational, organizational, legal and other measures to identify, avoid and prevent extremist activity, minimizing its consequences, monitoring of the causes and conditions that cause it, on behalf of governments and competent authorities.

Prediction of the trends for the formation of a new religious and political situation is required for the transfer of new knowledge by solving this global problem which could promote the development of social sciences for the benefit of society. The tasks of the scientists are the elaboration of a theoretical-methodological model, which would offer universal and specialized criteria for effective counteraction to the radicalization of Islam and extremism; the formulation of a conceptual-categorial, terminological, instrumental (methodological) apparatus and the approbation of the methodology in a complex analysis of the religious-political situation and social conflicts at a local level; the development of targeted recommendations for overcoming the social and value crisis that all humanity is facing today.

References

- Al-Rasheed, M. (2009), *Kingdom without borders: Saudi Arabia's political religious and media frontiers*, Columbia University Press, Washington, USA.
- Anderson, B. (2006), *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Verso Books, London, UK.
- Anjum, O. (2007), “Islam as a discursive tradition: Talal Asad and his interlocutors”, *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*, 27 (3), 656-672.
- Balci, B. (2003), *Missionaires de L'Islam en Asie centrale. Les écoles turques de Fethullah Gullen*, Maisonneuve & Larose-Institut français d'études anatoliennes, Paris, France.
- Brzezinski, Z. (2004), *The Choice: Global Domination or Global Leadership*, New York, USA.
- Choudhury, T. (2007), *Role of Muslim Identity Politics in Radicalisation (a Study in Progress)*, Department for Communities and Local Government, London, UK.
- Cole, J. (2014), *The New Arabs: How the Millennial Generation is Changing the Middle East*, Simon & Schuster, New York, USA.
- Dahrendorf, R. (1990), *Reflections on the revolution in Europe*, Chatto & Windus, London, UK.
- Eickelman, D. F. (1999), *New Media in the Muslim World: The Emerging Public Sphere*, Bloomington, Ind., USA.
- Esposito, J. (2007), *Oksfordski rechnik na isliama*, RIVA, Bulgaria.
- Gest, J. (2010), *Apart: Alienated and Engaged Muslims in the West*, Hurst Publishers, London, UK.
- Herrera, L. and Bayat, A. (2010), *Being Young and Muslim: New Cultural Politics in the Global South and North*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Ignatenko, A.A. (2003), “The Shattered Ummah in anticipation of the Day of Judgment”, *Otechestvennye zapiski*, 5(14). (in Russian)
- Kepel, G. (2004), *Dzhihad*, Ladomir, Moscow, Russia. (in Russian)
- Kozer, L. (1999), *Fundamentals of conflictology*, Svetliachok, Saint Petersburg, Russia. (in Russian)
- Kundnani, A. (2014), *The Muslims are Coming!: Islamophobia, Extremism and the Domestic War on Terror*, Verso, London, UK.

Meijer, R. (2005), "Taking the Islamist Movement Seriously: Social Movement Theory and the Islamist Movement", *International Review of Social History*, 50 (2).

Meijer, R. (2009), *Global Salafism: Islam's New Religious Movement*, Hurst & Co. Publishers, London, UK.

Melucci, A. (1996), *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*, Cambridge University Press, Cambridge, GB.

Pantin, V. I. (1997), *Cycles and Waves of Modernization as a Phenomenon of Social Development*, Moscow, Russia. (in Russian)

Qvortrup, M. H. (2012), "Terrorism and Political Science", *The British Journal of Politics and Science*, 14 (4).

Roy, O. (2011), "The Paradoxes of the re-Islamization of Muslim societies", *10 Years after September 11: A Social Science Research Council Essay Forum*, available at: <https://tif.ssrc.org/2011/09/08/the-paradoxes-of-the-re-islamization-of-muslim-societies/> (Accessed 11 November 2020).

Svensson, J. (2012), "Mind the Beard! Deferece, Purity and Islamization of Everyday Life as Micro-factors in a Salafi Cultural Epidemiology", *Comparative Islamic Studies*, 8 (1-2), 185-210.

Tanaskovic, D. (2010), *Neoosmanizmat. Turcija se vrashata na Balkanite*, Iztok-Zapad, Sofia, Bulgaria.

Wiktorowicz, Q. (2004), *Islamic Activism: A Social Movement Theory Approach*, Indiana University press, Bloomington and Indianapolis, USA.

Wiktorowicz, Q. (2005), *Radical Islam Rising: Muslim Extremism in the West*, Rowman & Littlefield, Lanham, USA.

Wiktorowicz, Q. (2006), "Anatomy of the Salafi Movement", *Studies in Conflict & Terrorism*, 29 (3), 207-239.

Winter, T. (2008), *The Cambridge Companion to Classical Islamic Theology*, Cambridge University Press, Cambridge, GB.

Yankevich, P.F. (2004), "Social structure and processes", *Social conflicts: expertise, forecasting the technology of resolution*, Moscow, Russia. (in Russian)

Received 01 February 2021. Revised 07 March 2021. Accepted 11 March 2021.

Статья поступила в редакцию 01 февраля 2021 г. Поступила после доработки 7 марта 2021 г. Принята к печати 11 марта 2021 г.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Bogdana Todorova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department, Bulgarian Academy of Sciences, Institute of Philosophy and Sociology, Department of Social Theories, Strategies and Prognoses, Sofia, Bulgaria.

Богдана Тодорова, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальные теории, стратегии и прогнозы» Института философии и социологии Болгарской академии наук, София, Болгария.

УДК 316.442

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-2

Оригинальная статья

Шаповалова И. С.^{id},
Заводян И. С.^{id},
Валиева И. Н.^{id}

**Молодежь российского приграничья:
проблема этнической идентичности и толерантности**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308000, Россия, Белгород, ул. Преображенская, 78
shapovalova@bsu.edu.ru, zavodyan@bsu.edu.ru, valieva@bsu.edu.ru

Аннотация. В условиях геополитической напряженности и одновременной устремленности общества к формированию «безграничной» толерантности, важнейшими индикаторами благополучия и риска становятся показатели этнической идентичности и этнической толерантности. Данная исследовательская повестка особенно актуальна в разрезе изучения молодого поколения, как стратегически важной части национального человеческого капитала. Научной целью статьи является изучения факторов, показателей и диспозиций этнической идентичности и толерантности молодежи российского приграничного региона. В статье предложены результаты количественного исследования молодежи, в рамках которого определена факторная модель этнического самоопределения, опреационализирована типология этнической идентичности, построены профиль и индексы этнической толерантности и произведена оценка среды социализации молодежи по критериям ее толерантного благополучия. Научными результатами дискуссии становятся выводы о первичности факторов культурной интеграции и языковой включенности над наследственными факторами в этнической идентификации; вводится понятие «отсроченной этнической самоидентификации». Обозначается риск, связанный с наличием весомых показателей для девиантных типов этнической идентификации (порядка 23%) и подчеркивается проблема формирования социализационных траекторий молодежи, приводящих к таким социализационным результатам. Доказывается наличие ценностной трансформации, определяющей изменение этнического сознания и мышления, а также конфликта существующих форм управления молодежью, молодежной политикой и собственно молодого поколения – его ценностей, установок и интересов. Показывается роль и конфликтный ландшафт среды этнической идентификации молодежи, существующий в российском приграничном регионе.

Ключевые слова: молодежь; национальность; этническая идентичность; факторы этнической идентичности; этническая толерантность; границы толерантности; среда социализации; результат социализации

Информация для цитирования: Шаповалова И. С., Заводян И.С., Валиева И.Н. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 21-38. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-2

Благодарность: Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг.

Original article

Inna S. Shapovalova^{ID},
Irina S. Zavodyan^{ID},
Irina N. Valieva^{ID}

Youth of the Russian borderlands: the problem of ethnic identity and tolerance

¹Belgorod State National Research University
308000, 78, Preobrazhenskaya St., Belgorod, Russia
shapovalova@bsu.edu.ru, zavodyan@bsu.edu.ru, valieva@bsu.edu.ru

Abstract. In conditions of geopolitical tension and the simultaneous striving of society to form “unlimited” tolerance, indicators of ethnic identity and ethnic tolerance are becoming the most important indicators of well-being and risk. This research agenda is especially relevant in the context of studying the younger generation as a strategically important part of the national human capital. The scientific purpose of the article is to study the factors, indicators and dispositions of ethnic identity and tolerance of young people in the Russian border region. The article proposes the results of a quantitative study of youth, within the framework of which the factor model of ethnic self-determination is determined, the typology of ethnic identity is operationalized, the profile and indices of ethnic tolerance are constructed, and the environment of youth socialization is assessed according to the criteria of its tolerant well-being. The scientific results of the discussion are conclusions about the primacy of factors of cultural integration and linguistic involvement over hereditary factors in ethnic identification; the concept of "delayed ethnic self-identification" is introduced. The risk associated with the presence of significant indicators for deviant types of ethnic identification (about 23%) is indicated and the problem of the formation of socialization trajectories of young people, leading to such socialization results, is emphasized. The author proves the existence of a value transformation that determines the change in ethnic consciousness and thinking, as well as the conflict of existing forms of youth management, youth policy and the younger generation itself - its values, attitudes and interests. Shows the role and the conflict landscape of the environment of ethnic identification of young people that exists in the Russian border region.

Keywords: youth; nationality; ethnic identity; factors of ethnic identity; ethnic tolerance; the boundaries of tolerance; the environment of socialization; the result of socialization

Information for citation: Shapovalova I. S., Zavodyan I. S., Valieva I. N. (2021), “Youth of the Russian borderlands: the problem of ethnic identity and tolerance”, Research Result. Sociology and management, 7 (1), 21-38, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-2

Acknowledgments: Program of fundamental and applied scientific research «Ethno-cultural diversity of Russian society and strengthening of all-Russian identity» 2020-2022.

Введение (Introduction). Процессы глобализации, несмотря на условное «свертывание» в последние годы, создали тенденцию возрастающей этнической транспарентности, поддерживаемой одновременно законами демократического общества и возрастающей цивилизованностью наций. Этническая идентификация перестает быть результатом нормативного набора признаков, а становится итогом, в том числе, и индивидуального выбора, связанной с интериоризацией этнических норм, традиций и культурных нематериальных атрибутов. Предложение этнического самоопределения находит отклик в том числе и среди молодежи – как акт свободного выбора и уважения личности.

Проблема этнической идентичности молодежи остро стоит не только в мультикультурных регионах, но и в регионах, имеющих приграничное расположение – сопредельное государство часто влияет на реверсные процессы миграции, создает лакуны смешения культур, активной коммуникации. В случае активного сотрудничества государств-соседей, данный вопрос приобретает акцент изучения взаимопроникновения культур, их синергии и прочих выгод этнического содружества. Касаясь вопроса этнической идентичности в ситуации межгосударственного конфликта акценты смещаются в сторону изучения этнической толерантности, отторжения и этнической дистанции. Немаловажным аспектом изучения становятся и факторы этнической идентификации, позволяющие очертить условия этнического выбора для молодежи в сопредельных территориях, для нивелирования возможных конфликтов.

Изучение этнической толерантности, причин возникновения отторжения представителей определенных наций, особенно среди молодежи, позволяет заблаговременно определить возможные точки нетерпимости, активации экстремистских практик, возникновения протестных инцидентов на национальной почве. Научной целью данной статьи является изучения

факторов, влияющих на этническую идентичность и толерантность молодежи российского приграничного региона, определение показателей ее этнической толерантности к национальностям, встречающимся на приграничной территории.

Методология исследования (Methodology and methods). В современной исследовательской повестке проблемы молодежной этнической идентичности и этнической толерантности часто бывают разведены и формируют собственный фарватер исследовательского дизайна и индикаторики.

Так, фундаментальные основы изучения этнической идентичности молодежи в полигэтнической среде, в периметре социологического знания рассматриваются в работах Е. Ю. Чеботарёвой (Чеботарёва, 2012), П. Л. Полежаева (Полежаев, 2019), А. В. Аникиной и О. К. Шиманской (Аникина и Шиманская, 2016). Контекст совместного рассмотрения этнической и гражданской идентичности молодежи предложен в работах Е. М. Арутюновой (Арутюнова, 2017), что опять приводит нас к связке индикаторов толерантности и патриотизма. Особую актуальность приобретает статья авторского коллектива А. И. Донцова, Е. Б. Перельгиной и О. Ю. Зотовой, где среда формирования этнической идентичности молодежи рассматривается с позиции ее рискогенности и неопределенности (Донцов, Перельгина, Зотова, 2019). Есть ряд авторов, которые рассматривают этническую идентичность с позиции тех систем, куда она включается, как правило это междисциплинарные работы, имеющие психологическую и педагогическую основу (Бублик, 2014).

Но, конечно, основной пласт исследований посвящен локальным проблемам этнической идентичности (Жандарова и Попова, 2009; Арутюнова, 2012), связанным с полигэтническими, или, как в нашем случае, приграничными территориями. В этих работах поднимаются в том числе со пряженные с этнической идентичностью молодежи конфессиональные проблемы

(Склярова, 2008; Луговой, 2011; Габдрахманова и Мухаметзянова, 2016), проблемы малых народов (Целищева, 2007), проблемы мультикультур (Мадюкова, Персидская и Попков, 2017).

Отдельного внимания заслуживают работы, позволяющие увидеть определенные возможности анализа этнической идентичности, например, аспекты ее изучения в контексте глобализации затронуты авторским коллективом Р. Б. Шайхисламова, Р. И. Ирназарова, Э. В. Садретдиновой и Н. В. Коровкиной (Шайхисламов, Ирназаров, Садретдинова и Коровкина, 2013). В статье авторов А. В. Гришиной, С. Л. Лунина (Гришина, Лунин, 2015) рассматриваются возможности использования типологизации этнической идентичности молодежи в контексте управлеченческих решений принятия вынужденных мигрантов Украины (что актуально для региона исследования). В работах авторов статьи также есть аспекты, позволяющие говорить о ценностных установках молодежи и их трансформации (Шаповалова, Кисиленко, 2018), а также проблемах этнической специфики реализации молодежной политики (Шаповалова, Маликова, 2018).

И, конечно, внимания в этой связи заслуживают труды коллективов ученых и исследователей, в которых непосредственно отражена ситуация межэтнических отношений макрорегионов, как например в книге «Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России» (Мониторинг межэтнических отношений..., 2020), или, рассмотрение проблемы с другой стороны – этническая идентичность в условиях чужого этноса, как, например, в книге «Русский мир в меняющемся мире» (Русский мир в меняющемся мире, 2018).

Другая, затрагиваемая нами в статье дефиниция, не менее сложная, не менее интересна, и, не менее представленная на исследовательском «олимпе» – этническая толерантность молодежи. Важность данной темы для различных аспектов, ее

«проникаемость» в научные интересы, а также необходимость постоянного мониторинга, дает весомый пул публикаций российских исследователей. Мы хотели бы упомянуть здесь только самые важные на наш взгляд, которые позволяют сформировать методологические основы ее исследования. Среди таких работ можно выделить статьи Ф. Э. Шереги (Шереги, 2010), Е. А. Самсоновой, Е. Ю. Юдиной (Самсонова, Юдина, 2009), Н. В. Проказиной (Проказина, 2016), Е. В. Гутман, Л. А. Шибанковой, П. И. Захаровой (Гутман, Шибанкова и Захарова, 2015), диссертации Е. С. Лазаревой (Лазарева, 2012), С. Н. Хамовой (Хамова, 2005) и Н. С. Гаджигасановой (Гаджигасанова, 2012).

В 2020 году Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета совместно с коллективом Башкирского государственного университета было проведено исследование методом формализованного, структурированного интервью в приграничном регионе Российской Федерации, сопредельным государством в случае данного исследования выступало государство Украины (конфликтующая территория). В исследовании принимала участие молодежь в возрасте от 17 до 35 лет (обучающаяся, студенческая, работающая). Выборка исследования была квотной, репрезентативной по полу, возрасту, территории поселения и составила 500 человек (доверительная точность 95%, доверительный интервал 4,38%). Целью исследования было определить факторы формирования этнической идентичности молодежи приграничного региона, ее этническую толерантность и принципиальные диспозиции в вопросе формирования этнической толерантности и идентичности.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Родство украинского и российского народа не устанавливает четкой границы этноса, но существующий государственный кон-

фликт, в большей мере предопределяет этническое восприятие в периметре территории. Опрошенная молодежь российского приграничья, несмотря на этническое родство, наличие корней (в связи с сопредельностью территории), большей частью воспринимают себя как представителя русской национальности (93,6%), к украин-

ской национальности отнесли себя только 5,4% респондентов. Ключевыми факторами этнической идентичности для молодых людей являются этнические корни – национальность родителей определяет выбор этнической идентичности (77,0%), территория проживания (65,2%) и язык (57,2%) (рис. 1).

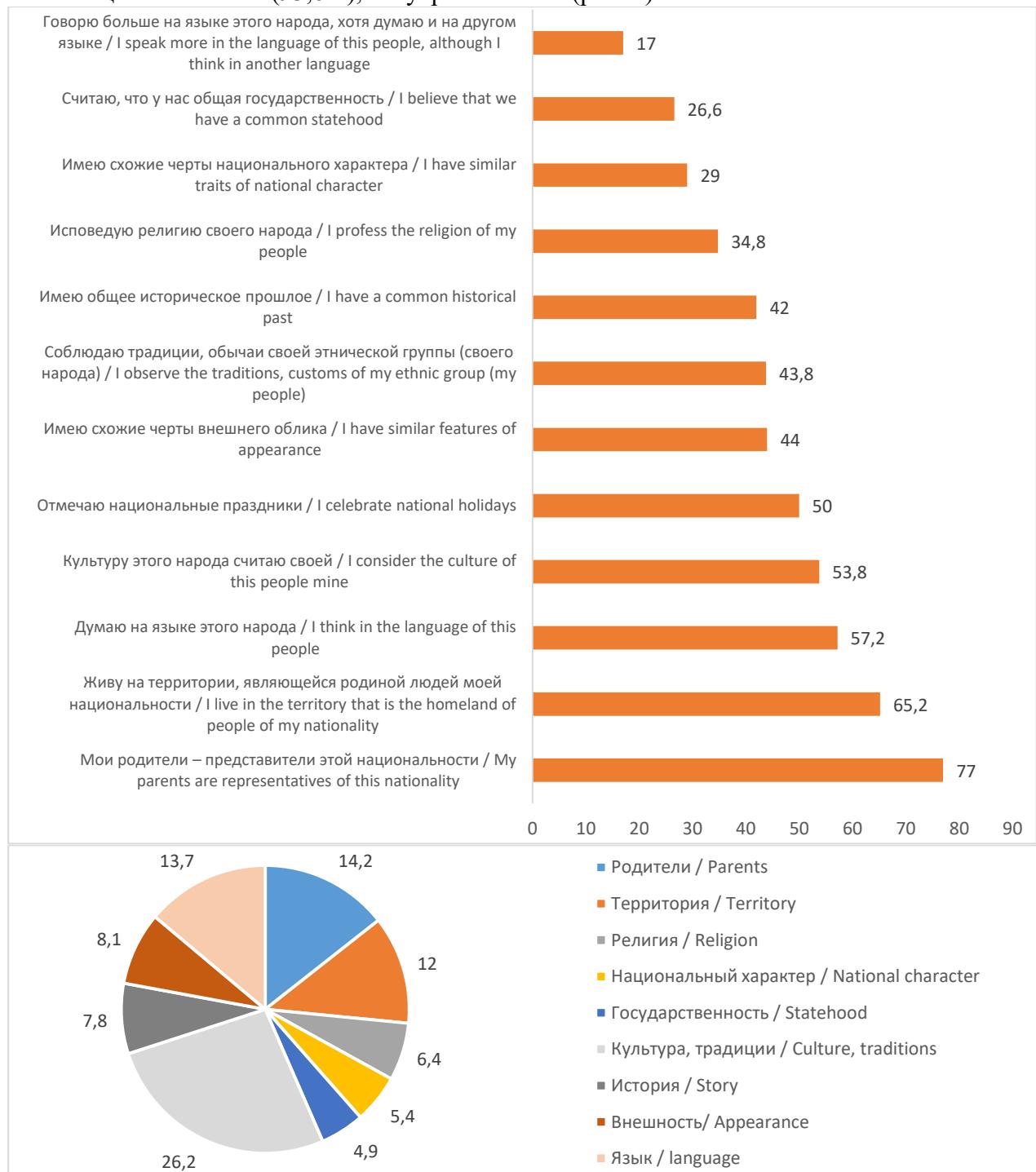

Рис 1. Факторы этнической идентичности
Fig. 1. Factors of ethnic identity

Превалирование «биологического», наследственного фактора национальной идентичности с одной стороны определяет для нас пассивное этническое соотнесение. Все, что связано с активным выбором, следованиям признакам этноса, выбирает меньшая часть респондентов. Но, рассматривая все факторы, как группы мы видим, сколь велика роль национальной культуры и традиций (совокупно группа факторов занимает 26,2%) – в долевом эквиваленте она становится первой по значимости. Вслед за родственными корнями в долевом сегменте идет язык – думать и говорить на языке – значит соотносить себя с этносом, иметь этническую идентичность.

Для определения диспозиций в отношении этнической идентичности, молодым людям были предложены к оценке

суждения, относящиеся к этим дефинициям. Выражение согласия или не согласия с высказываниями, позволило установить акценты в отношении восприятия межэтнических (межнациональных) отношений и распределить молодых людей по типам этнической идентичности (рис. 2): так, было определено, что молодежь, участвующая в исследовании как правила, относится к нормальному типу этнической идентичности (77,4%). Для этого типа характерны открытая этническая идентичность, интерес к традициям и образу жизни других народов, уважение к их языку и культуре, готовность иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия, мирное ведение межнациональных споров.

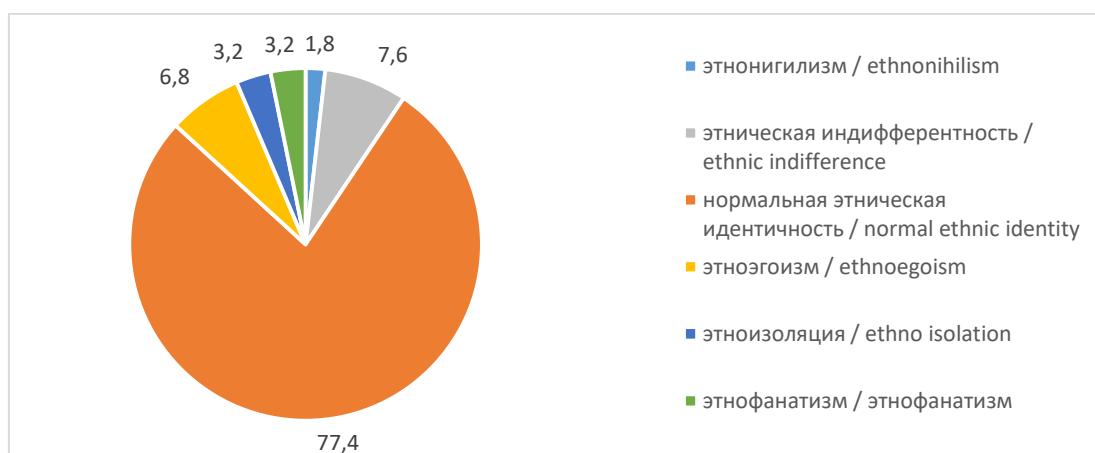

Рис. 2. Типы этнической идентичности

Fig. 2. Types of ethnic identity

Несмотря на типологическое большинство, в молодежной среде весомым является и *этнически индифферентный* типаж (7,6%) – такой тип молодежи считает, что в повседневном общении национальность не имеет значения, не отдает предпочтения какой-либо национальной культуре, включая и свою собственную, безразлично относится к своей национальной принадлежности, не относился серьезно к межнациональным проблемам и считает, что его народ не лучше и не хуже других народов. В принципе – молодые люди, находящиеся на такой нейтральной

позиции, могут вполне дополнить благополучную группу с нормальной этнической идентичностью.

Другие типы идентичности, хотя и представлены в меньшинстве, но далеко не так безобидны. Так, 6,8% приграничной молодежи стоят на позиции *этнического эгоизма*, то есть предпочитают образ жизни только своего народа, нередко чувствуют превосходство своего народа над другими, считают, что взаимодействие с людьми других национальностей часто бывает источником неприятностей, испытывают напряжение, когда слышат вокруг себя чужую речь,

раздражаются при близком общении с людьми других национальностей. Такая характеристика заставляет нас сигнализировать о наличие такой, с другой стороны уже и не такой маленькой группы.

Следующие два типа имеют сходную статистическую представленность (3,2%), и близкий характер по отношению к своему и чужому этносу. Так, тип ориентированный на *этноизоляцию* считает, что межнациональные браки разрушают народ, что настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности, что его народ имеет право решать свои проблемы за счет других народов, свой народ более одаренным и развитым по сравнению с другими народами, считает необходимым «очищение» культуры своего народа от влияния других культур – наличие агрессивных аспектов восприятия этнического многообразия не может не выливаться в агрессивный настрой у адептов этого типа. Представители типа *этнофанатизма* считают, что права нации всегда выше прав человека, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа, считают строго необходимым сохранять чистоту нации, что люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на их национальной территории, что на их земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только их народу. Агрессивность двух этих типов и схожесть идеалов, позволяет говорить, по сути об объединенной группе молодых этнических фанатиков на изучаемой территории, совокупно составляющей 6,4%.

Самым редко встречающимся типом среди молодых людей становится *этнический нигилизм* (1,8%). Представители такого типа ощущают превосходство людей другой национальности, часто испытывают стыд за людей своей национальности, трудно уживаются с людьми своей национальности, чувствуют неполноценность из-за своей национальной принадлежности, по большому счету, не уважают свой народ.

Определение факторов этнической идентичности стало платформой для раз-

говора о «российском этносе», «российской нации» – самом понятии и существовании, в противовес существующих понятиях об «американской нации», «французской нации» и т.д. Выбирая среди развернутых ответов на данный вопрос стоит сразу оговориться, что большинство молодых людей не знакомы с данным понятием (31,4%), считают, что слово нация не подходит для обозначения многонационального народа (12,0%) или не имеют мнения по этому вопросу (11,2%). Оставшиеся 45,4% респондентов распределились среди мнений о том, что российской нацией можно считать все народы, проживающие на территории нашей страны (15,8%); российская нация – это русские как государствообразующий народ, другие же народы страны – это отдельные нации (12,8%); российская нация – это объединение людей разных национальностей вокруг русских (12,4%); российская нация – это пустые слова, без особого содержания (4,4%). По разделению мнений мы видим скорее отрицательное восприятие введения такого понятия (совокупно 59% против 41%), положительной полюс скорее смещен в сторону мультинационального восприятия, нежели центрированности на русских как ключевой национальной «составляющей» (28,2% против 12,8%).

Дополнительным моментом, позволяющим прояснить отношение молодежи к своему этносу, стал вопрос, связанные с понятием Родины – что есть это понятие для молодежи вообще и применительно к России в частности. И здесь, на рассмотренную выше типологию этнической идентичности, накладывается несколько иная матрица анализа, которая позволяет усомниться в реальных границах указанных ранее типов. Так, например, определяют Родину для себя, как место комфортного проживания, независимого от факта рождения, 34,0% молодежи – по сути, это указывает на один из показателей этнической индифферентности, ограниченной ранее 7,6% случаев. Такой выбор не случаен – по ряду других исследований мы видим повышение миграционной готовности

молодежи, высокую территориальную мобильность и даже стремление к ней – мобильность, как показатель успешности.

Конечно, самым популярным молодежи ответом становится патриотический вариант («я считаю Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране»), но выбравшие его 37,8% – не тот показатель, который позволяет говорить о подавляющем большинстве. И в расширении этого выбора существует группа 10,6%, демонстрирующая «условную любовь» – готовность считать Россию своей Родиной, при условии, что в ней жить будет лучше, чем в других странах. Эта группа од-

нозначно дополняет молодежь, ориентированную на комфортность проживания, увеличивая ее до 44,6%.

Большое количество затруднившихся с ответом на этот вопрос (11,0% не задумывались над ним, а 6,6% думали, но пока не определились – еще несколько лет назад ответы на подобные вопросы не набирали более 5%) показывает, что идет серьезная ценностная трансформация молодежного самосознания.

Установление границ этнической дистанции позволило определить рельеф этнической толерантности (рис. 3).

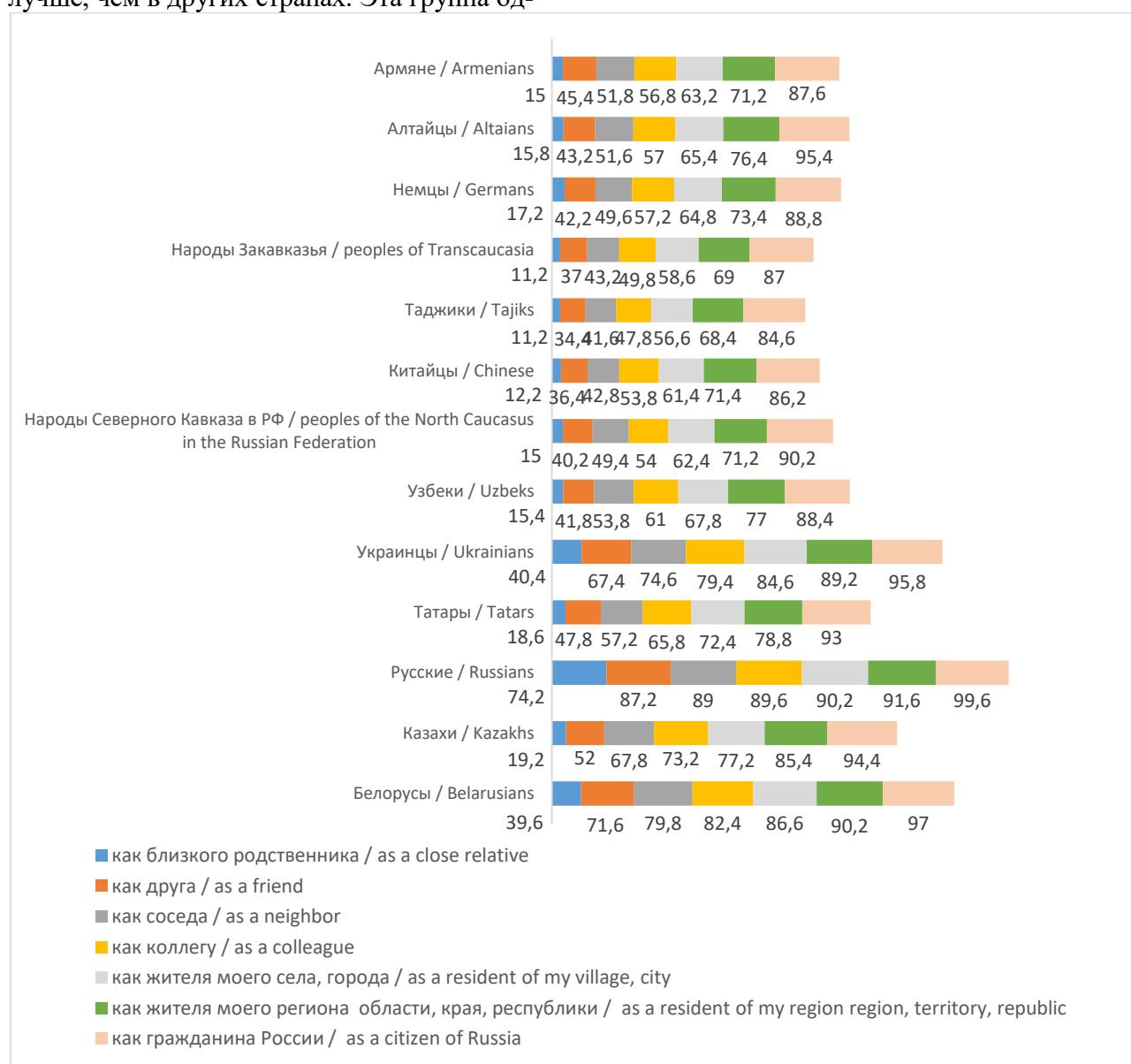

Рис. 3. Профиль этнической толерантности
Fig. 3. Ethnic tolerance profile

Шкала этнической дистанции включала в себя разные уровни близости коммуникации, от гражданственности, до полной ассимиляции через институты семьи и родственные отношения. Согласно гипотезе исследования, которая полностью подтвердилась, более низкий уровень этнической дистанции автоматически включает в себя впереди идущие уровни, отличающиеся большей дистанцией (на рисунке можно видеть, что все уровни образуют вариант «вложения», «матрешки», когда большая дистанция выбирается всегда большим количеством человек, чем идущая за ней меньшая этническая дистанция).

Сопряженность понятий этнической дистанции и этнической толерантности, может быть отражена в моменте соответствующих видов толерантности. Так, восприятие другого этноса как гражданина государства – соответствует гражданской толерантности; как жителя региона – региональной толерантности; жителя территории проживания – локальной толерантности; как коллеги – деятельностной толерантности, как соседа – домохозяйственной толерантности; как друга – коммуникативной толерантности; как родственника – родственной (или, говоря языком зоосоциологии, видовая) толерантности.

Таким образом, несмотря на то, что для региона исследования наиболее актуальным является определение этнической дистанции и толерантности к представителям украинской национальности, а, например, такие национальности, как немецкая, относят респондента к национальности страны дальнего зарубежья, мы можем видеть интересную картину.

Относительно гражданской толерантности в наибольшей степени молодежь российского приграничья толерантна к белорусам, украинцам, казахам, алтайцам и татарам (толерантность здесь выше 90%). Принципиально, данный вид толерантности не опускается ниже 80% и в своей нижней точке доходит до 84,6% для таджиков. Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод о высоком

уровне гражданской толерантности на приграничной территории.

Переходя к анализу региональной толерантности, мы видим, что ее значения заключены уже в период от 68% до 91% (наивысшим показателем, как и для всех остальных видов становится монотолерантность – отношение к основному этносу (руssкие)). Толерантность данного вида выходит за пределы 80% все для тех же национальных групп: белорусы, казахи, украинцы. В нижней границе располагаются такие народы как таджики, народы Закавказья и Северного Кавказа, армяне, китайцы.

Еще один этап снижения показателей толерантности мы фиксируем при переходе к виду локальной толерантности – здесь период согласия на уменьшение дистанции характерен для статистической группы от 56% до 90% (монотолерантность). При этом, качественный состав групп как «лидеров», так и «антилидеров» сохраняется.

Переход на качественно иной вид толерантности, предполагающий непосредственное взаимодействие (деятельностная толерантность) демонстрирует следующее снижение показателя, опуская его в период от 47% до 89%, с сохранением полюсных национальных групп. В этом виде толерантности мы впервые начинаем говорить о «не толерантности» (выход за пределы 50% по отношению к таджикам и народам Закавказья). Уменьшение дистанции до домохозяйства одновременно устанавливает нижний предел толерантного отношения в 41% для таджиков и в этом виде толерантности впервые происходит максимальное сближение в восприятии национальностей таджиков и китайцев (41,6% к 42,8%).

Переходя на уровень ближней коммуникации, мы видим, как стремительно «таят» показатели толерантности: так максимум составляет уже 87% (монотолерантность), а вот минимум опускается до 34,4% для таджиков. И, «впустить в семью» представителей другой национальности готовы уже меньшинство опрошен-

ных: так, если не говорить о монотолерантности, то близкородственное взаимодействие возможно для молодежи украинцами и белорусами примерно на 40%, а вот все остальные представители наций могут рассчитывать на этот вид толерантности со стороны не более чем 19% (казахи). Менее всего вероятности создать мультикультурную семью в приграничном регионе у таджиков, народов Закавказья и китайцев (11%).

Показательность данной иллюстрации, помимо снижения уровня толерантности при уменьшении этнической дистанции состоит еще и том, что лидерами принятия становятся представители близкого этнического типа (белорусы и украинцы, в том числе, несмотря и на сложную geopolитическую ситуацию между Украиной и Россией, как нельзя более актуальную для приграничного региона), в то время как отторжение демонстрируется по отношению к типу отличному, не только

по культуре, но и по своим внешним характеристикам. Ксенофобия, как основа такого отторжения, проявляется по отношению к «чужому племени», где-то на уровне вида, не воспринимая его как близкий. И здесь, хотя мы и говорим даже о проявление «не толерантных» выборов, мы не можем говорить о вражде или каких-то других агрессивных проявлениях – на уровне гражданского общества ситуацию можно назвать мирной и, даже, солидарной. Но вот процесс ассимиляции, если бы он был необходим, скажем для мигрантов или переселенцев, становится фактически невозможным при таком ландшафте этнического восприятия.

Индексируя полученную информацию, мы можем установить индекс этнической толерантности по отношению к разным национальным группам (рис. 3). Данная диаграмма наглядно демонстрирует нам лидеров и аутсайдеров этнического принятия для молодежи приграничного региона.

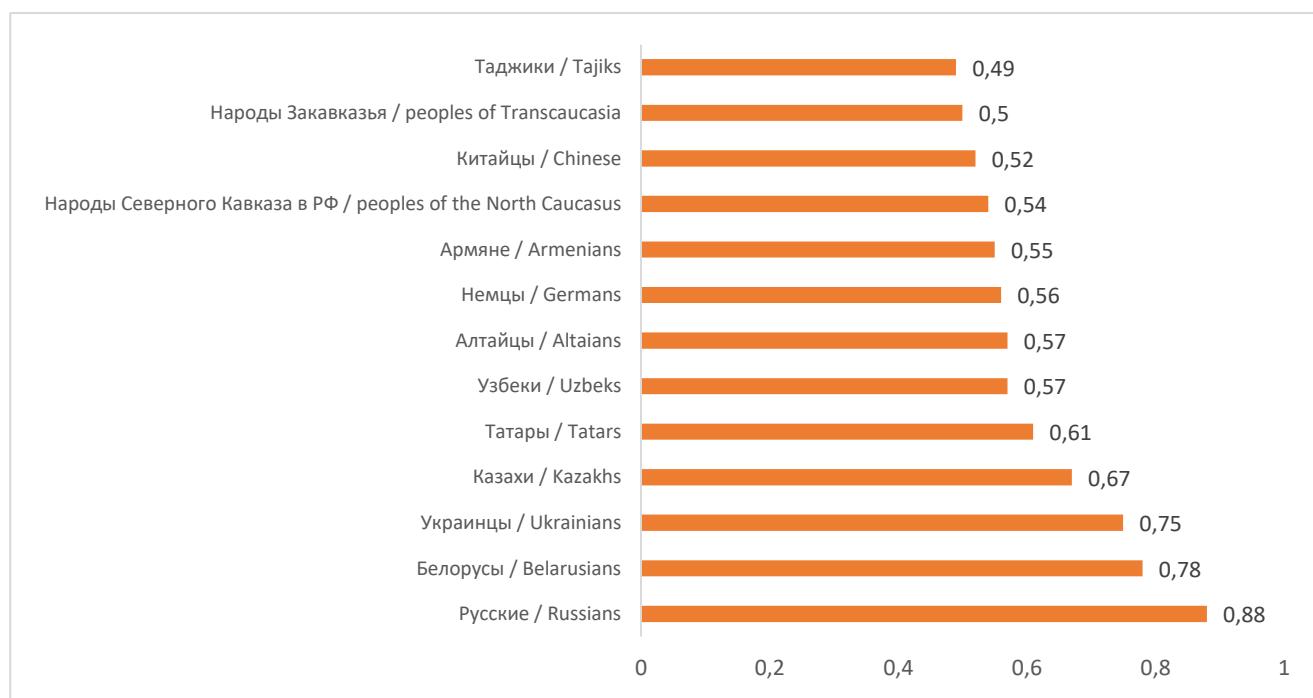

Рис. 4. Индексы этнической толерантности
Fig. 4. Ethnic tolerance indices

Непосредственно «не толерантность», как активный выбор по отношению к указанным национальностям, был

также получен нами в ходе исследования, и он в полной мере имеет обратную корреляцию с индексами рисунка 4.

Обусловленность такой неприязни и собственно причины этнических барьеров операционализируются респондентами через целый ряд факторов, лидерами среди которых становится отторжение позиции агрессивно лидерского поведения на чу-

жой территории (49,8%), отсутствие культуры и нарушение норм поведения (46,6%) и враждебное отношение к россиянам, проживающим на территории (45,2%) (рис. 4).

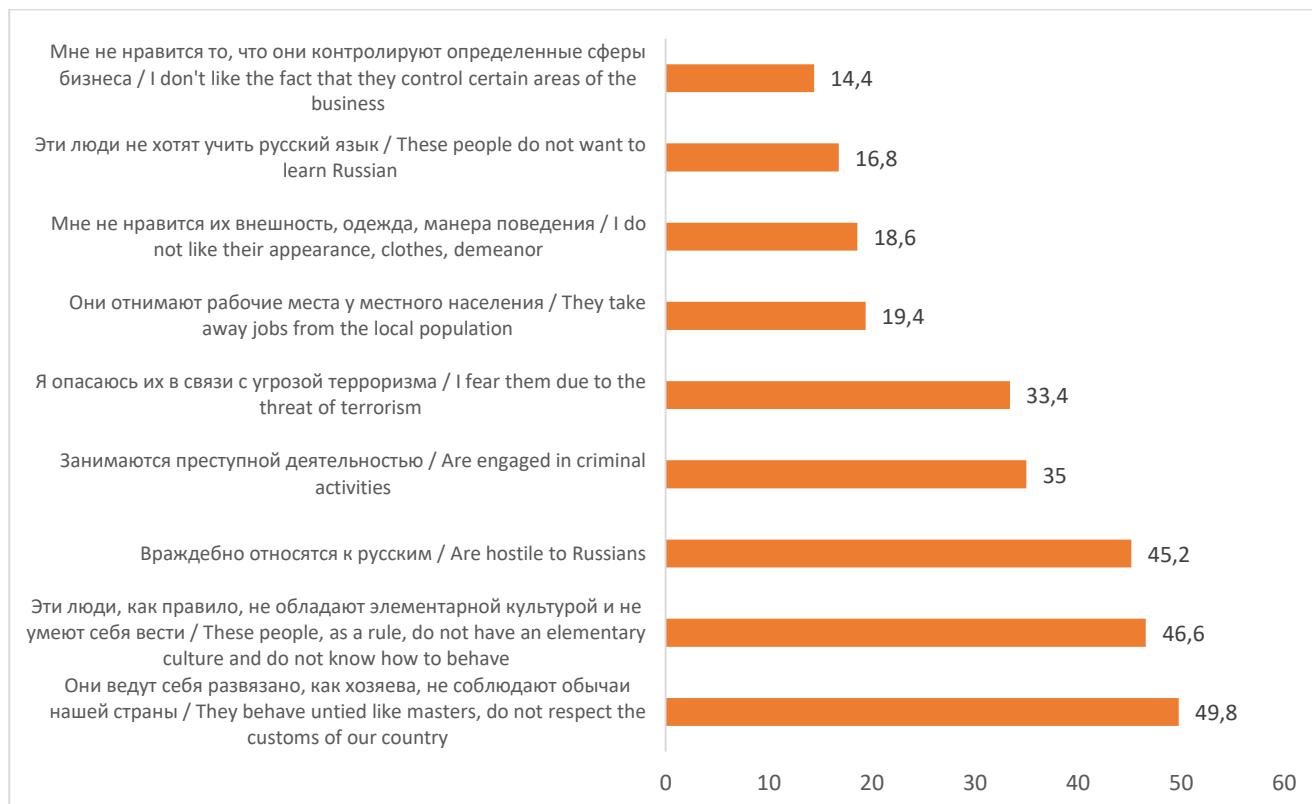

Рис. 4. Факторы этнической не толерантности

Fig. 4. Factors of ethnic intolerance

С одной стороны, можно предположить, что наиболее дистанцируемые представители национальностей проявили себя соответствующим образом на территории исследования, но региональная статистика показывает, что в приграничном регионе практически значимо не представлены отторгаемые национальности, соответственно, мы имеем дело с образом, имиджем, брендом национальности, воспринимаем респондентами как некая истина. Действительно, как показывают предшествующие исследования нашего коллектива, наличие в зоне близкого контакта представителей отторгаемых национальностей формирует

все уровни толерантности у коммуникантов – таким образом, в мультикультурном регионе может быть совершенно иная картина, чем на приграничной, но скорее монокультурной территории.

Толерантная среда, среда благоприятная для свободной этнической идентификации, среда положительная для мультиэтничности – все это условия, формирующие ореол социализации молодежи, позволяющий интериоризовать определенные ценности, установки и смыслы и преобразовать их в отношения и действия определенного, просоциального характера (рис. 5).

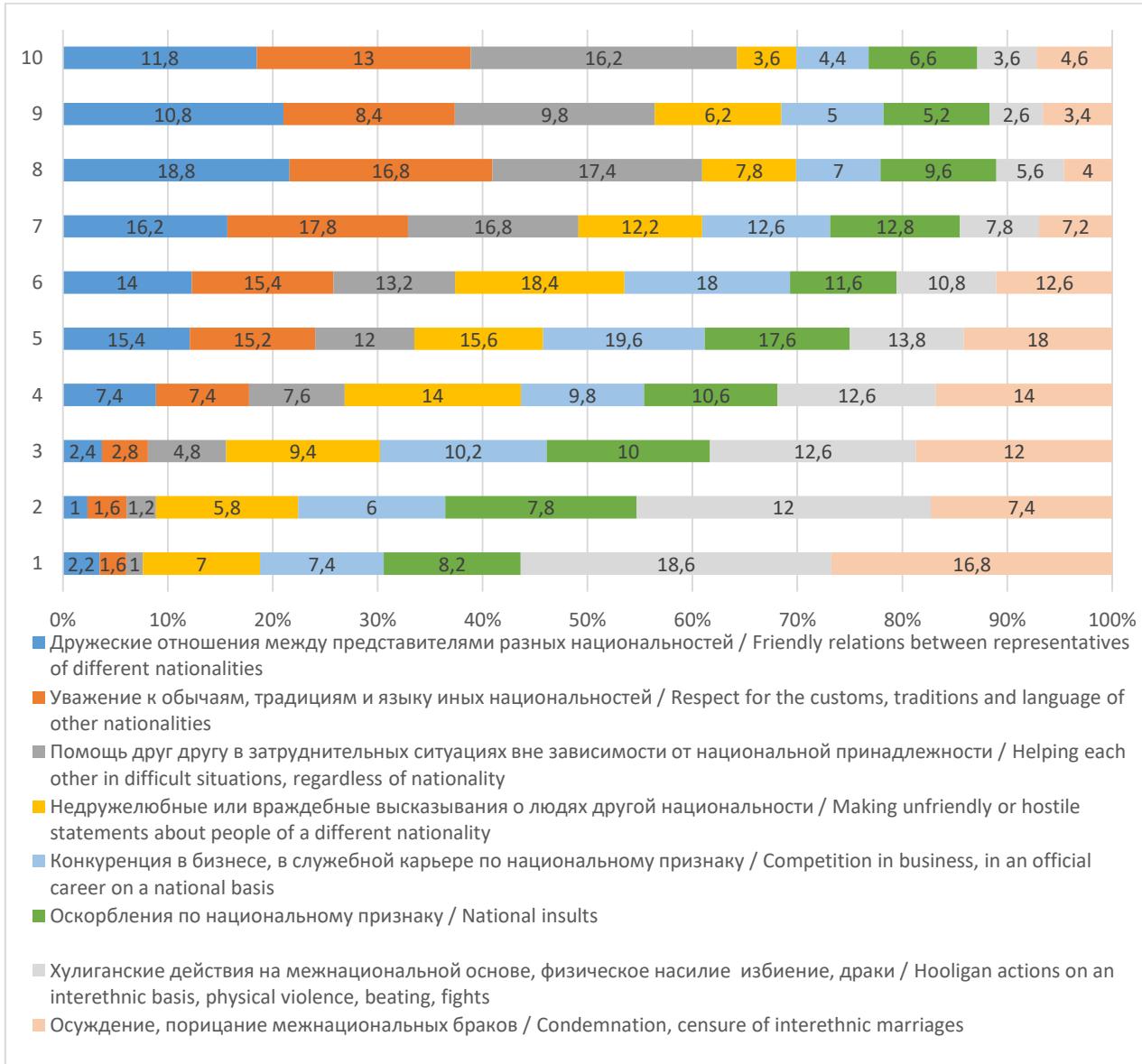

Рис. 5. Показатели среды этнического самоопределения молодежи российского приграничного региона

Fig. 5. Indicators of the environment of ethnic self-determination of youth in the Russian border region

Для детальной оценки показателей мы возьмем уровневую систему – рассмотрим каждый индикатор с позиции наличия оценок, укладывающихся в периоды «низкий» (оценки от 1 до 3), «средний» (оценки от 4 до 6) и «высокий» (оценки от 7 до 10) – статистическое преувеличение уровня покажет нам концентрацию рефлексивного восприятия ре-

спондентов по каждому из показателей среды (см. табл.). При этом для показателей, связанных с негативными тенденциями мы сделаем обратную, реверсную оценку уровней («низкий» от 7 до 10, «высокий» от 1 до 3) – воспринимая для общности анализа, что низкий уровень показывает не наличие тенденции, а оценку состояния (по сути отрицательную оценку).

Таблица

Уровневая оценка показателей среды формирования этнической идентичности
для молодежи российского приграничного региона

Table

Level assessment of indicators of the environment for the formation of ethnic identity
for young people in the Russian border region

Показатель среды / Environment indicator	LEVEL		
	Низкий / Low «-»	Средний / Medium	Высокий / High «+»
Дружеские отношения между представителями разных национальностей / Friendly relations between representatives of different nationalities	5,6	36,8	57,6
Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей / Respect for the customs, traditions and language of other nationalities	6	38	56
Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности / Helping each other in difficult situations, regardless of nationality	7	32,8	60,2
Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности / Making unfriendly or hostile statements about people of a different nationality	29,8	48	22,2
Конкуренция в бизнесе, в служебной карьере по национальному признаку / Competition in business, in an official career on a national basis	29	47,4	23,6
Оскорблении по национальному признаку / National insults	34,2	39,8	26
Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие избиение, драки / Hooligan actions on an interethnic basis, physical violence, beating, fights	19,6	37,2	43,2
Осуждение, порицание межнациональных браков / Condemnation, censure of interethnic marriages	19,2	44,6	36,2

Так, показатели коммуникативного восприятия в мультинациональном пространстве, уважение к культурному национальному арсеналу, а также мультинациональная солидарность общества имеют существенный перевес в верхнем уровне оценки – относясь к оценкам низкого уровня примерно, как 1 к 9. Границы оценок высокого уровня для этих показателей колеблются от 56% до 60%, показывая оценки большинства. Но следующие за ними показатели уже не имеют такого благоприятного распределения – их оценки преимущественно располагаются в зоне среднего уровня, или только немногого пе-

рекрывают их по высокому уровню в оценках показателя физического насилия в отношении других национальностей. В случае показателей недружелюбия, конкуренции и оскорблений по национальному признаку мы видим превалирование оценок низкого уровня. Таким образом, совокупная оценка среды этнической идентификации молодежи представляет собой весьма неровный социальный ландшафт, где на фоне обще регионального солидарного поведения повседневными являются практики этнической дискриминации и даже экстремизма.

Заключение (Conclusions). Сложная ситуация, в которой в современной геополитической обстановке оказывают российские приграничные регионы, диктует исследовательскую повестку, важным вопросом которой становится этническая идентичность и толерантность граждан и особенно молодого поколения, как носителя, трансформатора национальной культуры, будущего национального человеческого капитала. Исследование, проведенное, казалось бы, в благополучном приграничном регионе, показало «подводные камни» не только локального, но и системного значения.

Так, по сути, анализ факторной модели этнической идентификации, приводит нас к пониманию изменения рангов ее критериев, превалирование значимости факторов культурной интеграции и языковой включенности над наследственными факторами. Данное обстоятельство, в совокупности в ценностными диспозициями и установками молодежи на глобализацию, свободу выбора, позволяет говорить о свободе «этнического выбора», волевом аспекте этнической идентификации и самоидентификации, и даже вводить новое понятие – «отсроченной этнической самоидентификации» (*сознательное и волевое определение собственной этнической принадлежности как итог целенаправленного этнического самовыбора и самоопределения*), наравне с отсроченным конфессиональным самоопределением.

Предложенная типология этнической идентификации позволила разделить молодежь на типы, и несмотря на превалирование «нормы», увидеть рисковые потенциал, существующий в группах этнической индифферентности, эгоизма, и тем более этноизоляции, этнофанатизма и этнонигилизма. Сам факт существования, по-нашему мнению «девиаций» этнического самоопределения, позволяет говорить о весьма весомой группе молодежи с весьма нетривиальной ценностной конфигурацией в отношении этноса (эта группа порядка 23% – практически четверть мо-

лодых людей приграничного региона). Высокий потенциал риска возникновения националистских настроений, «ценностного заражения», возможно и экстремизма (который мы увидели в том числе в оценке показателей среди этнической идентификации), актуализирует необходимость детального изучения вопросов социализационных траекторий данных групп. Какие практики институтов социализации приводят к возникновению именно такого социализационного результата? Этот вопрос требует незамедлительного ответа.

Исследование факторов и диспозиций этнической идентификации показало наличие весомой ценностной трансформации по этому вопросу среди молодежи и вопрос, касающийся определения Родины и отношения к ней, это также подтвердил. Меняются не просто ценности и смыслы, меняется сам алгоритм мышления и жизненного выбора у молодежи. Это ставит серьезную задачу перед исследователями, с решением которой мы уже однозначно опоздали для молодежи, выходящей из стен вуза, а возможно и школы. На данный момент, поколение «администрирующее» национальную политику ориентировано на другие ценностные профили, диспозиции и алгоритмы, использует адекватные им методы, к которым толерантна (не восприимчива) современная молодежь. Новых форм воздействия и взаимодействия не предлагается – косность мышления управляющих элит не позволяет даже представить ту глобальную трансформацию всех элементов сознания которая произошла и продолжает происходить у нового поколения. Данная трансформация не будет безобидной – она будет преобразована в энергию действия и противодействия, что собственно мы сейчас и наблюдаем.

В очередной раз, на примере данного исследования мы увидели, как соотносятся между собой уровни декларативной и реальной толерантности – толерантность, предполагающая физическую и эмоциональную дистанцию, создает иллюзию

мультикультурного принятия и даже поощрения и интеграции (этнической солидарности). Однако смещение фокуса анализа в зону бытового и межличностного взаимодействия показывает на истинное «лицо» толерантности молодежи, весьма низкие значения, аутсайдерский круг национальностей и даже этническую нетерпимость. Все это позволяет сделать вывод – нельзя быть обманутыми внешней картинкой благополучия, необходимо честно обозначить отправные точки, их низкие значения и понимать, что этническая открытость – это результат долгой работы всех институтов социализации.

И, наконец, изучив региональную среду молодежь российского приграничья и оценив ее по ряду показателей, мы приходим к выводу о существующем рассогласовании общей региональной этнической толерантности на уровне настроений, установок и деклараций и наличие весомого инцидентного пласта верифицирующихся индикаторов, отражающих асоциальные аспекты поведения, этнической агрессии и нетерпимости. С одной стороны, разумеется такие факты не могут быть одобряемы среди молодежи, но с другой – мы снова вспоминаем о 23% девиаций в этнической идентификации, о невероятно низких показателях межличностной этнической толерантности, о этнической не толерантности, которую демонстрирует региональная молодежь в индикаторике уже собственного поведения, и понимаем – среда, главный фактор социализации и платформа формирования социализационного результата.

Список литературы

Аникина А. В., Шиманская О. К. Национальная и гражданская идентичность студенческой молодёжи в зеркале социологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 1 (25). С. 118-126.

Арутюнова Е. М. Идентичности и этнические установки молодежи Башкортостана // Панорама Евразии. 2012. № 2 (10). С. 39-48.

Арутюнова Е. М. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // Россия реформирующаяся. 2017. № 15. С. 259-272.

Бублик М. М. Психосемантическое пространство этнической идентичности молодежи: дис. ... канд. псих. наук. СПб., 2014.

Габдрахманова Г. Ф., Мухаметзянова А. Р. Этническая идентичность татарской молодежи Республики Татарстан: общероссийские, региональные и культурные символы // Вестник Российской нации. 2016. № 5 (50). С. 102-115.

Гаджигасанова Н. С. Особенности проявления этнической толерантности во взаимодействиях молодежных групп: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2012.

Гришина А. В., Лунин С. Л. Типы этнической идентичности российской молодежи как показатель позитивной готовности к принятию вынужденных мигрантов из Украины // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12, № 2. С. 46-55.

Гутман Е. В., Шибанкова Л. А., Захарова П. И. Формирование толерантности в поликультурной образовательной среде // Казанский педагогический журнал. 2015. № 1 (108). С. 57-63.

Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю. Этническая идентичность молодежи, живущей в мире риска и неопределенности // В книге: Российский человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире. Материалы ХХI российской научно-практической конференции (с международным участием). Екатеринбург, 2019. С. 382-384.

Жандарова Я. В., Попова Н. Г. Этническая идентичность и ценностные ориентации городской молодежи Сибири (на примере молодежи Сургутского района ХМАО-Югры) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 4 (26). С. 253-258.

Лазарева Е. С. Социально-культурные условия формирования этнической толерантности студенческой молодежи в процессе межкультурного общения: дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2012.

Луговой Р. А. Типы этнической идентичности молодежи Дагестана в традиционной и иноэтнической среде // Известия Дагестанского государственного педагогического уни-

верситета. Психологопедагогические науки. 2011. № 2 (15). С. 9-15.

Мадюкова С. А., Персидская О. А., Попков Ю. В. Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 69-83.

Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2019 год / Ред. Т. Б. Смирнова, В. В. Степанов, Р. А. Старченко. Москва-Омск: «Издательский центр КАН», 2020. 181 с.

Полежаев П. Л. Этническая идентичность молодежи в современном мире // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2019. № 31. С. 1-6.

Проказина Н. В. Этническая толерантность в региональной молодежной среде // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 2 (53). С. 114-121.

Русский мир в меняющемся мире / Отв. редактор и составитель Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2018. 402 с.

Самсонова Е. А., Юдина Е. Ю. Этническая толерантность в сознании тульской молодежи // Социологические исследования. 2009. № 10 (306). С. 66-69.

Склярова Д. В. Особенности этнической идентичности студенческой молодежи кабардинской, балкарской и русской этногрупп: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Ростов-на-Дону, 2008.

Хамова С. Н. Особенности управления процессом формирования этнической толерантности учащейся молодежи: дис. канд. ... социол. наук. М., 2005.

Целищева В. Г. Особенности этнической идентичности молодежи малочисленных народов Дальневосточного региона // Социологические исследования. 2007. № 1 (273). С. 122-127.

Чеботарёва Е. Ю. Этническая идентичность молодежи в полиэтнической среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2012. № 1. С. 22-28.

Шайхисламов Р. Б., Ирназаров Р. И., Садретдинова Э. В., Коровкина Н. В. Гражданская идентичность: региональное измерение глобализации // Вестник ВЭГУ. 2013. № 3 (65). С. 79-86.

Шаповалова И. С., Кисиленко А. В. Духовно-нравственные выборы в жизненных стратегиях молодежи: опыт социологического исследования // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13, № 6. С. 14-28.

Шаповалова И. С., Маликова Е. В. Реализация государственной молодежной политики в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6 (124). С. 22-26.

Шереги Ф. Э. Этническая и религиозная толерантность молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 2 (96). С. 21-40.

References

Anikina, A. V. and Shimanskaya, O. K. (2016), “National and civil identity of student youth in the mirror of sociology”, *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya*, (1), 118-126. (In Russian)

Arutyunova, E. M. (2012), “Identities and ethnic attitudes of the youth of Bashkortostan”, *Panorama Evrazii*, (2), 39-48. (In Russian)

Arutyunova, E. M. (2017), “State-civil and ethnic identity of youth: the all-Russian context and regional specificity”, *Rossiya reformiruyushchayasya*, (15), 259-272. (In Russian)

Bublik, M. M. (2014), “Psychosemantic space of ethnic identity of youth”, Ph. D. Thesis, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Gabdrikhmanova, G. F. and Mukhametzyanova, A. R. (2016), “Ethnic identity of the Tatar youth of the Republic of Tatarstan: all-Russian, regional and cultural symbols”, *Vestnik Rossijskoy nacii*, (5), 102-115. (In Russian)

Gadzhigasanova, N. S. (2012), “Features of the manifestation of ethnic tolerance in the interactions of youth groups”, Abstract of Ph. D. Thesis, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Grishina, A. V. and Lunin, S. L. (2015), “Types of ethnic identity of Russian youth as an indicator of positive readiness to accept forced migrants from Ukraine”, *Rossijskiy psihologicheskiy zhurnal*, 12 (2), 46-55. (In Russian)

Gutman, E. V., Shibankova, L. A. and Zakharova, P. I. (2015) “Formation of tolerance in a multicultural educational environment”, *Kazanskij pedagogicheskiy zhurnal*, (1), 57-63

Dontsov, A. I., Perelygina, E. B. and Zotova, O. Yu. (2019), “Ethnic identity of young people living in a world of risk and uncertainty”, *Rossijskiy chelovek i vlast' v kontekste radikal'nyh*

izmeneniy v sovremenном мире. Materialy XXI rossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii, 382-384, Ekaterinburg, Russia. (In Russian)

Zhandarova, Ya. V. and Popova, N. G. (2009), "Ethnic identity and value orientations of Siberian urban youth (on the example of youth of the Surgut region of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra)", *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, (4), 253-258. (In Russian)

Lazareva, E. S. (2012), "Socio-cultural conditions for the formation of ethnic tolerance of student youth in the process of intercultural communication", Ph. D. Thesis, Tambov, Russia. (In Russian)

Lugovoy, R. A. (2011), "Types of ethnic identity of young people of Dagestan in the traditional and foreign-ethnic environment", *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psihologopedagogicheskie nauki*, (2), 9-15. (In Russian)

Madyukova, S. A., Persidskaya, O. A. and Popkov, Yu. V. (2017), "National and ethnic identity of youth of ethnic groups of the Siberian republics in a comparative perspective", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (3), 69-83. (In Russian)

Monitoring of interethnic relations and the religious situation in the regions of the Urals, Siberia and the Far East of Russia. Expert report for 2019, (2020), in Smirnova, T. B., Stepanov, V. V. and Starchenko, R. A. (eds.), KAN Publishing Center, Moscow-Omsk, Russia. (In Russian)

Polezhaev, P. L. (2019), "Ethnic identity of youth in the modern world", *Vestnik Vostochno-Sibirskoy Otkrytoy Akademii*, (31), 1-6. (In Russian)

Prokazina, N. V. (2016), "Ethnic tolerance in the regional youth environment", *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, (2), 114-121. (In Russian)

Russian world in a changing world (2018), in Komarova, G. A. (ed.), IEA RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Samsonova, E. A. and Yudina, E. Yu. (2009), "Ethnic tolerance in the minds of Tula youth", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (10), 66-69. (In Russian)

Sklyarova, D. V. (2008), "Features of the ethnic identity of student youth of the Kabardian, Balkarian and Russian ethnic groups", Abstract of Ph. D. Thesis, Rostov-on-Don, Russia. (In Russian)

Khamova, S. N. (2005), "Features of managing the process of forming ethnic tolerance

among students", Ph. D. Thesis, Moscow, Russia. (In Russian)

Tselischeva, V. G. (2007), "Peculiarities of ethnic identity of young people of small peoples of the Far East region", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (1), 122-127. (In Russian)

Chebotareva, E. Yu. (2012), "Ethnic identity of youth in a multi-ethnic environment", *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika*, (1), 22-28. (In Russian)

Shaikhislamov, R. B., Irnazarov, R. I., Sadreddinova, E. V. and Korovkina, N. V. (2013), "Civic identity: the regional dimension of globalization", *Vestnik VEGU*, (3), 79-86. (In Russian)

Shapovalova, I. S. and Kisilenko, A. V. (2018), "Spiritual and moral choices in the life strategies of youth: the experience of sociological research", *Srednerusskiy vestnik obshchestvennyh nauk*, 13 (6), 14-28. (In Russian)

Shapovalova, I. S. and Malikova, E. V. (2018), "Implementation of state youth policy in Russia: regional aspect", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (6), 22-26. (In Russian)

Sheregi, F. E. (2010), "Ethnic and religious tolerance of youth", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, (2), 21-40. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2020 г. Поступила после доработки 07 февраля 2021 г. Принята к печати 20 февраля 2021 г.

Received 23 December 2020. Revised 07 February 2021. Accepted 20 February 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author have no conflict of interest to declare.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Заводян Ирина Сергеевна, ассистент кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Валиева Ирина Николаевна, ассистент кафедры социологии и работы с молодежью

Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Inna S. Shapovalova, doctor of sociology, professor, head of the department of sociology and work with youth of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Irina S. Zavodyan, Assistant, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Irina N. Valieva, Assistant, Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-3

Review article

Valentina Marinescu

Divergent Perspectives about Social Problems in Romania.
A Longitudinal Literature Review

University of Bucharest, Faculty of Sociology and Social Work
5 Schitu Magureanu Blvd., Sector 5, Bucharest, Romania
vmarinescu9@yahoo.com

Abstract. This research primarily focuses on identifying the main trends documented in the scientific analysis of the way in which the Romanian media presented the internal social aspects. The method of research was the systematic analysis of the method used by the researchers in order to study the media representation of disadvantaged social groups. The analysis was made on a sample of seventy scientific articles published in Romanian scientific journals on the topic of media representation of disadvantaged social groups. The article is structured in three main parts. The first section reviews the international literature specialized on what is known as “Framing Theory”, which is the main general conceptual framework used to address representations of disadvantaged groups by the media. In the second part, I included the research project carried out on the above-mentioned subject, and the last section was devoted to the conclusions derived from the comparison between the specialized literature and the results of the systematic analysis. The results showed that in recent years (2000-2019), academic articles on this topic (scientific analysis of how the Romanian media presented disadvantaged groups) have recorded significant shortcomings in terms of content. At the same time, the loose presentation method, the omission of the implications in theoretical and/or practical terms and the studies that did not contain a section dedicated to the conclusions are a second subset of deficient elements highlighted in our analysis. It is obvious that in the absence of these elements, the analyzed studies have become, in fact, simple validations in Romanian context of established theories and have not presented elements of novelty, further development, both conceptually and methodologically.

Keywords: disadvantaged groups; media; the framing theory in mass communication; subject coverage in mass communication

Information for citation: Marinescu V. (2021), “Divergent Perspectives about Social Problems in Romania. A Longitudinal Literature Review”, Research Result. Sociology and management, 7 (1), 39-48, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-3

Обзорная статья

Маринеску В.^{ID}

Дифференциация подходов к изучению социальных проблем в Румынии. Обзор литературы

Бухарестский университет, Факультет социологии и социальной работы,
Румыния, Бухарест, бульвар Шиту Магуреану, №5, сектор 5
vmarinescu9@yahoo.com

Аннотация: Статья направлена на выявление основных тенденций, зафиксированных в научном анализе того, как румынские СМИ представляют внутренние социальные проблемы. Метод исследования заключается в систематическом анализе методов, используемых исследователями для изучения репрезентации в СМИ уязвимых социальных групп. Анализ основывается на выборке из семидесяти научных статей, опубликованных в румынских научных журналах, на тему репрезентации в СМИ социально уязвимых групп. Статья состоит из трех основных частей. В первом разделе приводится обзор международной литературы, специализирующейся на так называемой «теории фрейминга», которая является основной общей концептуальной рамкой, используемой для анализа представлений СМИ об уязвимых группах. Второй раздел посвящен результатам исследовательского проекта, выполненного по вышеупомянутой теме, а последний третий раздел содержит выводы, сделанные из сравнения специализированной литературы и результатов систематического анализа. Результаты показали, что в последние годы (2000-2019) академические статьи по теме (научный анализ того, как румынские СМИ представляют уязвимые группы) имеют существенные недостатки с точки зрения содержания. В добавок к этому неточное (свободное) представление фактов и отсутствие теоретических и/или практических выводов являются другим существенным недостатком репрезентации в румынских СМИ уязвимых социальных групп. Очевидно, что в отсутствие этих элементов проанализированные исследования оказались фактически простой проверкой в румынском контексте уже существующих теорий и не представили никаких элементов новизны, дальнейшего развития, как концептуально, так и методологически.

Ключевые слова: уязвимые группы; СМИ; теория фрейминга в массовой коммуникации

Информация для цитирования: Маринеску В. Дифференциация подходов к изучению социальных проблем в Румынии. Обзор литературы // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 39-48. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-3

Introduction. This article focuses on the lack of a minimum overview of the way in which social problems have been analyzed in the Romanian media during the last years as reflected by domestic literature. More specifically, at first sight, one can notice that scientific studies focused on the way in which Ro-

manian media exposed the developments recorded in the last decades, being rather concerned with issues related to the political life than with purely social elements.

On a general, theoretical level, the need for a systematic approach of the specialized literature in various fields was explained by

L. Uman (2011), who noticed the existence of an increasingly high number of articles or volumes that treat subjects from various fields from a scientific perspective. She outlined that, based on this reality, at present, it is harder for a researcher specialized in human and social sciences to develop an overview of what is still to be explored, more specifically, what are the points and themes not covered by the specialized literature (Uman, 2011). In essence, according to Uman (2011), the narrative analysis is no longer enough to address the scientific literature, as it is focused exclusively on the descriptive aspects, with an emphasis on the systematic analysis or/and meta-analysis, which implies the existence of a data collection plan and clear criteria for their prioritization. Most frequently, the researcher says (Uman, 2011), the systematic analysis also includes the meta-analysis, which addresses from a statistical point of view the synthesis of data collected from numerous studies, in order to obtain a quantitative result that could describe the effect of the studies included in the analysis regarding the effect on the targeted population.

In view of these extremely general considerations, I was interested in identifying the main trends recorded in recent years in the scientific analysis of the way in which the Romanian media presented the internal social aspects. This is why I have carried out a systematic analysis of the method used by the researchers in order to study the media representation of disadvantaged social groups.

The article is structured in three main parts. The first section consists of a review of the international literature regarding what is commonly known as *Framing Theory*, which is the main conceptual framework used in our approach to media representations. In the second part, I included the research project carried out on the above-mentioned subject, while the last section was focused on the conclusions derived from the juxtaposition of the specialized literature with the results of the systematic analysis.

Methodology and methods. *General theoretical framework.* The Framing Theory

of a media subject or theme is still a debated topic in academic analyses focusing on the relationship between media and the society in the Eastern Europe countries, including Romania. In recent years, a growing number of studies using this theoretical framework have been recorded in a number of interlinked disciplines and academic fields, such as: sociology, communication sciences, media studies, cultural anthropology, psychology of communication (D'Angelo, 2002; Shah, Domke & Wackman, 1996). Researches using the framework offered by the *Framing theory* can be found in cognitive, constructive and critical studies (D'Angelo, 2002), in sociology, economics, psychology, cognitive linguistics and communication studies (Scheufele & Tewksbury, 2006), or in political sciences and media studies (Hertog & McLeod, 2001). As Hertog and McLeod (2001) show, this diversity is "both a blessing and a curse".

One of the most important general-theoretical distinctions is the one between *frames in thought* and *frames in communication* (Chong & Druckman, 2007a; Lim & Jones, 2010; Scheufele & Scheufele, 2009). The first type of frames refers to "a person's cognitive understanding of a given situation" (Chong & Druckman, 2007a). However, *frames in communication* could be described as "an idea of a central organization of a text or a narrative direction which gives meaning to a string of events" (Gamson & Modigliani, 1989). A main assumption of the framing theory is that there is a causal relationship between the two types of frames mentioned above, i.e. the *frames in communication* can affect the *frames in thought* (Scheufele, 1999). An example of this is the way in which certain *frames in communication* influence the particular way in which news are read (De Vreese & Claes, 2005).

Such varied perspectives have not only encouraged the manifestation of creativity (Hertog & McLeod, 2001), but also the existence of a paradigmatic diversity that has led to the spread of prospects for media "framing" (D'Angelo, 2002). However, the lack of a clear conceptualization and operationaliza-

tion (Scheufele, 1999) has led to the use of researches derived from this theory as well as research approaches that are structurally different (Scheufele, 2000; Scheufele & Tewksbury, 2006). Furthermore, there are important differences regarding the essential points of this theory (Hertog & McLeod, 2001). For example, in contradiction to Entman (1991), D'Angelo (2002) argues that the call for a single framing paradigm expressed by Entman would be neither possible, nor desirable (D'Angelo, 2002). Furthermore, D'Angelo (2002) states that it was precisely the diversification of theoretical and methodological approaches that led to a more comprehensive understanding of the "framing" (Potter & Riddle, 2007).

From a methodological point of view, this paper used the systematic analysis of a sample of scientific articles focused on the analysis of the way in which disadvantaged Romanian social groups have been presented by the media. The literature distinguishes between two methods used in the analysis of literature relating to a problem: *Meta-analysis* and *systematic analysis* (Hunter, Schmidt & Jackson, 1982; Emmers-Sommer & Allen, 1999).

Meta-analysis is a form of a reviewing the existing scientific literature on a given subject. As a quantitative method, the meta-analysis allows, by definition, the statistical testing and the generalization of the results (Hunter, Schmidt & Jackson, 1982). By definition, systematic analysis is a "systematic quantitative technique used to establish relationships between variables" (Emmers-Sommer & Allen, 1999). Generally, it is considered that the systematic analysis helps to elucidate misconceptions in specialized literature related to a research topic, examine methodological arguments and provide a full

assessment of theoretical views. However, as Li and Tang suggest, meta-analyses and systematic analysis can sometimes limit the examination of a subject that contains a variety of underlying themes (Li & Tang, 2012). However, as Cook and Leviton show, both meta-analysis and systematic analysis are superior to other methods of research used in the literature, including the narrative approach (Cook & Leviton, 1980).

In order to select a sample for the study, I started by using "Google Scholar" which was considered the main database for scientific articles. The timeframe used for the study was the period between the years 2000 and 2019. In order to identify the articles, I used several keywords paired with the term "media", such as: "old people"; "vulnerable groups"; "poor people"; "disabilities"; "violence"; "social problems"; "unemployment"; "social movements"; "social crisis"; "children". The research was carried out in both Romanian and English language. For each combination of terms, I took into consideration the articles displayed on the first fifteen pages of "Google Scholar". The summaries of the articles were subsequently read, and, as a result, a new selection was made. In the third phase, all articles were read and those that were not focused on the analysis of the media presentation of at least one social group in Romania were removed. It resulted in a final sample of 70 articles published in the mentioned period.

The iterative way of selecting the studies is shown in the figure below.

The analysis grid for the articles included in the final sample consisted of twenty-nine items, out of which, ten were closed (pre-coded) and nineteen, open (See Table 1 below).

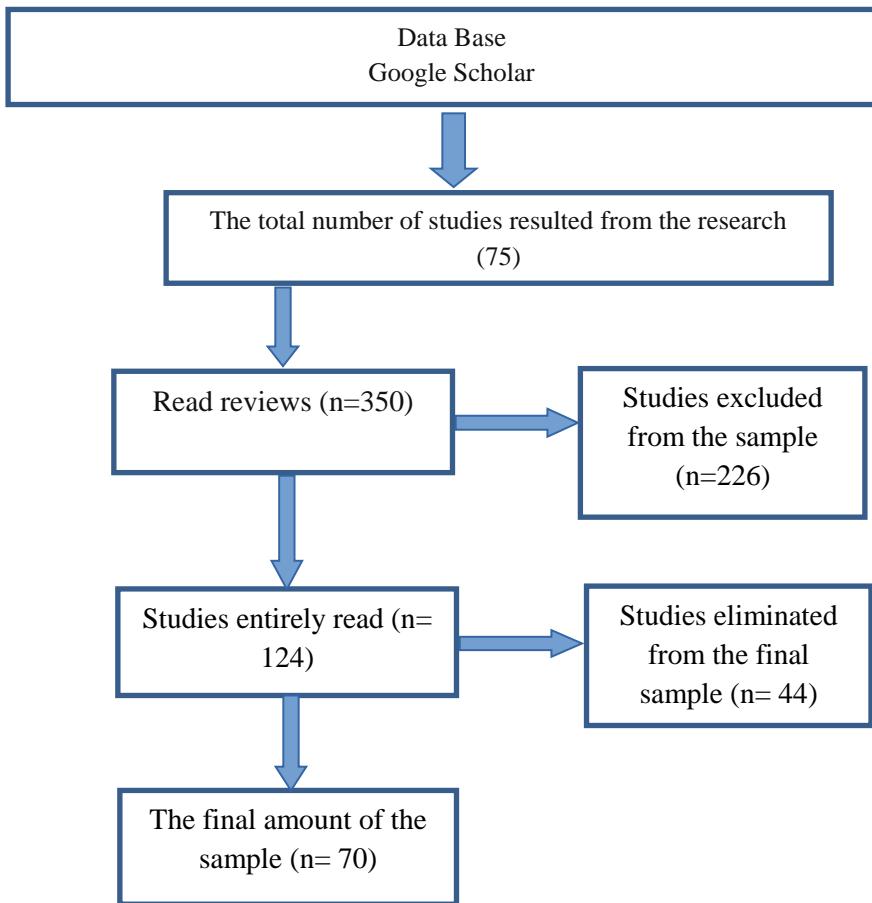

Fig. Schematic presentation of the sample selection.

Table 1
Presentation of the main items included in the analysis grid

Closed items (pre-coded)	Open items
The study may or may not have a clearly stated research object	The journal / Review in which the study was published
The study may or may not have clearly stated research problems	Issue of the review / journal
The general methodology of the study is...	Author / Authors
The study may or may not have clearly stated research hypothesis	The title of the study
The study may or may not have clearly stated research methods	Publication year
The study may or may not have clear instruments for data gathering	The domain covered by the study
How the results of the study are delivered...	The subjects approached in the study
The study may or may not have clearly stated that it complies with the rules of ethical research	The objectives of the research
The implications of the study may or may not be clearly stated	The research problems

Closed items (pre-coded)	Open items
Conclusions and final comments of the study may or may not be clearly stated	The location of the study The characteristics of the used sample The size of the used sample Research hypotheses of the study Research methods of the study Data collection tools Results of the study Research ethics regulations Implications of the study Conclusions and final comments of the study

Data processing was performed using the SPSS program (version 11.5) and for the present analysis we used exclusively descriptive statistics (frequencies and contingency tables).

Research Results and Discussion. According to the data resulting from our analysis, the largest number of scientific

articles on how the media covered disadvantaged groups in Romania was published in 2015 (20.41%), followed by 2018 (12.24%) and 2013 (10.20%). At the same time, except for 2019, the lowest number of articles on the topic of interest was published in 2003, 2008, 2009, 2010 and 2012 (2.04% of the total sample for each year).

Table 2

Publication dynamics of the studies

Year of publication	Percentage (%)
2003	2,04
2007	4,08
2008	2,04
2009	2,04
2010	2,04
2012	2,04
2013	10,20
2014	8,16
2015	20,41
2016	4,08
2017	8,16
2018	12,24
2019	2,04

Most studies were published in journals in the field of communication sciences (30.64%), followed by articles published in journals in the field of media studies (24.49%). In third place, but at a considerable distance, there were studies published in journals in the field of social sciences in general (8.16%) and ethnic studies (6.12%). Articles published in journals in the field of security studies, human geography, gender studies and social work were the least represented in the total sample included in the analysis: 2.04% each category.

Regarding the language in which the articles were written, our data indicate that an overwhelming percentage (95.92%) were studies published in English (both in foreign journals and those published in Romania), only 4.08% being written and published in Romanian.

Only an extremely small percentage of the articles (7.5% of the total sample) did not clearly specify at least one research objective, the vast majority of studies (92.5%) having included it in both the abstract and the body text.

Regarding the explicit inclusion of research objectives, our results indicate an extremely high percentage (55% of the total sample) of studies that did not include them in their text. Only 45% of the articles focused on the analysis of the way in which the media presented the disadvantaged groups in Romania also included clearly formulated research objectives.

Most studies (73.47%) only analyzed the way in which the media presented the disadvantaged groups in Romania, while 20.41% presented these groups comparing Romania and other countries, and 6.12% of the articles analyzed the situation of these groups with direct reference only to the European Union (without making any reference to Romania).

Almost half of the total sample included in our analysis (43.59%) were studies that used the qualitative methodology exclusively, while only 20.51% of the articles used an altered form of qualitative methodology.

What is surprising is the high percentage, almost a quarter of the total sample (25.64%), of articles that used a mixed methodology, combining qualitative and quantitative methods.

Regarding the type of sample used, our results indicate that there was a balance between the quantitative samples (which were present in 38.77% of the items included in the analysis) and the qualitative samples (present in 36.73% among the studies analyzed). An extremely small number of articles (2.04%) presented both quantitative samples and qualitative samples.

A second unexpected result was the non-inclusion in the body text of clearly formulated research hypotheses or presuppositions: a percentage of 92.50% of the analyzed articles did not have at least a single and clearly identifiable research hypothesis or presupposition. Only for an extremely small percentage (7.5%) of them we identified the existence of such elements.

However, a significant percentage (90% of the studies analyzed) included a presentation of the research methods used, which was missing only in the case of a significantly low percentage of sampled items (10%).

The most frequently used research methods were quantitative content analysis (24.49%), qualitative content analysis (18.37%), and speech analysis (12.24%). Methods such as pragmatics, visual analysis, secondary analysis of social documents or visualization of semantic networks were extremely scarce in the articles included in the analysis (the percentages for each of these methods were 2.04% for each).

Regarding the explicit presentation of the data collection tools, the results of our analysis indicate that more than half of the studies (65%) had no mention of these elements intrinsically related to the research process. Only 35% of the items included in the sample studied contained either a brief presentation of the data collection tools or indications related to their structure.

From the perspective of the presentation of the research results, our data indicated that the majority (60%) were presented as a general text and only 20% of the total sample dealt with studies that clearly and meticulously presented the final results. However, a relatively high percentage (17.5%) of the total sample of analyzed articles presented the results in a vague, unclear way and, in addition, for 2.5% of the total sample we found that we were dealing with articles in which the section dedicated to the presentation of results was completely missing.

Problems regarding the ethics of scientific research were mentioned only in the case of 10% of the total studies analyzed, as the vast majority (90%) of them did not make the slightest reference to such issues.

Most of the studies included in the analysis (89.74% of the total sample) also included a section dedicated to clearly formulated comments and final conclusions. It is, again, extremely unusual that 10.26% of the total studies analyzed did not include such a section.

From the perspective of the implications (theoretical and/or practical) that the studies included in our analysis may have, the results indicated that over half of them (62.5%) contained either a separate section dedicated to these aspects or included references to them in the body text. However, more than a third of the articles analyzed did not even include the implications that the research could have theoretically and/or practically.

Conclusions. According to the literature, the framework has been analyzed from the perspective of various scientific disciplines (D'Angelo, 2002; Reese, 2007; Van Gorp, 2006). Sociologists have used framing theory to examine, for example, how social movements frame a problem through the media, in order to get help from the public (Gerhards, 1995; Pan & Kosicki, 2001; Snow & Benford, 1992; Snow, Rochford, Worden & Benford, 1986). They found that successful "frame sponsors" are based on the cultural codes that exist in a society at one time or

another (Benford & Snow, 2000; Gamson & Modigliani, 1989; Pan & Kosicki, 2001; Reese, Gandy & Grant, 2001), linking the messages they convey to the values and beliefs of their target groups (Snow, Rochford, Worden & Benford, 1986). Others examined media as a forum for public deliberation, concluding that these frameworks were either "specific to each issue" (De Vreese, 2005; Neuman, Neuman, Just & Crigler, 1992; Price & Tewksbury, 1997; Semetko & Valkenburg, 2000), so they are used exclusively to define a single theme or problem, or they are "generic", in which case they are used repeatedly to define the meaning of certain topics, themes or problems (Ihlen & Nitz, 2008).

Studies dedicated to the framing process have often been connected with those dedicated to the "agenda setting" analysis and the priming effect, all three being subsumed to the broader category of cognitive effects of the media (Scheufele, 2000; Scheufele & Tewksbury, 2006). Challenging the model of limited media effects, McCombs' proposed theory argues, in essence, that through the way it makes daily selection of news, media influences the public agenda (McCombs & Shaw, 1972). McCombs later argued that media coverage can even be seen as the second dimension of agenda setting research (Cappella & Hall Jamieson, 1997; Maher, 2001).

All these theoretical aspects were mentioned (totally or partially) in the articles included in our systematic analysis. Unfortunately, as our results have indicated, in recent years (2000-2019), academic articles on this topic (scientific analysis of how the Romanian media presented disadvantaged groups) have recorded significant shortcomings in terms of content. The aspects that were underrepresented in these studies were the explicit presentation of the research objectives and some clearly formulated research hypotheses or presuppositions, as well as the problems related to the ethics of scientific research. At the same time, the loose presentation method (in more than half

of the sample this was extremely general), the omission of the implications in theoretical and/or practical terms and even the 10.26% of the studies that did not contain a section dedicated to the conclusions are a second subset of deficient elements highlighted in our analysis. It is obvious that in the absence of these elements, the analyzed studies have become, in fact, simple validations in Romanian context of established theories and have not presented elements of novelty, further development, both conceptually and methodologically.

The existence of this status quo raises serious questions about the validity of the academic approach within the last almost two decades. At the same time, however, these results indicate the main directions that can be corrected in the future, in order for the approaches in our country to contribute to the progress of knowledge, in various segments of the procedures of socio-human disciplines.

References

- Benford, R. D., & Snow, D. A. (2000), "Framing processes and social movements: An overview and assessment", *Annual review of sociology*, 26 (1), 611-639.
- Cappella, J. N., & Jamieson, K. H. (1997), *Spiral of cynicism: The press and the public good*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Chong, D., & Druckman, J. N. (2007), "A theory of framing and opinion formation in competitive elite environments", *Journal of communication*, 57 (1), 99-118.
- Cook, T. D., & Leviton, L. C. (1980), "Reviewing the literature: A comparison of traditional methods with meta-analysis 1", *Journal of Personality*, 48 (4), 449-472.
- D'Angelo, P. (2002), "News framing as a multiparadigmatic research program: A response to Entman", *Journal of communication*, 52 (4), 870-888.
- De Vreese, C. H. (2005), "News framing: Theory and typology", *Information design journal & document design*, 13 (1).
- Emmers-Sommer, T. M., & Allen, M. (1999), "Surveying the effect of media effects: A meta-analytic summary of the media effects research in Human Communication Research", *Human communication research*, 25 (4), 478-497.
- Entman, R. M. (1991), "Framing US coverage of international news: Contrasts in narratives of the KAL and Iran Air incidents", *Journal of communication*, 41 (4), 6-27.
- Gamson, W. A., & Modigliani, A. (1989), "Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach", *American journal of sociology*, 95 (1), 1-37.
- Gerhards, J. (1995), "Framing dimensions and framing strategies: contrasting ideal-and real-type frames", *Social Science Information*, 34 (2), 225-248.
- Hertog, J. K., & McLeod, D. M. (2001), "A multiperspectival approach to framing analysis: A field guide", in Reese, S. D., Gandy, O. H. and Grant, A. E. (eds.) *Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world*, Erlbaum, Mahwah, NJ, USA, 139-161.
- Hunter, J. E., Schmidt, F. L., & Jackson, G. B. (1986), *Meta-Analysis: Cumulating Research Findings Across Studies*, Vol. 4, Sage Publications, Beverly Hills, California, USA.
- Ihlen, Ø., & Nitz, M. (2008), "Framing contests in environmental disputes: Paying attention to media and cultural master frames", *International Journal of Strategic Communication*, 2 (1), 1-18.
- Li, S., & Tang, S. (2012), "Mass communication research on China from 2000 to 2010: A meta-analysis", *Asian Journal of Communication*, 22 (4), 405-427.
- Lim, J., & Jones, L. (2010), "A baseline summary of framing research in public relations from 1990 to 2009", *Public Relations Review*, 36 (3), 292-297.
- Maher, T. M. (2001), "Framing: An emerging paradigm or a phase of agenda setting", in Reese, S. D., Gandy O. S. Jr. and Grant, A. E. (eds.) *Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world*, Erlbaum, Mahwah, NJ, USA, 83-94.
- McCombs, M. E., & Shaw, D. L. (1972), "The agenda-setting function of mass media", *Public opinion quarterly*, 36 (2), 176-187.
- Neuman, W. R., Neuman, R. W., Just, M. R., & Crigler, A. N. (1992), *Common knowledge: News and the construction of political meaning*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Pan, Z., & Kosicki, G. M. (2001), "Framing as a strategic action in public deliberation", in Reese, S. D., Gandy, O. H. Jr. and Grant, A. E. (eds.), *Framing public life: Perspectives on media*

and our understanding of the social world, Erlbaum, Mahwah, NJ, USA, 35-65.

Potter, W. J., & Riddle, K. (2007), "A content analysis of the media effects literature", *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 84 (1), 90-104.

Price, V., & Tewksbury, D. (1997), "News values and public opinion: A theoretical account of media priming and framing", in Barnett, G. A. and Boster, F. J. (eds.), *Progress in communication sciences: Advances in persuasion*, Ablex, Greenwich, CT, USA, 173-212.

Reese, S. D. (2007), "The framing project: A bridging model for media research revisited", *Journal of communication*, 57 (1), 148-154.

Baran, S. (2001), "Prologue – Framing public life: A bridging model for media research", in Reese, S. D., Gandy, O. H. and Grant, A. E. (eds.), *Framing public life*, Lawrence Erlbaum, Mahwah, NJ, USA.

Scheufele, B., & Scheufele, D. A. (2010), "Of Spreading Activation, Applicability, and Schemas Conceptual Distinctions and Their Operational Implications", in D'Angelo, P. and Kuypers, J. A. (eds.) *Doing news framing analysis*, Routledge, New York, USA.

Scheufele, D. A. (2000), "Agenda-setting, priming, and framing revisited: Another look at cognitive effects of political communication", *Mass communication & society*, 3 (2-3), 297-316.

Scheufele, D. A. (1999), "Framing as a theory of media effects", *Journal of communication*, 49 (1), 103-122.

Scheufele, D. A., & Tewksbury, D. (2007), "Framing, agenda setting, and priming: The evolution of three media effects models", *Journal of communication*, 57 (1), 9-20.

Semetko, H. A., & Valkenburg, P. M. (2000), "Framing European politics: A content analysis of press and television news", *Journal of communication*, 50 (2), 93-109.

Shah, D. V., Domke, D., & Wackman, D. B. (1996), "To thine own self be true" values, framing, and voter decision-making strategies, *Communication Research*, 23 (5), 509-560.

Snow, D. A. & Benford, R. D. (1992), "Master frames and cycles of protest", in Morris, A. D. and McClurg Mueller, C. (eds.), *Frontiers in social movement theory*, Yale University Press, New Haven, 133-155, USA.

Snow, D. A., Rochford Jr., E. B., Worden, S. K., & Benford, R. D. (1986), "Frame alignment processes, micromobilization, and movement participation", *American sociological review*, 464-481.

Uman, L.S. (2011), "Systematic reviews and meta-analyses", *Journal of the Canadian Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 20 (11), 57-59.

Van Gorp, B. (2006), "The constructionist approach to framing: Bringing culture back in", *Journal of communication*, 57 (1), 60-78.

Received 01 February 2021. Revised 07 March 2021. Accepted 11 March 2021.

Статья поступила в редакцию 01 февраля 2021 г. Поступила после доработки 7 марта 2021 г. Принята к печати 11 марта 2021 г.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Valentina Marinescu, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology, Faculty of Sociology and Social Work, University of Bucharest, Bucharest, Romania.

Маринеску Валентина, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета социологии и социальной работы Бухарестского университета, Бухарест, Румыния.

Valentina Milenkova

Challenges to Digital Education in a Situation of Social Crisis

South-West University
66 Iv. Mihailov St., Blagoevgrad, Bulgaria
vmilenkova@gmail.com

Abstract. The present article aims to examine the state of mobile learning in Bulgaria, presenting the policy framework in which the education processes themselves take place, and also to show the various platforms and software products that form the basis of mobile learning. Online platforms greatly facilitate and support mobile learning, as they connect individuals regardless of distances or situations. The analysis shows that mobile learning has a place in Bulgarian education and its quality is at relatively high level. Its specifics are related to the technological security, the technical and methodological training and qualification of teachers, as well as the responsibility of families. A specific case is analyzed – the situation with Covid-19 and how the Bulgarian education system is being restructured in the direction of mobile learning under the influence of the new pandemic conditions. Methodology is based on qualitative methods, under the national project “*Digital Media Literacy in the context of "Knowledge Society": state and challenges*”, № КП–06–H25/4, 2018, funded by National Science Fund – Bulgaria. The main conclusion is that Covid-19 puts Bulgarian education in a situation that requires comprehensive and universal mobile learning, which is in line with the modern knowledge society.

Keywords: Mobile learning; Covid-19; Digital literacy; Online platforms; Distance education

Acknowledgement. The article has been developed in the framework of the research project “*Digital Media Literacy in the context of "Knowledge Society": state and challenges*” № КП–06–H25/4, funded by National Science Fund – Bulgaria.

Information for citation: Milenkova V. (2021), “Challenges to Digital Education in a Situation of Social Crisis”, Research Result. Sociology and management, 7 (1), 49-58, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-4

Оригинальная статья

Валентина Миленкова

Вызовы цифровому образованию в ситуации социального кризиса

Юго-Западный университет «Неофит Рильски»
Болгария, Благоевград, ул. Иван Михайлов, 66,
vmilenkova@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья направлена на изучение состояния мобильного обучения в Болгарии и национальной политики в рамках

которой осуществляются образовательные процессы, а также на демонстрацию различных платформ и программных продуктов, которые составляют основу мобильного обучения. Онлайн-платформы значительно облегчают и поддерживают мобильное обучение, поскольку они объединяют участников образовательного процесса независимо от расстояний и ситуаций. Анализ показывает, что мобильное обучение имеет место в болгарском образовании и его качество находится на относительно высоком уровне. Его специфика связана с технологической безопасностью, технико-методической подготовкой и квалификацией учителей, а также с ответственностью семей. В статье анализируется конкретный случай – ситуация, связанная с Covid-19 и то, как болгарская система образования переструктурируется в сторону мобильного обучения под влиянием новых условий пандемии. Используемая методология основана на качественных методах в рамках национального проекта «Цифровая медиаграмотность в контексте «общества знаний»: состояние и проблемы», № КП – 06 – Н25 / 4, 2018 г., осуществляющегося при финансовой поддержке Национального научного фонда при Министерстве образования и науки Республики Болгарии. Главный вывод заключается в том, что Covid-19 ставит болгарское образование в ситуацию, требующую всестороннего и универсального мобильного обучения, что соответствует современному обществу знаний.

Ключевые слова: мобильное обучение; Covid-19; цифровая грамотность; онлайн-платформы; дистанционное обучение

Информация для цитирования: Милenkova B. Вызовы цифровому образованию в ситуации социального кризиса // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 49-58. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-4

Introduction. Mobile learning is a technologically created environment for learning and communication, in which users themselves publish lessons, data, and their experience as well as they communicate each other. The published information can be in different forms: text, images, audio and video recordings. Unlike traditional learning, learners of all ages are actively involved in a two-way process of posting and informing, because people can not only read, watch or listen, but also share, comment and discuss. Online platforms greatly facilitate and support mobile learning, as they connect individuals regardless of distances or situations that do not allow face-to-face learning, as is the case with Covid-19.

This article aims to examine the state of mobile learning in Bulgaria, presenting the policy framework in which the education processes themselves take place, and also to

show the various platforms and software products that are the basis of mobile learning. In addition, a specific case is analyzed - the situation with Covid-19 and how the Bulgarian education system is being restructured in the direction of mobile learning under the influence of the new pandemic conditions. The research questions are: is there a place for mobile learning in Bulgarian education? What are the specifics of mobile learning in the Covid-19 situation? What is the quality of mobile learning?

The analysis shows that mobile learning has a place in Bulgarian education and its quality is at relatively high level. Its specifics are related to the technological security, the technical and methodological training and qualification of teachers, as well as the responsibility of families.

The article is focused on showing that Covid-19 put Bulgarian education in a

situation requiring quick and adequate solutions and actions aimed at total and universal mobile learning, which, however, are not accepted and evaluated in the same way by the participating social actors.

Methodology and Methods. Mobile learning has been the subject of political efforts for a long time. There is a series of documents showing the commitment of the government on the need to digitalize social life. In 2014 A National Strategy for the Introduction of ICT in Bulgarian Schools has been developed¹, which should identify ways to modernize the education system, improve access to quality education and increase the use of information technology in formal and non-formal education.

The strategy is aimed at creating a unified information environment serving school education, higher education and science. The expectations for the implementation of the Strategy are that the lessons become more interesting and attractive, to motivate students in order to attain higher achievements in learning the content, acquiring new useful skills – presentation skills, teamwork and more. Additional funds from the budget have been provided for ICT school infrastructure, e-learning platforms, wireless networks in schools, e-lessons, etc.

More specific measures are set out in the Strategy Implementation Plan. Since 2015, active IT training in schools has been regulated. The first trainings were conducted in the first and fifth grade in 2016-2017, continue in the seventh grade in 2017-2018, and the goal is to be expanded in the next educational levels.

The reform of the higher education system is aimed at increasing efficiency and updating the labor market. A list of 32 priority professional areas has been identified, which give priority to funding in public universities. Areas related to science,

technology, engineering and mathematics (STEM), in particular ICT and mathematics, are included.

An evaluation of the state of digitalization is made in the EC report from 2020, the information about Bulgaria structured in five chapters (DESI report)².

The 2020 report shows the importance of digitization and its integration in social life, because in a situation of health crisis, it is digital technologies that have contributed to the sustainability of the work process and especially to the maintenance of education and training activities. The EC evaluation report is that Bulgaria is the last 28th position in the EU for 2020. In 2018 the country was in the penultimate place, and in 2019 it is again last. The index shows that in Bulgaria there is the weakest development in most categories: general connectivity, basic digital skills of the population, low percentage of online trade, digital integration of public services and business. The overall result for Bulgaria for 2020 is 36,4 out of 100 compared to the EU average of 52,6. The results for 2019 were 33,8 for Bulgaria and 49,4 for the EU average, respectively. It should be emphasized that the country's overall score has risen to 36,4, but it ranks lower in the rankings because it lags behind other EU partners.

From the point of view of human capital, the report emphasizes that the level of skills in the field of digital technologies of Bulgarian citizens is among the lowest in the EU. Citizens with basic digital skills make up only 29% of the adult population in the

¹ National Strategy for introducing of ICT in Bulgarian schools, available at: <https://www.president.bg/docs/1352306506.pdf> (Accessed 1 December 2020).

country, compared to the EU average of 58%. Only about 11% have above average skills.

Use of Internet services is another major set of criteria assessed by the EC Index. The results there are not very encouraging either. Bulgaria continues to be in 27th place in terms of the use of Internet services, with the overall result well below the EU level. 67% of Bulgarians use the Internet (in the EU the average is 85%), and 24% have never used it. In terms of connectivity, according to the EC report, Bulgaria is doing relatively well, especially in terms of wide access to high-speed and mobile broadband networks. It has made significant improvements to the criterion of e-government, which has more and more users.

The results in the EC report show that efforts are being made in the country, there is progress on the criteria, but the EU average has not yet been reached. It can be summarized that the measures and actions contribute to creating conditions for the development of digital literacy of the Bulgarian population and mobile learning. Information technology has entered en masse and avalanche in the daily lives of children and young people, which reflects on the expectations of students in all forms of education. The information growth itself creates a favorable environment for learning and personal enrichment by applying specific practical actions for organized implementation of mobile learning in secondary education. They include:

- targeted investments for the purchase of computers and furnishing classrooms in secondary schools;
- organized training of teachers to work in an online environment and use different platforms;
- writing textbooks and manuals for both teachers and students and for general use;
- financing the creation of computer programs for educational purposes;
- organization of optional or regular classes in informatics, like "Fundamentals of

Informatics", "Computer Science", "Computer Culture", etc.

The digitization and use of computers and information technologies covers the entire education system: from kindergartens, through secondary, higher education and postgraduate levels. The formation of basic digital skills begins at an early age, and for the acquisition of digital qualification, the most effective is the school age, when students have reached a certain level in which they easily acquire new skills and knowledge, open to innovation as thinking young people. In addition to accessible and diverse forms of knowledge dissemination, the network environment requires new skills such as: information retrieval, navigation, sorting, resource assessment and network and publication security (Milenkova, Peicheva, Marinov, 2018).

Mobile learning involves the use of new multimedia technologies and the Internet to improve the quality of teaching through access to resources and services. Mobile learning helps to adapt education systems to the new requirements of the European knowledge society and it is an opportunity for increased convenience, diversity and efficiency. In this context, it is important to take into account the serious work of the teacher in preparing lessons using technology. It is true that mobile learning involves the use of home or mobile devices by students in order to perform various tasks, but the preparation of the lesson itself requires reorganization of various activities and in general the successful implementation depends largely on the teacher. Pedagogical practices based on online platforms themselves require testing in the specific context and the decision to use them is the result of the teacher's assessment of how a tool or platform will be useful in online classes³.

³ Students' digital skills, available at:
[https://teacher.bg/ %D0%Б 4%D0%B8 %D0% B3%D0% B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BD%D0%B8-%D0%B8%D0%BD%D1 %81%D 1%82 %D1">https://teacher.bg/ %D0%Б 4%D0%B8 %D0% B3%D0% B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BD%D0%B8-%D0%B8%D0%BD%D1 %81%D 1%82 %D1](https://teacher.bg/)

The *Khan Academy* platform is helpful in conducting mobile learning. It has over 8000 video lessons in school subjects, but also various modules oriented to the general culture such as: history of civilizations, music, fine arts, economics and business, trade, finance and more. The platform is free and the content is translated into Bulgarian. The platform supports the implementation of interdisciplinary links between English and other subjects studied.

Classdojo is a platform that has direct applicability when conducting a lesson in real time. It can be used in primary school because it allows parents to participate and to receive feedback on children's achievements. Parents together with students define the rules of the learning process and how many points a certain type of learning activity brings or takes. When there are clearly defined rules, achievement is seen as a reasonable consequence of learning. Participants find it easier to adapt to the rules because they can see how their activities are measured and what is expected of them to participate fully in the learning process.

Word has a number of features that are not fully known and implemented; one of them is related to the improvement of writing skill and as a way to seek the assessment and opinion of others. This can be achieved if students have *OneDrive* and keep their writing in it. The next step is to send the written work to the teacher, or write it in real time, together with other classmates – each from his own computer at home as a common activity. Feedback from others is obtained when teacher and other students write comments on a single paragraph or on the entire text. The aim is to create a virtual environment in which the creative process of discussing, editing and improving the writing takes place. And this is important because students perceive it as normal to receive criticism and improve.

%80%D1%83%D0%BC%D0 % B 5%D0% BD%D1
%8 2%D0%B8-%D0%B8-%D0%BF%D0%BB
%D0% B0%D 1% 82% D1% 84% D 0% B E% D 1%
80% D0%BC%D0%B8-%D0%B7%D0%Bo/_ (Accessed 14 December 2020).

OneNote is a neglected and unknown tool of Microsoft for the Bulgarian school, but in fact it is quite convenient and effective. One Note is a program that can replace a student's notebook. Thanks to the program, the daily life of adolescents can be better organized, including the planning of classes and preparation for them, the way of structuring free time.

Along with the listed digital opportunities and software, the Bulgarian school also uses various platforms for conducting classes and sharing lessons in formal and non-formal education. These are Moodle, Zoom, Google classroom, Blackboard and others. The advantage of digital technologies is related to the reformatting of the entire educational environment. This applies both to teachers as a style of thinking, behaving, organizing teaching and testing, and to students, given the strengthening of individual work and responsibilities. Mobile learning has and other implications related to the criteria for teacher professionalism, such as new requirements for collecting, processing, illustrating information and giving feedback to students. In general, mobile learning stimulates the development of curricula that are applied to all ages; it is of great importance for the acquisition of skills to cope with the world around us, as well as for the development of digital education and culture (Milenkova, Manov, 2019: 96-102).

Covid's situation has created a serious challenge – the need for secondary and higher education to move to an online environment. In these conditions, mobile learning in its various forms and variants has become a reality in the last year. During the Covid-19 pandemic Bulgarian educational system meets the challenges posed by the need to restructure training and universal penetration of e-learning. The access to online training was the most discussed issue and is still so throughout the period of restrictions and quarantine. Without any doubt, first this started with the regulations/ normative regulations/orders. The forthcoming analysis focuses on the main dimensions of mobile learning in the Covid-19 situation in Bulgarian conditions.

In methodological aspect, the *qualitative method of document analysis* used. An analysis of the political documents related to the pandemic period in 2020 in the Bulgarian context, as well as the specific measures aimed at the education system and personal training has been made. The regulations for online learning and the platforms that are recommended to be used in the conditions of distance education have presented. The analysis also includes various opinions shared by parents, teachers and principals regarding the Covid-19 situation and the implementation of digital learning in a locked down environment.

Research Results and Discussion. In the Bulgarian case, this topic is related to the specific measures and rules for organizing educational activities. The policy documents have focused mainly on ensuring the safety conditions for children and educational materials in schools and kindergartens. At the beginning of March 2020 in the effort to contain the spread of Covid-19 pandemic, in line with broader social distancing and lockdown measures all universities, schools and kindergarten were closed in Bulgaria. The focus is on the ways in which national policy participants identified immediate and long term policy problems in e-learning and how they responded at different stages of the pandemic.

At the first phase of the pandemic outburst, with the wide spread closure of schools, Bulgarian policy makers were faced with two main challenges: *first ensuring the nutrition and e-learning needs of all students, but especially that of vulnerable students*. Ensuring access to education was made by flexible solutions at the Bulgarian schools and universities. This process starts e-learning with Order No РД09-704 for distance learning in electronic environment⁴. In April 2020, the Bulgarian Minister of Education and Science reported that 89% of all students were effectively included in the e-learning process, while

⁴ Order for e-learning at a distance. Order No РД09-704, available at: <http://www.danybon.com/obrazovanie/oesr-naredba-10/> (Accessed 4 December 2020).

for the remaining 11% as well as for students with learning difficulties⁵. Several measures were undertaken for supporting teachers, students and parents in distance learning process. An e-learning hotline was opened for receiving questions and recommendations related to e-learning.

The National Electronic Library for teachers was created to enable teachers to share educational resources, personal experience and innovative practices⁶.

Private organizations and NGO's donated devices for children from vulnerable groups to ensure their inclusion in the e-learning. The Bulgarian Social Assistance Agency donate 104 tablets that were distributed to poor children. The Ministry of Education and Science reported that it had reached an agreement with mobile operators for providing internet connection to students at preferential prices and had changed the rules for school financing allowing schools to cover the expenses for internet of students whose families did not have the resources to pay for internet at their homes⁷. It can be concluded that the access to educational process was ensured for Bulgarian schools.

The second challenge that meet the Bulgarian policy makers in education was related to providing systemic responses for the long term educational, social and economic challenges generated by the pandemic. In the beginning, however, the crisis prompted a global haste to produce the fastest and most fitting policy responses to ensure safety above continuity of educational provision and access to education for all students. By looking at the first response to the crisis the analysis of the policy documents explores the first meaning-making attempts related to educational inequity.

⁵ Minister of education /BNR interview, available at: Covid-19 in Bulgaria: Day 78 – News (bnr.bg) (Accessed 4 December 2020).

⁶ National online library, available at: <https://www.mon.bg/bg/news/3893>; <https://e-learn.mon.bg/> (Accessed 1 December 2020).

⁷ Ministry of education, press release, available at: <https://segabg.com/node/130750> (Accessed 4 December 2020).

ties and the struggles over proposed short and long-term solutions. In Bulgaria, following this first phase the Government tend to make use of crises by putting forward radical, controversial and social reforms. The extraordinary condition of the COVID 19 pandemic, most importantly the effects of social distancing and lockdown measures, offer ample opportunity to understand the dynamic relationships between the educational policy responses and the structural, systemic and historical inequities characterizing educational provision in Bulgaria.

The third challenge is concerning the shifting to emergency remote teaching that meant facing, almost overnight, the challenge of developing adequate infrastructure of educational technology and digital pedagogy which can be suitable for whichever chosen continuation strategy. This challenge impacted educational systems and organizations worldwide in the most diverse ways, ranging from expanding the use of well-articulated infrastructure already in place and use to having to invest into educational technologies suitable for remote teaching for the first time, facing cultural resistance to the widespread use of technologies for educational purposes, the lack of funding immediately available, and great socio-economic separates affecting the most students, parents and families living in the most marginalized communities.

In summary six are the main indicators followed in the policy documents research of the country. And these are:

- Educational provision – In terms of policy making during the pandemic data indicate that the agenda-setting role was played by the government. Government documents predominantly served a regulative and delegate purpose. Other participants typically reacted to this actions were national NGO's, parents' organizations and teachers' unions. The health and hazards are central aspects of the debate since the reopening in the schools in September 2020 in Bulgaria.

- Access to education – the issue of access to education at the onset of COVID 19 pandemic resonated with conceptualizations

and approaches to inequity issues in the policy discourse before the pandemic. It highlighted categories of vulnerable groups and manifestations of vulnerability and ethnicity (Nakova, 2018) in reference to distance educational access.

- Educational technology – the analyzed policy documents indicates that disadvantage communities are excluded from online teaching (due to the lack of stable internet connection, digital proficiency etc.) and that their professional disadvantage will likely to exacerbate as a result of the crisis. The state documents for example exclusively express that schools (Ministry of Education) can lend digital devices to families to support e-learning⁸.

- Digital competence of teachers and professionals- digital competence was generally conceptualized as ability to use available digital technology for educational purpose (teaching, learning and assessment). It became visible in close proximity to discussing learning roles to teachers, students, and parents in the context of shifting to online education.

- Curriculum – a focus on emergency were noticed on matters of curriculum, fragmentation and short term scope, unpacking specific curricular focus points polarizing a various political actors engaging with the topic: refugees, migrants and asylums-seekers on vocational education and on regulating upcoming national examinations in both procedural and learning contents aspects

- Teachers learning and professional development – Crisis as opportunity for improvement and innovative solutions and for improving teachers' and students' digital competence and skills. In the communication of the government, this issue frame is completely independent from the issue of digital poverty.

---

⁸ Projects supporting Romani community education in Bulgaria, available at: <https://www.caritas.eu/caritas-serves-most-vulnerable> (Accessed 4 December 2020); Services supporting education for refugees, migrants and asylum seekers, available at: <https://dv.parliament.bg/DVWeb/showMaterialDV.jsp?idMat=147150> (Accessed 8 December 2020).

During the period from 30.10 to 4.11.2020 Parents Association together with the Institute for Research in Education conducted an online survey among parents about their attitudes towards the shifting of students to distance learning in an online environment in the conditions of emergency situation due to the Covid-19 crisis⁹. Over 20,000 parents from all over the country participated, 38,2% from the capital, 40,7% from the district centers, 17,9% of small towns and 3,2% of villages. The most active were the parents of students up to 4th grade – 53,3%. The opinions of parents with higher education prevail – 73,5%, those with secondary education – 24,6%, and those with primary education – 1,6%. Fathers are 10,6% of participants and mothers – 89,4%. For 97,2% of the participants in the survey, the language spoken in the family is Bulgarian, for 1,2% – Turkish, for 0,8% – Roma¹⁰.

In general, the clear positions FOR and AGAINST distance learning are distributed as follows: 47,4% of all participating parents are entirely for face-to-face training, and for online distance learning of all students are 22,2% of the respondents. The idea of going online training for individual stages is supported by 14,2% of the parents, and 16,2% are for a mixed form of training (combining face-to-face and online training according to a specific scheme).

Parents living in rural areas (villages and small towns) mostly support face to face training, where more than a half of the respondents have chosen this option 54,6% and 53,8%, respectively. In the regional cities and the capital, where large schools are concentrated, this percentage decreases to 49,8% and 41,3%, respectively. The mixed form of education combining face – to – face and online learning in a specific scheme has the most supporters in the capital (17,6%), with a decrease in the size of the settlement decreases

and their percentage – 16,8% in the regional centers, 12,6% in the small cities and 11,9% in the villages (Nakova, 2012).

The distribution of parents' preferences for online education is also influenced by the age of the child. The highest number of respondents supporting the present form is among the parents of children in the initial stage – 52,8%, and the least – among the parents of high school students: 43,6% of them want all students to stay in school. One in 5 parents of children in primary school believes that all students should shift to online education, as in junior high school this percentage rises to 23,7%, and in high school it is 22,3%. The question of the main priorities on the organization of the learning process caused the greatest difficulty among parents, as they had to choose only two of these options. However, the limited choice gave opportunity to focus on key priorities at the discretion of the parents participating in the survey.

Almost half of the parents (49%) identified "Ensuring quality education" as a priority. At the same time, 30,2% indicated "Protecting the health of children" and more 29,8% – "Limiting the spread of the infection". For 17,7% the leading is the "Socialization of children at school". It is interesting that more parents mentioned "Protecting the health of teachers" (14%) than "Protecting the health of family members" (12,2%), and it is important to note that in order to be included in this statistic, this priority was chosen by the parents as one of the two leaders over all the others. Only 8% of the participants in the survey chose "Parental Employment" as a priority.

The biggest challenges for distance learning according to the parents are: "Difficulties of my child to master the learning material to the same extent as in the present learning" – 47,9%, "process at a distance" – 38,5%, "Interaction between teachers and students" – 37%, "My child's ability to communicate with his classmates" – 34,6%, "The workload of parents with responsibility for children's learning" – 33,3%, "Technical problems related to the electronic platforms used" – 29,9%, "Opportunities for teachers to

⁹ Available at: <https://www.mediapool.bg/golemite-gradove-udalzhavat-onlain-obuchenieto-za-uchenitsite-news314317.html> (Accessed 10 December 2020).

¹⁰ Regarding the attitudes to "others", see Nakova, 2019; Nakova, 2017.

organize an effective distance learning process" – 28,8%.

In conclusion the survey data shows that parents' attitudes towards the transition to distance learning in an online environment vary significantly depending on the age of the child, the place where the family lives (rural or urban area, small town or village, capital), the priorities of the parents and a number of additional factors, so it is impossible to deduce a single solution that is satisfactory to all parents. This necessitates a flexible approach based on local solutions, according to the specific situation of the different schools.

In November 2020 over 70% of the Bulgarian parents want face to Face training. According to the Education trade union at the Podkrepa Labour Confederation¹¹, by contrast with parents Bulgarian teachers and directors do not agree to continue face-to-face training. They were asked the question: "Do you think that in such a pandemic situation, educational institutions should work in a regular form or should move to e-learning at a distance?".

79,4% of the 4,270 teachers and directors answered that the entire education system should temporarily switch to e-learning at a distance, and 76,8% even said that the school environment was unsafe for work¹². Their main argument is that it is currently very difficult to create an organization for the learning process, given the fact that many teachers infected with COVID absent. Many teachers are worried and have taken a patient chart for a week or two. Their substitutes are overloaded.

The survey showed that in 10% of educational institutions there is no staff for a medical person, another 25% also do not have medical staff because they are employed medical workers of retirement age, and most of

them are afraid to work on the first line and leave.

We can conclude that there is a contrast in attitudes of the teachers and the directors in Bulgarian schools in the first wave of COVID-19 comparing with second wave COVID-19. In the beginning (March 2020) the most important issue was related with the access of education, educational technology and digital training of teachers, while after retuning in school the most discussed topic was this concerning the health of teachers and students.

Conclusions. In summary, it can be said that Internet and online platforms based on interactivity, individualization and new technological opportunities with free and easy access, are an excellent environment for learning and self-learning, for the increased potential of each person. The field of online services and those related to the storage and organization of databases is expanding.

Information technology increases the scale and dynamics of data collection and management, allowing users to actively participate in the creation, sharing and combining of knowledge, to expand cooperation with each other in different websites through mobile learning. The essence of the whole education is changing. At the forefront is the need for both the transfer of certain knowledge and the formulation of important and significant for society and the individual skills and competencies. In the new digital environment personal adaptation to the changing conditions of learning and life takes on particular significance.

Equipped with the latest interactive platforms, learners have the advantage not only of being subjects of the learning process, receiving and storing information, but also of being active participants in the new digital environment to express their proactive, selective activities.

According to the teachers, thanks to the digitization of training, the possibilities for organizing the pedagogical interaction, regardless of time and space, as well as the

¹¹ Teacher's and parent's attitudes, available at: <https://www.vesti.bg/bulgaria/658-ot-uchitelite-iskat-distacionno-obuchenie-ot-utre-6117079> (Accessed 10 December 2020).

¹² A survey conducted among teachers and directors, available at: <https://offnews.bg/obshtestvo/79-4-ot-uchiteli-i-direktori-podkrepli-onlajn-obuchenie-740116.html> (Accessed 4 December 2020).

number of the participants in it, the subject of pedagogical communication, etc., expanded. As a new information reality, the digital learning environment creates the conditions for using e-mail, newsgroups, forums for project-based learning, interdisciplinary work.

The COVID-19 pandemic demonstrated the undeniable importance of people's digital skills, the digitization of the education and the need for a reliable and fast internet connection. During the health crisis, networks faced a significant increase in demand. The COVID 19 pandemic necessitated a rapid and comprehensive reform of education and mobile learning.

References

Milenkova, V. and Manov, B. (2019), "Mobile learning and the formation of digital literacy in a knowledge society", *Proceedings of the 15th International Conference Mobile Learning*, 96-102, available at: <http://www.iadisportal.org/digital-library/mobile-learning-and-the-formation-of-digital-literacy-in-a-knowledge-society#> (Accessed 10 December 2020).

Milenkova, V., Peicheva, D. and Marinov, M. (2018), "Towards defining media socialization as a basis for digital society", *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 6 (2), 21-32, available

at:<https://www.ijcrsee.com/index.php/ijcrsee/article/view/200> (Accessed 10 December 2020).

Nakova, A. (2012), "Rural Residents and Education", in Kozhuharova-Zhivkova, V. (ed.), *Educational Question Marks Facing the Bulgarian Village (Sociological Viewpoints)*, Trojan, Bulgaria.

Nakova, A. (2018), "Dynamics of Ethnic Values", *Ethical Studies*, (3/2), 283-299.

Nakova, A. (2019), National Identity and the Attitude towards "the Other"/"the Stranger", *Two Faces of Contemporary Bulgarian Society. Scientific Works*, 2 (33), 60-74, Baku, Azerbaijan.

Nakova, A. (2017), "The Attitude towards "the Other" and the Sustainability of a Rural Community in a Region with Ethnically Mixed Population", in Nedelcheva, T. (ed.), *Innovation, Development and Sustainability in Rural Areas in Bulgaria and Europe*, Omda, 110-128, available at: http://prehod.omda.bg/uploaded_files/files/articles/sbornik-tanya-1-pdf_1517046740.pdf (Accessed 10 December 2020).

Received 01 February 2021. Revised 07 March 2021. Accepted 11 March 2021.

Статья поступила в редакцию 01 февраля 2021 г. Поступила после доработки 7 марта 2021 г. Принята к печати 11 марта 2021 г.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Valentina Milenkova, Doctor of Sciences, Professor, Head of Department of Sociology, South-West University, Blagoevgrad, Bulgaria.

Миленкова Валентина, Профессор, заведующий кафедрой кафедры Социологии, Юго-Западного университета "Неофит Рильски", Благоевград, Болгария.

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-5

Original article

Slobodan Neskovic
Anastazija Tanja Đelić

Social Challenges and European Integration of the Western Balkans

Centre for Strategic Research of National Security – CESNA B
11050, Vojvode Vlahovića, 35 Zvezdara, Belgrade, Republic of Serbia
slobneskovic@gmail.com

Union Nikola Tesla University Belgrade
Faculty of Law, Security and Protection “Konstantin Veliki” of Niš
18000, Zetska, 2-4, Niš, Repubic of Serbia
tanja.djelic@gmail.com

Abstract. The sub-region of the Western Balkans includes Serbia, Montenegro, Bosnia and Herzegovina, Albania and Northern Macedonia. Social challenges of these countries is different and depends on socio-economic development, political and security entities and elements. The processes of European integration of individual countries are different, since they are in different phases. This is determined by procedural acts related to Euro integration and open chapters of the nomenclature. In addition, Serbia, Montenegro and Albania have the status of official candidates for admission to the European Union. Due to the permanently expressed security challenges, risks and threats in theory and practice, it is called “barrel with gunpowder”. Therefore, this space marks one of the most attractive topics for all social phenomena researchers. The aforementioned micro region of the region of Southeast Europe implies the formulation of authentic foreign policy and security concepts of influential actors in the international community. The article deals with international, foreign political and wider social implications of the Western Balkan countries, inclusion in the strategic concept of Euro integration.

Keywords: Western Balkans; social challenges; European integrations; state; security; politics; European Union

Information for citation: Neskovic S., Đelić A. T. (2021), “Social Challenges and European Integration of the Western Balkans”, Research Result. Sociology and management, 7 (1), 59-69, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-5

Слободан Нешкович^{ID}
Анастасия Таня Джелич**Социальные проблемы и европейская интеграция стран
Западных Балканов**

Центр стратегических исследований национальной безопасности
11050, Республика Сербия, Белград, ул. Войводе Влаховица № 35, Звездара
slobneskovic@gmail.com

Университет «Никола Тесла», Белград
Факультет права, безопасности и защиты «Константин Велики», г. Ниш
18000, Республика Сербия, Ниш, ул. Зетска 2-4
tanja.djelic@gmail.com

Аннотация: Субрегион Западных Балкан включает Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину, Албанию и Северную Македонию. Социальные проблемы этих стран различны и зависят от специфики социально-экономического развития, политических структур и структур безопасности. Процессы европейской интеграции отдельных стран различны, поскольку находятся в разных фазах. Это определяется процессуальными актами, связанными с евроинтеграцией. Так например, Сербия, Черногория и Албания имеют статус официальных кандидатов на вступление в Европейский Союз. Из-за наличия постоянных рисков и угроз безопасности район Западных Балкан называют «бочкой с порохом». Поэтому это пространство – одна из самых привлекательных тем для всех исследователей социальных явлений. Микрорегион Юго-Восточной Европы оказывается объектом формулирования аутентичных концепций внешней политики и безопасности влиятельными участниками международного сообщества. В статье рассматриваются международные, внешнеполитические и более широкие социальные особенности западно-балканских стран, их включение в стратегическую концепцию евроинтеграции.

Ключевые слова: Западные Балканы; социальные проблемы; европейская интеграция; государство; безопасность; политика; Европейский союз

Информация для цитирования: Нешкович С., Джелич А. Т. Социальные проблемы и европейская интеграция стран Западных Балканов // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 59-69. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-5

Introduction. Geopolitical, military and economic relations in the modern world are a sign of conflict of interest that defines geopolitics, and therefore a security image of the world. The struggle of interests today is being guided by sophisticated economic and military means, and any study of global relations must be studied by international subjects and their relations. We can monitor world and regional security through the roles of some

important actors of the order (the most powerful and largest states in the world, that is, the world's major centers of power) and their interactions. Modern centers of power in the world are the United States, the European Union and the Russian Federation, and their mutual relations are the main factors influencing contemporary international, economic, military and geopolitical relations. It is therefore important to explore these relationships and

see what is good in them and what is bad, and what the development trends are. Modern world security is marked by globalization, the shifts of global actors in the world order, attempts to establish global governance and universal conventions.

The paper examines the basic characteristics of the position, national interests and economic, military and foreign policy orientations of the European Union and their impact on the region of the Western Balkans. A review is also made of the security strategy and strategy of this entity's performance in the Western Balkans, through the prism of the impact of that strategy on the security of this region. The regional security of the Western Balkan countries is determined by their individual foreign policies. Accessing these countries to the European Union is one of the main priorities of each of them. This implies the need for future harmonization of the foreign policy of these countries with the Common Foreign and Security Policy (CFSP). This commitment was also accepted thanks to the signing of an agreement on the stabilization of these countries with the European Union. Also, the promotion of the position of the Western Balkan countries within international organizations of a global and regional character can be encouraged through mutual support and lobbying in their work. It is very important for the peace and prosperity of this region to create opportunities for bilateral / multilateral regional partnerships.

Methodology and methods. *Social challenges of the Western Balkans countries.* The Western Balkans is the date of a newer date and appears as a neutral geopolitical determinant after the Cold War and the war in the former Yugoslavia. The Western Balkans is primarily a political category and marks mainly all Southeast European countries that are not members of the European Union (Nešković, Ketić, Šećerov, Đelić: 2018, 7545). This is the beginning of the 21st century. century is used to identify, first and foremost, the territories of the Balkan states. These are: Serbia, Bosnia and Herzegovina, Montenegro, Macedonia and Albania (since Croa-

tia became a full member of the EU in 2013). Also, this area has been through the history of the territory of the biggest disputes and conflicts in Europe. Over the last 40 years, the space of the Western Balkans is the only place in Europe where war is being waged, while all other countries resolve their misunderstandings with the negotiations. The reason for these conflicts is the centuries-old struggle for territories, and the diverse national, ethnic and religious affiliation of the people.

While the aspirations for unification appeared in Europe, the Western Balkans had a bloody clash at the end of the 20th century. This war took place between the countries of the former Yugoslavia, which lasted for 5 years, and later continued, with the bombing of Serbia and the conflicts in Kosovo. By bringing the Balkan countries closer to the European Union, security risks for war conflicts are also being reduced, and all nations, republics and entities are increasingly resorting to compromises and negotiations at state levels. Such a shift can also be seen within the individual issues of each state, because to date we do not have clearly outlined borders within individual Balkan states where there is still a great desire for secession and autonomy of certain regions in which national issues have not been resolved to date. After the end of the Cold War and the comparative commencement of the process of disintegration of the former Socialist Federal Republic of Yugoslavia, the newly emerging states on its soil began with the redefinition of their own foreign policy. The states created by Yugoslavia, during their first years of independence, distanced themselves from the foreign policy was conducted between 1945 and 1990, although during the first decade of independence, most of these countries did not have the basic strategic documents in the field of foreign policy.

Poor legacy of armed conflicts in post-Yugoslav territory left deep traces of interstate relations between the countries in the region within the region. "The leading actors of the international community, and above all

the European Union and the United States, have fully supported the normalization of relations between newly born states and entities since the end of the armed conflicts in the former Yugoslavia. Therefore, during the past fifteen years of fullness, one can notice the gradual transition of the Western Balkans from the armed conflict zone, the over region in which the democratic, economic and security situation is stabilized in the region, all countries are unambiguously oriented towards accession to the European Union. This means that the countries of the region in the perspective are ready to accept a number of European values – peace, democracy, human and minority rights, the principle of equality and the principle of solidarity" (Đukanovic: 2009, 12).

Since the situation in the Western Balkans has gradually stabilized, the need for the countries of the region to take greater or fuller responsibility for the functioning of multilateral forms of cooperation, which have been under the auspices of the international community over the past decade. All the countries of the Western Balkan, with the exception of the Republic of Serbia, are clearly defined for membership in the North Atlantic Treaty Organization (NATO). This has created a completely new geostrategic environment in the Western Balkans, since all countries from these territories, excluding Bosnia and Herzegovina, Macedonia, Serbia and Montenegro, have already become members of this military alliance. It is also important to point out that Bosnia and Herzegovina and the Republic of Montenegro will probably soon become members of the North Atlantic Treaty Organization.

Membership in the European Union is one of the priorities and strategic goals of most of these countries. There is a paradox regarding EU enlargement policy. On the one hand, there is a widespread belief (both at the professional level and at the political level) that it is one of the most successful and effective policies of the Union. The realization of this policy was of key importance for the stabilization of the European continent (formerly

for the countries of the south-former right dictatorship, then for the countries of eastern and central Europe - the former socialist country), as well as for strengthening the international influence of the EU and positive economic trends on the continent. However, one of the problems is the membership of the countries of the Western Balkans. The Balkans has long been a zone of second-rate interests of the EU, beyond the countries of Central Europe and behind some Mediterranean countries. This approach has changed only in the last years of the twentieth century for two reasons: because of the possibility of expanding the EU to the east, which made the Balkan countries become direct neighbors, and because of the conflict in Kosovo and its effects on the security of the region.

The Stabilization and Association Process (PSP) is a special kind of regional approach for the Western Balkan countries. Albania, Bosnia and Herzegovina, the Republic of Macedonia, Serbia and Montenegro for the first time have been given the opportunity to become full members of the Union on the basis of their customized approach. In this way, the fate of the more successful states in this process is not conditioned by the position of the region as a whole. Starting the stabilization and association process towards the countries of the Western Balkans in 1999, in the conditions of the drastic lagging behind of these countries and in the conditions of the unwillingness of the EU countries to engage more quickly in this process, it points to the long-term period of the EU's accession to the Western Balkans for a decade or two.

The 1996-1999 regional approach did not yield adequate results because the EU measures were not adequate in relation to the size of economic, political and social problems in the Western Balkans region. This has been drastically shown in cases of BiH, Kosovo, Albania, etc. The main result of the development of the post-crisis space on the territory of the former Yugoslavia is the fragmentation of formerly federal space into mini-states, in the majority of which there is no stability of political institutions of power. The

contemporary Balkan crisis has shown that the diplomacy of most countries was very often unprofessional, and international organizations were powerless and that international law was not sought. The only interest and power played a vital role, and the settlement of all inter-ethnic issues did not arise until the situation and resolving of all inter-ethnic issues were made. From the above, it can be concluded that the path of the Western Balkan countries towards the EU can be traced in two phases – the accession process and the accession process. After 2003, all the countries of the Western Balkans managed to secure the status of candidates or the status of potential candidates for membership in the Union.

Research Results and Discussion. *Foreign Policy and European Integration of the Republic of Serbia.* The political public can hear remarks that it is not clear what the strategy of Serbian foreign policy is. The fact is that the modern world is extremely dynamic, and that the very environment of our country is in constant change, so it is clear that the republic of Serbia is determined in relation to The European Union, NATO and the immediate neighborhood in the region of Southeast Europe. This cannot be achieved without defining Serbia's relationship with the leading countries in the world (the United States and the Russian Federation), but also without empowering multilateral co-operation. Improving and strengthening Serbia's status in international organizations is also one of the leading goals.

The goals of our country's foreign policy are based on the aspirations of the country to join the European Union and the North Atlantic Alliance, to strengthen regional cooperation and bilateral relations with its neighbors, then to develop balanced relations with global foreign policy actors (the United States and the Russian Federation), as well as to foster relations for the countries "Third World", i.e. developing countries. However, the lack of a clearly defined foreign policy strategy in Serbia may pose a problem for further European / Euro-Atlantic integration of the country.

"It is evident that there is an extremely broad social consensus in Serbia regarding the country's entry into the European Union, but there is evidently no similar approximation of NATO accession. And in relation to Serbia's relations with the great powers there is a significant disagreement between political entities. On the one hand, there are political options that advocate strengthening the partnership with the leading world of the world – the United States, while, on the other hand, there are those who are in favor of balancing relations with this country, the Russian Federation and the People's Republic China". In Serbia, the most common are the "pillars" of foreign policy, which are mainly related to preserving the constitutional order of the country, including the preservation of Kosovo within Serbia, integration into the European Union, strengthening of good neighborly relations in the region of Southeast Europe and balancing relations with The United States and the Russian Federation. However, the layout of these "pillars" of foreign policy is very often changing.

International Position and Euro-integration of Montenegro. By adopting the Declaration of Independence in the Parliament of the Republic of Montenegro on June 3, 2006, after the referendum on May 21, the Government of the Republic of Montenegro took over the powers of establishing and conducting the foreign policy of the state of Montenegro as an independent international legal entity. Montenegro recognized in good time that good neighborly relations and integration are a guarantee of its successful development. Montenegro, as an independent state, has the opportunity to strengthen its position on the international scene and to dynamics and further improve relations with its most important actors. Accordingly, the Government of Montenegro has established the following foreign policy priorities: 1. Integration into the European Union and the North Atlantic Treaty Organization – NATO, 2. Improving and maintaining good neighborly relations and regional cooperation, 3. Developing bilateral and multilateral cooperation. Montenegro's strategic

goal is membership in the European Union. Montenegro sees the EU as the best framework for further development of overall reforms, adaptation to European standards and their adoption, as well as the improvement of bilateral relations with the members of the Union.

In Montenegro, there is a comprehensive agreement on the need for EU integration, which gives an additional impetus for accelerated progress towards this goal. The speed of progress in integration will depend on the dynamics of economic, political, judicial, security and overall reforms, i.e. from the speed and degree in which society as a whole will be engaged and reformed. In the foreign policy context, a regular political dialogue between the CG and the EU plays a particularly important role, as well as the long-term harmonization of foreign policy with the EU's common foreign and security policy. NATO membership is the second strategic foreign policy goal that is equally important, which is realistically achievable in a shorter period of time stability and security required to achieve other strategic goals such as joining the EU. Expectations are that accession to this organization will accelerate EU membership. The integration of Montenegro into NATO is closely linked to EU integration, because it is about two parallel and compatible processes.

Montenegro's strategic integrative goals – joining the EU and NATO – cannot be achieved without an active role in regional cooperation, the development of good neighborly relations and policy-making in a regional context. With all the countries of Southeast Europe, the goal is to develop good relations and communication with mutual respect and constant construction of political, economic, security, cultural, scientific contacts and cooperation and extremely important infrastructural connection. With these countries, Montenegro does not only share the same geographical area, but also the same foreign policy objectives. So far, more than 150 countries have recognized Montenegro and diplomatic relations have been established as well, and a considerable number of embassies in

Podgorica have been opened, and the diplomatic and consular network of Montenegro in the world has been expanding. Strengthening economic cooperation with foreign partners through strengthening the economic dimension of diplomacy is one of the key activities on the international level. Strengthening bilateral relations at all levels creates favorable conditions for more content, richer and more intense communication with the diasporas.

In the context of strengthening bilateral relations, the priorities are: strengthening relations and cooperation with the EU's influential countries, as key partners in international organizations and on the international political scene, is an important factor for achieving Montenegro's foreign policy goals, as well as for its internal development. Overall cooperation with these countries through permanent bilateral contacts, but also through the processes of European and Euro-Atlantic integration, contributes to the economic and democratic progress of Montenegro and helps the dynamics of integration. Relations with the United States are of particular importance for Montenegro. Given that the United States is the most important ally in the North Atlantic Alliance and the inevitable partner of the EU, as well as the region, and have an extremely important role in all relevant international organizations, it is logical that Montenegro devotes a significant part of foreign policy to developing and strengthening partnership relations with the US. Historical and cultural relations strengthened by mutual understanding on the political plane, speak about the importance of constant improvement of cooperation between Montenegro and the Russian Federation. Strengthening further relations with Russia, in all areas at the bilateral level and within international organizations, contributes to the integration goals of Montenegro.

Foreign policy of Bosnia and Herzegovina. "The Constitution of Bosnia and Herzegovina lists exclusively institutional frameworks for conducting foreign policy, but it does not indicate certain priorities and directions of the country's participation in con-

temporary international relations. On the basis of the constitutional authority and in connection with the conduct of foreign policy, the members of the Presidency of Bosnia and Herzegovina in 2003 established "General directions and priorities for the implementation of BiH's foreign policy". This implies a lot of compliance with the generally accepted principles of international law and respect for concluded and ratified treaties. In this regard, it is stated that openness and equality, mutual respect for sovereignty and territorial integrity, principles of peaceful co-operation, constructive dialogue, the fight against terrorism and organized crime and respecting the basic principles of BiH's foreign policy. Starting from the principles already outlined, the Presidency Bosnia and Herzegovina precisely defined the priorities of the country's foreign policy. These are the preservation of the country's insecurity and territorial integrity, the implementation of the General Framework of the Peace Agreement in BiH, the accession of the country to the Euro-Atlantic integration processes, the country's participation in multilateral activities and the promotion of the state as a partner in international economic relations with the aim of achieving full membership in the World Trade Organization" (Đukanović, 2010: 301).

In creating foreign policy, the BiH Presidency has come from the fact that the world is affected by the process of globalization, which structurally changes international relations and calls for the resolution of burning issues at global and regional levels in order to comprehensively protect human rights, eliminate poverty, develop a global partnership for development, a firm commitment to the processes of integration and transition in the region of Southeast Europe in the political, economic and security sense. Bosnia and Herzegovina's foreign policy is aimed at improving and preserving lasting peace, security and stable democratic and overall state development, that is, inclusion in contemporary European, political, security integration flows. The priorities are as follows: 1. Preservation and protection of BiH's independence, sovereignty

and territorial integrity within internationally recognized borders, 2. Complete and consistent implementation of the General Peace Agreement, 3. Accession to Euro-Atlantic integration processes, 4. Participation of BiH in multilateral activities, especially as part of the UN system, the Council of Europe, the Organization for Security and Co-operation in Europe, etc. 5. Promote BiH as a partner in international economic relations and activities that will enable its admission to the World Trade Organization and other international organizations and associations.

On a bilateral level: Improving cooperation with neighboring countries, with member states of the Steering Board of the Peace Implementation Council, the United States, the Russian Federation, Great Britain, France, China and other members of the UN Security Council, EU Member States, member states of the Organization of the Islamic Conference and other countries that contribute to the renewal and development of Bosnia and Herzegovina. BiH will pledge to establish diplomatic relations with the countries with which they have not yet been established, with a special emphasis on bilateral relations with the countries of the region of Southeast Europe. Also, the need for achieving interstate agreements is emphasized, especially in the areas of economy and foreign investment. The main goals of the country's foreign policy are, as stated in the same document, the promotion of the economy, as well as the development of co-operation in the field of science, technology, culture, education and sports.

On the other hand, within the framework of multilateral forms of cooperation, it is insisting on strengthening the position of Bosnia and Herzegovina in the geo-strategic sense and its membership in European and Euro-Atlantic integrations. Although seven years have passed since the adoption of this document, due to numerous internal problems in the country, to significant progress in improving the country's foreign policy position. However, it is evident that there has been some progress in the process of joining the European Union, and in particular NATO. In

the meantime, BiH's relations with neighbors have consolidated, but also strengthened forms of multilateral regional cooperation. On the other hand, no progress has been made regarding the country's accession to the WTO, and there has been no improvement in bilateral relations with the leading countries of the world (USA, the Russian Federation and the People's Republic of China). The fact is that only citizens of BiH and Albania still have a rather rigorous Schengen visa regime. The two-entity BiH does not have a broader consensus on NATO membership, which is particularly noticeable in the Republika Srpska.

The international position of Northern Macedonia. In February 2019, Northern Macedonia officially proclaimed the current name internationally recognized. After declaring independence in late 1991, it was mainly focused on consolidating internal interethnic and political circumstances in the country. The 1991 Constitution of Macedonia, which was substantially amended by the amendments of the beginning of this decade, contains a chapter devoted to international relations in the Constitution of Macedonia, but it does not specify in detail the general direction of the country's foreign policy activities. In 2009, within the Ministry of Foreign Affairs of Macedonia, an internal document titled "Objectives and Priorities" was adopted internally. The document identifies the country's commitment to European and transatlantic integration. It was pointed out the necessity of completing the procedure regarding the acquisition of full membership in NATO, the start of negotiations on membership with the European Union, the abolition of visas for Macedonian citizens, the settlement of the name of the country with the southern neighbor – Greece, and the strengthening of economic and public diplomacy. (Nešković, 2016: 36).

As one of the leading priorities, strengthening the strategic partnership with the US is also developing a comprehensive partnership with the EU and NATO. At the same time, it is pointed out the necessity of cooperation with the Russian Federation and the People's Republic of China. The im-

portance of the development of good neighborly relations with the countries in the region was also emphasized. Therefore, the construction of security, stability and cooperation represents a very important activity in the foreign policy of Northern Macedonia, both bilaterally and on a multilateral basis, and therefore it will aim for more significant participation in all global and regional organizations. This also implies an international fight against global security challenges – terrorism, organized crime and corruption, and the like.

Promoting the economic potentials and possibilities of Northern Macedonia, preserving the sovereignty, stability and security of the state, as well as affirmation of the national cultural and spiritual identity, are also the foreign policy priorities of the country. The care for members of the Macedonian community outside the country of origin is, as stated in this document, one of the important goals of foreign policy. "Unlike other strategic foreign policy documents of the Western Balkans countries, the goals and priorities of the Republic of Macedonia's policy are the review of the attitude in relation to current international problems. This document therefore contains the views of the Ministry of Foreign Affairs of Northern Macedonia regarding the enlargement of the European Union, international terrorism, as well as the situation in Afghanistan, Pakistan, Iraq and Iran. At the same time, considerable attention is paid to the problems of Taiwan and the territorial integrity of the People's Republic of China, the nuclear weapons of North Korea, the development of the Middle East crisis and the situation in Sudan, the crisis in Georgia, or the postponement of the captured regions of Abkhazia and South Ossetia" (Đukanović, 2010: 308). In the past ten years, Northern Macedonia has managed to make some progress in terms of NATO membership and the abolition of visas for its citizens. It has done a lot in connection with strengthening the strategic partnership with the USA and intensifying good neighborly relations in Southeast Europe. Definitely in February 2019, the dispute with Greece over the name of Macedonia

ended, which greatly facilitates the normalization of the bilateral relations of these two countries, as well as the issue of the accelerated accession of this country to NATO and the European Union.

The concept of foreign policy of the Republic of Albania. In 2005, the Assembly of the Republic of Albania adopted the Program of the Government for the period from 2005 to 2009. Within this document it is emphasized that Albania's membership in the European Union and NATO are two of the most important foreign policy priorities, and that, In this regard, it is necessary for all stakeholders in the country to be involved in the realization of the stated goals. The government therefore committed itself to implement and coordinate internal reforms in order to successfully complete the European integration. It is said that Albania should lead a pragmatic and realistic foreign policy, and it is especially important to ensure the possibility of increasing the volume of foreign investment. In international organizations, whose member Albania is, it is necessary to promote a new image of the country. Particular importance will be given to cultural diplomacy and bilateral cooperation with all democratic countries of the world. And relations with the United States are of strategic importance to Albania in the fields of economy, security and democratic consolidation.

"It is also noted that Albania will promote peace and stability in the region of Southeast Europe through the strengthening of political, diplomatic and cultural cooperation, where the conclusion of bilateral agreements with the countries of South-Eastern Europe should also play a significant role. In this document, Albania's friendship with Turkey is particularly emphasized. One of the important goals is also the establishment of better bilateral relations with the EU member states, so Albania will seek to establish better relations with Germany, France and Great Britain, as well as with Austria. The development of Albania's economic and political relations with

Japan, India and Canada, as well as stronger economic and cultural cooperation with the People's Republic of China, is also listed as foreign policy priorities. Albania will best safeguard its national interests through membership in the North Atlantic Treaty Organization, It is highlighted in the Government's Program (2005-2009), but the country will actively engage in the work of regional security and defense forums – primarily within the framework of the Adriatic Charter Agreement and the South East Europe Co-operation Initiative for Southeast Europe – SEDM" (Đukanović, 2010: 309).

Like all the countries of the Western Balkans, Albania has managed to make significant steps in European integration. Also, the Stabilization and Association Agreement entered into force. But, despite all of this, Albanian citizens still cannot travel to EU countries without visas. The great success of Albania's foreign policy was achieved in 2009 by joining NATO, and the relations between this country and the United States are continually rising. When it comes to cooperation with the countries in the region, there is a certain relaxation in bilaterally relations with Serbia, which were burdened with the official Tirana's attitude towards the Kosovo crisis. With other Western Balkan and Southeast European countries, Albania has no open issues, which is also stated in the Government's program document.

Conclusions. The region of the Western Balkans represents a kind of ambience, characterized by a heavy century heritage, but also events from a close past. The security research of this region is very current, because due to modern challenges, risks and threats, it is difficult to predict potential consequences for the countries of this region. When looking at the position of the states in a conspicuous international relationship, the most important thing is that there is a certain predictability of their actions in the framework of the multi-lateral and multilateral relations at the regional and global level. That is why the adoption

of an external policy strategy is essential for defining the goals and tasks of the state's external action. The foreign policy strategy of the territories of the Western Balkans must be long-term or time-bound by the country's entry into wider integration. It is therefore important that the countries of this region define their own political strategy in relation to EU and NATO membership, and improve relations with neighbors, build a better relationship with the EU, and strengthen the role of these countries in international organizations. At the same time, most countries in the Western Balkans are also pushing for the promotion of their own economy and overall identity in the world.

Speaking about the military-political stabilization and security of the Western Balkans, a special challenge is the slowed European integration, the NATO enlargement process, the new positioning of Russia in the region and the new US concept in this part of the world. Although relevant international factors publicly emphasize the importance of co-operation and dialogue, their role in this region is very often contradictory and undefined. On the one hand, the European Union's firm resolve to strengthen its own security identity, on the one hand, increased the political and military autonomy of the United States against NATO, as well as the new need of the Russian Federation to position itself in the region. Conflicts and different perceptions regarding the resolution of important issues and problems in this part of Europe are very pronounced among them. It can be noted that in the short term, none of the relevant international actors wants a new civil conflict in this region, which characterized this area at the end of the 20th century, but nevertheless, there is the attitude of all of them about the need to retain international forces in this region.

References

Bzezinski, Z. (2011), *Great chess board*, CID, Podgorica, Montenegro.

Đukanović, D. (2009), *International Politics and International Relations*, Annual FPN, Faculty of Political Sciences, Belgrade, Serbia.

Đukanović, D. (2010), *Foreign Policy Orientation of the Western Balkan Countries: Comparative Analysis*, Annual FPN, Faculty of Political Science, Belgrade, Serbia.

Helcl, J. (2009), *European Security Policy in the Function of Strengthening the EU*, Belgrade, Military Work, Serbia.

Kissinger, H. (2003), *Does the US need foreign policy – to meet 21st century diplomacy*, BMG, Belgrade, Serbia.

Nešković, S. (2016), "Lobbying and action of interest groups in the European Union with special reference to Serbia – case study", *Proceedings no. 18. "Education and social development of Serbia with an emphasis on Bor and Eastern Serbia"*, Center for Strategic Research on National Security – CESNA, University of Belgrade, Belgrade, Serbia, 26-44.

Nešković, S., Ketić, S., Šećerov, P. and Đelić, T. A. (2018), "International Politics and Ecology: A Focus on Environmental Protection", *Frensenius Environmental Bulletin – FEB*, 27, 7545-7570.

Received 01 February 2021. Revised 07 March 2021. Accepted 11 March 2021.

Статья поступила в редакцию 01 февраля 2021 г. Поступила после доработки 7 марта 2021 г. Принята к печати 11 марта 2021 г.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Slobodan Neskovic, Academician PhD, Full Professor at the Faculty of Economics and Management of University Business Academy in Novi Sad, Visiting Professor at the Faculty of Political Sciences, Faculty of Security in Belgrade and other higher education institutions in Serbia; Visiting Professor at the Faculty of "St. Cyril and Methodius" Veliko Trnovo, Bulgaria and at the International University of Travnik, Bosnia and Herzegovina.

Anastazija Tanja Đelić, Associate Professor PhD, Union Nikola Tesla University Belgrade, Faculty of Law, Security and

Protection “Konstantin Veliki” of Niš, Republic of Serbia.

Нешкович Слободан, академик PhD, профессор факультета экономики и менеджмента Университетской академии бизнеса в Нови-Саде, приглашенный профессор факультета политических наук факультета

безопасности в Белграде и других высших учебных заведений Сербии; Приглашенный профессор факультета Святых Кирилла и Мефодия Велико-Трново, Болгария и Международного университета Травника, Босния и Герцеговина.

Джелич Анастасия Таня, PhD, доцент Университета «Никола Тесла», Белград, Факультета права, безопасности и защиты «Константин Велики», Ниш, Сербия.

УДК 316.344.2(470.319)

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-6

Оригинальная статья

Проказина Н. В.[✉]
Галаева Т. М.

**Бедность как объект социологического анализа:
теоретические подходы и эмпирические измерения**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Алтайский филиал
656008, Россия, Барнаул, ул. Партизанская, д. 187
nvprokazina@mail.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал
302028, Россия, Орел, б. Победы, 5а
roznihova97@bk.ru

Аннотация. Бедность как социальный феномен представляет интерес не только для исследователей – экономистов. Сегодня актуализируется интерес к анализу этого феномена с точки зрения социологического подхода, который позволяет обозначить многомерность подхода, обосновать целесообразность комплексного подхода к анализу, разработать стратегические подходы к преодолению бедности в современных условиях. Цель статьи: обосновать теоретические подходы к исследованию бедности с позиции социологического подхода и представить основные черты и характеристики бедности как объекта социологического анализа в региональном измерении. В основе представленных результатов лежат эмпирические данные авторских исследований, на основе которых охарактеризованы восприятие бедности различными слоями населения, основные характеристики бедных слоев населения, региональная специфика бедности в целом. Авторы обосновывают идею о том, что бедность – это сложное многомерное, многофакторное явление, которое требует для его снижения, а в идеале и устранения, четкой комплексной стратегии. Решение проблемы бедности невозможно при помощи только экономических мер или, напротив, социальных мер поддержки различным категориям населения.

Ключевые слова: бедность; депривация; абсолютный, относительный, субъективный подходы, субъективная оценка бедности

Информация для цитирования: Проказина Н. В., Галаева Т. М. Бедность как объект социологического анализа: теоретические подходы и эмпирические измерения // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 70-85. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-6

Natalya V. Prokazina^{ID}
Tatyana M. Galaeva**Poverty as an object of sociological analysis:
theoretical approaches and empirical measurements**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Altai Branch
656008, 187, Partizanskaya St., Barnaul, Altai Territory, Russia
nvprokazina@mail.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Central Russian Institute of Management (Branch)
302028, 5a, Pobedy Blvd., Orel, Russia
roznhova97@bk.ru

Abstract. Poverty as a social phenomenon is of interest not only to researchers – economists. Today, there is a growing interest in the analysis of this phenomenon from the point of view of a sociological approach, which makes it possible to designate the multidimensional approach, substantiate the expediency of an integrated approach to analysis, and develop strategic approaches to overcoming poverty in modern conditions. The purpose of the article: to substantiate theoretical approaches to the study of poverty from the perspective of a sociological approach and to present the main features and characteristics of poverty as an object of sociological analysis in the regional dimension. The presented results are based on the empirical data of the author's research, on the basis of which the perception of poverty by various strata of the population, the main characteristics of the poor, and the regional specificity of poverty in general are characterized. The authors substantiate the idea that poverty is a complex multidimensional, multifactorial phenomenon that requires a clear comprehensive strategy to reduce it, and ideally eliminate it. The solution to the problem of poverty is impossible with the help of only economic measures or, on the contrary, social support measures for various categories of the population.

Key words: poverty; deprivation; absolute, relative, subjective approaches, subjective assessment of poverty

Information for citation: Prokazina N. V., Galaeva T. M. (2021), "Poverty as an object of sociological analysis: theoretical approaches and empirical measurements", Research Result. Sociology and management, 7 (1), 70-85, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-6

Введение (Introduction). На протяжении многих лет существовали различные представления о понятии «бедность» и неоднозначное отношение к этому феномену. Но, несмотря на это, многие исследователи склонны полагать, что бедность – исторически сложившееся социально-экономическое явление, имеющее сложную структуру и различные формы проявления.

Бедность выступает не только предметом интереса исследователей, но и является

чрезвычайно важной проблемой государственного масштаба.

В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 одной из национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации на период до 2024 года определено снижение уровня бедности в два раза. Это означает, что в 2024 году уровень бедности должен быть снижен с 13,2%, как это было в 2017 году, до 6,6%. За 6 лет численность населения с доходами

ниже прожиточного минимума должна сократиться на 9,6 млн. человек. Однако, такая сложная задача пока еще не нашла своего эффективного решения.

Бедность следует рассматривать как опасный фактор и угрозу социальной стабильности общества. Поэтому актуальность этой проблемы в ситуации усугубляющегося неравенства, являющегося следствием пандемии, не только не снижается, а напротив, существенно усиливается.

Исследую историю социологической мысли, можно отметить, что изучение проблемы бедности было актуальным и соответствовало особенностям определенного этапа развития общества.

Впервые изучение проблемы бедности было рассмотрено в XVIII в. с позиции социал-дарвинистского и социал-уравнительного подходов. Представители социал-дарвинистского направления (А. Смит, Г. Спенсер, Т. Мальтус, Ф. Гиддингс, Д. Рикардо, Ж. Прудон) рассматривали бедность как положительное явление,участвующее в развитии экономики.

Приверженцы социал-уравнительного подхода (К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Реклю), напротив, причисляли бедность к ненормальному явлению, с которым необходимо бороться. Сторонники данной теории рассматривали преодоление бедности с помощью революционных переворотов. В частности, Э. Реклю полагал, что сократить уровень бедности возможно путем равномерного распределения продуктов промышленности земледелия между всеми слоями населения.

Исследователями XX в. были обнаружены новые качественные изменения в феномене бедности. Эти изменения и подтолкнули социологов к поиску новых концептуальных подходов, раскрывающих представления о данном явлении.

В стратификационном подходе к исследованию неравенства П. Сорокин отмечал: «что в обществе возможны не только построения иерархии социальных групп, но и выделение определенного числа социальных пластов» (Сорокин, 2017: 302). Отличительной чертой данного подхода выступает деле-

ние общества на высшие, средние и низшие слои населения. Среди современных представителей стратификационного подхода можно отметить М. К. Горшкова и Н. Е. Тихонову.

Бедность причисляют к эволюционирующей категории, так как происходило обогащение, дополнение и уточнение классических социологических подходов новыми идеями и концептами.

Актуальность исследования проблематики бедности на примере Орловской области состоит в том, что сегодня регион находится на 70-м месте по материально-имущественному положению его населения, поэтому считаем, что результаты эмпирических исследований позволят в целом выявить наиболее проблемные места и общие характеристики бедности как объекта социологического анализа.

Методология и методы (Methodology and methods). Востребованными теоретическими подходами к анализу бедности остаются парадигмы исследования социальной структуры общества. Для более полного понимания бедности как объекта социологического анализа целесообразно использовать и концептуальные подходы к «определению феномена бедности (Махиянова, Хузиева, 2017: 21):

1) Индивидуальный детерминизм – концепция, согласно которой причины возникновения бедности находятся в самих бедных, для которых характерны такие качества, как лень, нерациональное потребление» и иждивенческие установки.

2) Социальный детерминизм – подход, который представляет бедность как естественное следствие развития капиталистических отношений, в которых прослеживается заинтересованность материально-обеспеченных социальных групп в сохранении бедности.

3) Индивидуальное конструирование бедности – концепция, в основе которой лежат представления об увеличении уровня индивидуализации граждан, повышении их уровня автономии на фоне снижения регулирующей, интегрирующей и контролирую-

ющей деятельности социальных институтов. В условиях динамичных постоянных изменений, характерных для современного общества, наиболее автономизированные граждане, вышедшие из-под влияния социальных институтов и неуспевающие адаптироваться к переменам, представляют собой потенциальную группу бедных.

4) Социальное конструирование бедности (концепция социального исключения) – социологическое объяснение бедности посредством множественности негативных

проблем. Согласно концепции исключения такие меры борьбы с бедностью, как социальные трансферты способствуют повышению уровня потребления малоимущих слоев населения, но не их жизненных шансов.

Стоит отметить, что в мировой науке помимо общетеоретических подходов к измерению уровня бедности существует три подхода к определению того, кого считать бедными (см. рис. 1) (Рожнова, 2018: 302-305):

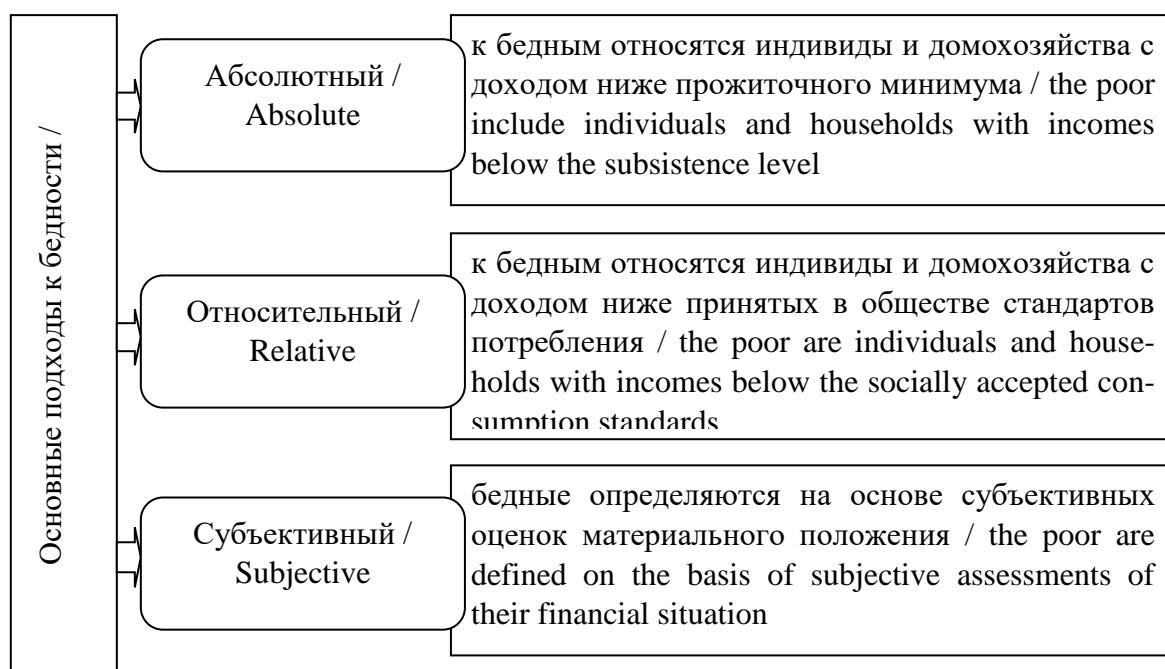

Рис. 1. Классификация основных теоретических подходов к определению феномена бедности
Fig. 1. Classification of the main theoretical approaches to defining the phenomenon of poverty

Рассмотрим более подробно каждый из указанных подходов.

Концепция абсолютной бедности получила свое развитие в научных трудах английских социологов С. Раунтри и Ч. Бута. Авторы данного подхода рассматривали бедность с помощью количественных показателей (измеряли ее числом людей или домохозяйств) (Рожнова, 2017: 101-102).

Абсолютный подход к определению бедности тесно связан с понятием *черта бедности*, устанавливающей уровень располагаемого дохода, валового дохода или потребления, ниже которой индивид или

все домохозяйство признается бедным. Стоит отметить, что пороговое значение или черта бедности представляет собой набор необходимых потребностей и услуг для поддержания жизнедеятельности индивида.

В абсолютном подходе основным критерием измерения уровня бедности выступает показатель величины прожиточного минимума. Данный показатель представляет собой сумму материальных средств, гарантирующую приобретение минимальных товаров и услуг (Бобков, 2005: 22).

Рост жизненных стандартов, а также расширение доступных благ и услуг социально-уязвимым группам привели к сложностям исчисления минимальной потребительской корзины. Именно поэтому возник новый *относительный подход* к бедности, основателем которого стал английский социолог П. Таунсенд. Автор рассматривает бедность как положение индивида с низким уровнем дохода, для которого не характерен признанный и преобладающий стандарт потребления в сообществе, в котором он проживает (Сидорова, 2018: 53-54).

Рассматривая бедность с точки зрения относительного подхода, П. Таунсенд предложил концепцию относительной депривации (Кошарная, Каримова, 2013: 134). По мнению социолога, граждане, не способные поддержать нормальную жизнедеятельность в определенном обществе, относительно депривированы. Таким образом, П. Таунсенд уделил внимание не только количественной стороне бедности, но и качественной.

Используя депривационный подход, Н. М. Давыдова выделяет количественную и качественную стороны депривации. Качественное направление включает в себя четыре ступени (Давыдова, 2003: 94):

- нищета (недоедание, недостаток денег на необходимые товары длительного пользования, одежду);
- острая нуждаемость, или бедность (некачественное питание, изношенная одежда и обувь, старый мебельный гарнитур, отсутствие необходимых медикаментозных препаратов);
- стесненность, или малообеспеченность (отказ в выборе любимых деликатесов и платных услуг, некачественный досуг);
- близкие к средним жизненные стандарты (необеспеченность социальной нормой жилья, экономия на товарах длительного пользования, платных образовательных, рекреационных услугах).

Необходимо подчеркнуть, что П. Таунсендом была разработана система индексов и показателей, позволяющая оценить феномен бедности математически (Кошарная, Каримова, 2013: 135). При разработке индексов депривации социолог брал во внимание такие потребности индивида, как наличие жилья, качество питания, состояние одежды и обуви, доступ к платным услугам и т.д.

Индекс уровня жизни разрабатывали и специалисты Института социологии РАН: Н. М. Давыдова, И. П. Попова, Н. Е. Тихонова. Исследователями была «предпринята попытка создания вертикальной модели стратификации российского общества, дающая представление не только об имеющихся у индивида ресурсах, но и его ограничениях» (Тихонова, Давыдова, Попова, 2004: 112).

В дальнейшем исследователями был предложен *субъективный подход*. Отличительной особенностью субъективной концепции выступает ее дифференцированность, т.е. способность учета удовлетворенности доступным для людей уровнем жизни, а также их депривированности. Авторами также был предложен комплексный подход к анализу бедности, что позволило более четко классифицировать причины и факторы возникновения бедности на региональном уровне (Проказина, Рожнова, 2018: 30).

Таким образом, каждому теоретическому подходу присущи свои недостатки. Концепция абсолютной бедности опирается на оценку доходов и не принимает во внимание другие не менее важные категории. Можно предположить, что абсолютный подход к бедности описывает специфические черты группы бедных «по доходам», относительный подход – бедных «по лишениям», а субъективный – бедных на основе собственных оценок своего материального положения. Более подробный анализ концептуальных подходов к феномену бедности представлен в Таблице 1 (Абрамова, 2015: 21):

Таблица 1

Сравнительный анализ теоретических подходов измерения уровня бедности

Table 1

Comparative analysis of theoretical approaches to measuring poverty

	Абсолютный / Absolute	Относительный / Relative	Субъективный / Subjective
Содержание подхода / Content of the approach	Установление абсолютной черты бедности основано на величине прожиточного минимума, бедными признаются граждане с доходами ниже этой величины / The establishment of an absolute poverty line is based on the size of the subsistence minimum; citizens with incomes below this value are recognized as poor	Бедными являются граждане (семьи) с недостаточными ресурсами для обеспечения питания, условий жизни, являющихся общепринятыми в обществе. Предполагает определение черты бедности на основе монетарного и немонетарного подходов / Poor people are citizens (families) with insufficient resources to provide food, living conditions that are generally accepted in society. Assumes the definition of the poverty line based on monetary and non-monetary approaches	Определение субъективной линии бедности основано на оценках респондентов собственного материального состояния, их возможностей платить за жилье, жить без долгов. Предполагает установление линии бедности на основе монетарного и немонетарного подходов / Determination of the subjective poverty line is based on the respondents' assessments of their own material condition, their ability to pay for housing, and live without debts. Assumes the establishment of a poverty line based on monetary and non-monetary approaches
Плюсы / Dionity	1. Относительная простота расчетов. 2. Эффективность применения в регулировании программ социальной помощи, адресованных бедному населению / 1. Relative simplicity of calculations. 2. Effectiveness of application in regulation of social assistance programs addressed to the poor population	Оценка более высокого стандарта бедности, учитывающего не только удовлетворение физических потребностей, но и степень включенности в жизнь общества / Assessment of a higher standard of poverty, taking into account not only satisfaction of physical needs, but also the degree of inclusion in the life of society	Представляет собой важный показатель для регулирования программ социальной помощи бедному населению, поскольку субъективная линия бедности выступает результатом мнения населения / It is an important indicator for the regulation of social assistance programs for the poor, since the subjective poverty line is the result of the opinion of the population

Недостатки / Disadvantages	<p>1. Не учитывает мнение бедного населения, поскольку список базовых потребностей устанавливается политиками или статистиками.</p> <p>2. Подразумевает существенное отличие условий жизни отдельного гражданина (семьи) от общепринятых стандартов в данном государстве, что не позволяет индивидам полноценно принимать участие в общественной жизни /</p> <p>1. Does not take into account the opinion of the poor, since the list of basic needs is set by politicians or statisticians.</p> <p>2. It implies a significant difference in the living conditions of an individual citizen (family) from generally accepted standards in a given state, which does not allow individuals to fully participate in public life</p>	<p>На практике относительную черту бедности на основе создания списка лишений экспертыным путем или путем проведения опросов населения сложно установить / In practice, it is difficult to establish the relative poverty line based on the creation of a list of deprivations by experts or through surveys of the population.</p>	<p>1. Трудности, обусловленные определением объема и структуры выборки опрашиваемого населения.</p> <p>2. Наличие значительной степени частоты отказов отвечать на вопросы о своих доходах у населения /</p> <p>1. Difficulties associated with determining the size and structure of the sample of the surveyed population.</p> <p>2. The presence of a significant degree of frequency of refusals to answer questions about their incomes among the population.</p>
-----------------------------------	--	---	--

Таким образом, анализируя теоретические подходы к определению феномена бедности можно определить контуры и особенности данного явления.

Социологический подход к исследованию бедности предполагает и выделение категорий, составляющих профиль бедности. Так, по мнению И. Б. Колмаковой, ядро малоимущих граждан составляют такие социально-профессиональные группы, как пенсионеры, безработные, частично заня-

тые, многодетные семьи, маргиналы, мигранты и беженцы (Колмакова, 2005: 44-45).

По мнению Н. М. Давыдовой, основную категорию малоимущих граждан составляют безработные «семьи, среди которых можно выделить три группы бедных:

- 1) безработные с безработным главой семьи;
- 2) неполные семьи безработных;
- 3) многодетные семьи безработных» (Богданова, Родионова, 2015: 67-68).

Также стоит отметить, что к социально уязвимым группам могут относиться и такие категории граждан, как родители-одиночки, инвалиды, пенсионеры, молодежь, не имеющая опыта работы, безработные с низкими пособиями, жители сельской местности и бывшие преступники.

«Качественными характеристиками бедности населения являются (Сергиенко, 2014: 52-54):

- во-первых, пребывание в состояние бедности, ее формы, отражающие социальное положение субъекта»;
- во-вторых, проявление бедности, определяющие социальную активность субъекта;
- в-третьих, каналы формирования бедности;
- в-четвертых, статус и другие качественные характеристики территориальной общности как места формирования и преодоления бедности.

Таким образом, анализируя теоретические подходы к исследованию феномена бедности, можно отметить, что к основному критерию бедности авторы причисляли отсутствие или недостаток средств для удовлетворения минимальных потребностей индивида. Однако в настоящее время проблема бедности – это многостороннее социально-экономическое явление, включающее невозможность удовлетворения не только базовых потребностей индивида. В своей структуре бедность имеет различные формы и степени проявления, а также является следствием разнообразных причин.

Результаты эмпирических измерений феномена бедности сформулированы на основе результатов исследований, проведенных при непосредственном участии авторов в регионе (Орловской области).

- данные авторского исследования на тему: «Феномен бедности в современном российском обществе». Метод: анкетирование (май 2018 г., n= 400 жителей города Орла, с доверительной вероятностью 0,95 и предельной ошибкой равной 5%, выборка репрезентативна по полу, возрасту, месту

проживания) (Меркулов, Проказина, 2019: 27-37);

- данные исследования социологической лаборатории кафедры социологии и информационных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС по теме: «Мониторинг уровня бедности в регионе (Орловская область)». Метод: анкетирование (23 сентября – 10 октября 2019 г., n= 400 домохозяйств Орловской области, определялась с доверительной вероятностью 0,95 и предельной ошибкой равной 5% выборка репрезентативна по полу, возрасту, типу поселения) (Меркулов, Проказина, Галаева, 2020: 5-58);

- данные исследования социологической лаборатории кафедры социологии и информационных технологий Среднерусского института управления по теме: «Стратегия преодоления бедности в современных российских условиях». Метод: глубинное интервью. (май – июнь 2019 г., n=12 домохозяйств Орловской области, стоящих на учете Службы социальной защиты) (Меркулов, Проказина, 2019: 38-62)

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Проблема бедности в восприятии различных слоев населения.

Согласно результатам количественного исследования, проведенного в одном из городов России (г. Орел) по репрезентативной выборке, абсолютное большинство опрошенных (80,3%) признают высокий уровень бедности в России.

Большинство жителей региона (66%) отмечают средний уровень риска попадания семьи в группу бедных. При этом четверть опрошенных (25,8%) склонны полагать, что живут на грани бедности. Уверенностью в безбедной жизни обладают лишь 4% респондентов.

При ухудшении материального положения семьи, жители региона предпочтут использовать наиболее конструктивные стратегии:

- станут искать дополнительный заработок (58,2%);

- постараются перейти на высокооплачиваемую работу (32,2%);
- будут добывать деньги любым путем (25,8%);
- активизируют приусадебный участок (17,2%).

Однако около 10% опрошенных не знают, как поступят в случае ухудшения материального положения семьи. При этом для 8,5% респондентов в случае ухудшения материального положения характерны протестные настроения против действия властей.

Бедность в представлении горожан – это, прежде всего, низкий уровень финансового обеспечения (75%). Для трети опрошенных (32,2%) – чрезмерное возникновение трудностей и испытаний, которые необходимо преодолевать. Для 28% – дискомфорт, а для четверти (25%) – когда страшно жить. Однако каждый десятый респондент (10,8%) уверен, что бедность – это положение, в которое попадает человек по своей вине.

В общественном сознании жителей региона бедность вызвана, в первую очередь, низкими заработными платами и пенсиями (85,5%). Обуславливают возникновения бедности, по мнению жителей региона, такие факторы, как высокие цены и налоги (52,2%), безработица (43,8%), коррупция (30,2%) и социальное неравенство (27,8%). Провоцируют появлению бедных семей и такие причины, как безынициативность (8,8%), лень (8,5%), а также алкоголизм и наркомания (8,2%) (рис. 2).

Субъективное представление горожан о границе бедности значительно выше официально установленной. Так, к разряду бедных жители региона причисляют семьи, имеющие доход в среднем не менее 22 563,51 руб. на одного члена семьи. Официально же установленная черта бедности для трудоспособного населения в VI квартале 2019 года была установлена в размере 10 527 рублей.

Результаты исследования показали, что абсолютное большинство опрошенных (90%) отмечают неэффективность политики государства по снижению уровня бедности. Неэффективными, по мнению жителей региона, являются и меры преодоления бедности в России. Тем не менее, субъективная оценка респондентов о предоставляемых мерах позволяет сделать следующие выводы. Наивысшей эффективностью, по мнению респондентов, обладает мера повышения адресности оказания материальной помощи только реально нуждающимся (среднее значение 2,02%). На втором месте – увеличение социальных пособий для всех льготных категорий граждан (среднее значение 1,97%), на третьем – создание специализированных государственных благотворительных фондов (среднее значение 1,85%). Мера повышение размера пенсий занимает последнее (седьмое) место (среднее значение 1,77%).

Таким образом, субъективная оценка респондентов отражает неэффективность используемых мер по снижению бедности населения.

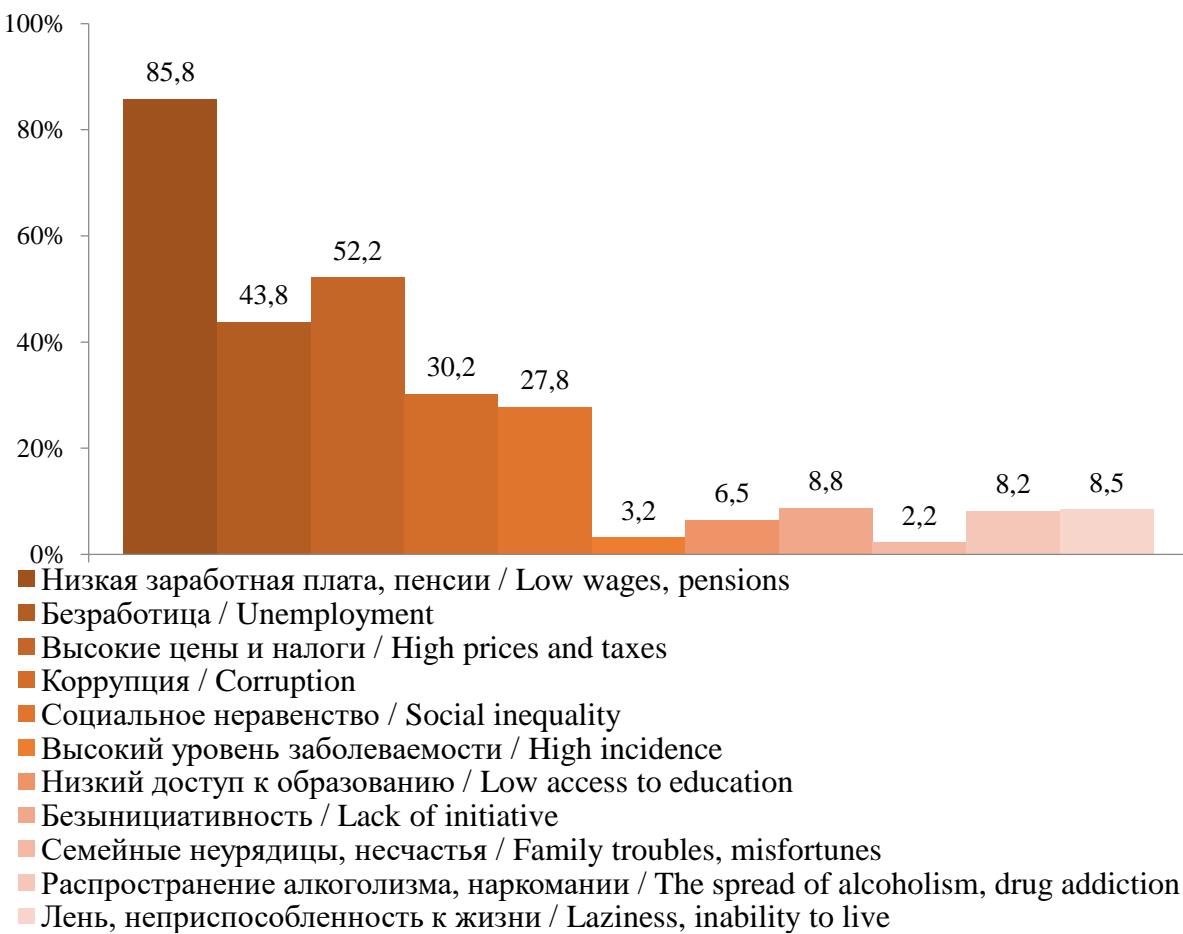

Рис. 2. Основные причины бедности в России, по мнению респондентов
(закрытый вопрос, не более 3-х ответов, %)

Fig. 2. Main causes of poverty in Russia, according to respondents
(closed question, no more than 3 answers, %)

Бедные жители российского региона: кто они и как живут?

Согласно результатам количественного исследования, практически отсутствует (0,8%) население, имеющее по субъективным оценкам «очень хорошее материальное положение». Невелик процент семей и с хорошим положением (7,3%). Напротив, каждый четвертый (25,5%) житель города Орла считает положение своей семьи, скорее, плохим. Усугубляет негативную картину тот факт, что «плохой» материальной ситуацией своей семьи считает каждый четвертый житель региона (19,3%). К категории «со средним материальным положением» причисляют

себя, по субъективной оценке, 46% опрошенных.

Неблагополучное материальное положение жителей региона подтверждает и тот факт, что более половины опрошенных (52,3%) указывают, что за последний год их положение ухудшилось: 30% – материальное положение, скорее, ухудшилось, 22,3% – ухудшилось. При этом максимальная доля тех, чье положение за последний год, по их самооценке, ухудшилось, наблюдается как в старших, так и в средних возрастных когортах (33,7% в возрасте от 55 (60) лет и старше, 28,1% – от 30 до 44 лет).

Социологический анализ данных показал, что в стесненных материальных

условиях более 10 лет проживает каждый пятый опрошенный (19%). Для 17,6% населения города Орла стесненные условия характерны в течение последних 3-х месяцев, а 15,4% опрошенных столкнулись с такой ситуацией несколько недель назад. Затруднительное материальное положение от 3-х до 5 лет отмечают 15,2% респондентов, а от года до 2-х лет – 11%.

Основными факторами, препятствующими преодолению трудной жизненной ситуации, по мнению опрошенных, выступают:

- рост цен на товары первой необходимости, опережающий рост заработных плат (65,8%),
- отсутствие в регионе высокооплачиваемой работы (47,4%),
- маленькие пенсии (43,3%),
- недостаточное внимание со стороны государства (35,8%).

Треть опрошенных (30%), недавно столкнувшихся с трудной жизненной ситуацией, указывают на коронавирусную инфекцию. Каждый пятый житель города

Орла отмечает маленькие социальные пособия (22,3%) и неэффективность деятельности общественных организаций, направленной на снижение уровня бедности (20,4%).

Причисляют себя и свою семью к группе бедных чуть более половины опрошенных (51,6%). Причем две трети (58,2%) из них отмечают, что бедность в их семье проявляется в некачественном питании и недостатке товаров первой необходимости, а 23,1% опрошенных говорят о недоедании и недостатке денег в семье на товары длительного пользования. О том, что их семья не обеспечена социальной нормой жилья, считают 13% населения. Интересным остается и тот факт, что более половины семей (51,5%) причисляющих себя к группе бедных, не принадлежат к категории граждан, получающих меры социальной поддержки, а каждый пятый (20,9%) житель региона не имеет представления о том, положены его семье выплаты или нет.

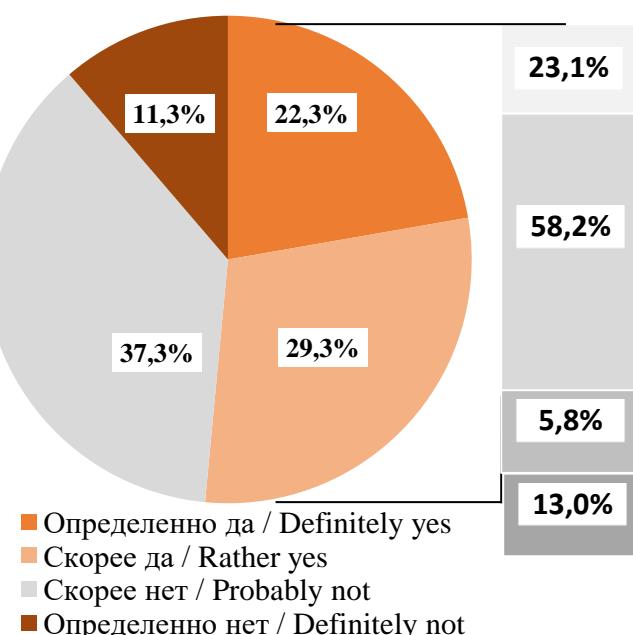

Рис. 3 Ощущение бедности и способы ее проявления (закрытые вопросы, один ответ, %)
Fig. 3 Feeling of poverty and ways of its manifestation (closed questions, one answer, %)

Согласно результатам исследования, ежемесячный собственный уровень дохода бедных слоев населения в среднем составляет 12 476 рублей (среди остального населения – 24 784 рубля). Исходя из того, что собственные доходы бедных слоев населения достаточно скромны, они чаще всего сталкиваются с экономическими трудностями. Во многих бедных семьях основными экономическими причинами считают рост цен, опережающий уровень заработных плат (67,6%), безработица (46,1%), маленькие пенсии (39,7%) и низкие пособия (24%). Причину бедности респонденты видят и в мерах государственной политики, не решающих проблему бедности (40,7%), а также в плохом физическом здоровье членов семьи (20,6%).

Что же касается жилищных условий малоимущих орловчан, то чуть более трети (37,9%) имеют отдельную квартиру, а еще треть (30,1%) – собственный дом. Не имеет собственного отдельного жилья каждый десятый опрошенный.

Тем не менее, несмотря на определенные трудности, для 26,7% малоимущих

семей характерно умеренно-оптимальное настроение, отражающее надежду в будущее. Однако треть бедных орловских семей (27,7%) охватывает чувство тревоги, а каждый четвертый (24,3%) выражает страх и отчаяние. Состояние апатии характерно для 13,1% опрошенных (см. рис. 4).

Свою лепту в снижение уровня жизни населения вносит и социально-демографическая ситуация семьи. Так, на риск попадания в зону бедности огромное влияние оказывает не только индивидуальное состояние человека, но и характеристика, полностью отражающая положение его семьи. Результаты исследования показывают: бедные жители региона – это полные семьи с одним-двумя детьми (33,5%). Причисляет себя к группе бедных и значительное число одиноких мужчин/женщин (16%). Высокий процент нуждающихся составляют многопоколенные (11,7%) и многодетные (9,2%) семьи региона. Также в группе риска находятся не только семьи с высокой иждивенческой нагрузкой (7,8%), но и только сформировавшиеся ячейки общества (7,2%).

Рис. 4. Социально-психологическое настроение бедных семей
(закрытые вопросы, один ответ, %)

Fig. 4. Socio-psychological mood of poor families (closed questions, one answer, %)

Результаты проведенного глубинного интервью позволили расширить и уточ-

нить основные характеристики субъективных представлений о бедности, выявлен-

ные в результате количественных исследований.

По результатам глубинного интервью было выявлено, что бедные семьи Орловской области – это домохозяйства с большой иждивенческой нагрузкой, у которых недостаточно ресурсов для обеспечения нормальной жизни. В неполных семьях или семьях одиноких матерей, имеющих детей, как правило, глава семьи не имеет востребованной и высокооплачиваемой работы, а маленькие социальные пособия не позволяют удовлетворить базовые потребности семьи. Вот как описывает свою ситуацию одна из женщин: « ... я получаю на ребенка 18 000 рублей. Мне этого не хватит, чтобы одеть и обуть в школу. К тому же (...) там и книжки, тетрадки нужны (...) все нужно» (одинокая мать с тремя детьми, 26 лет, среднее специальное образование); «... ребенку, вот, платят 280 рублей (детские). Все (...) больше никакого дохода у нас нет. (...) Поэтому у нас долги, кредит...» (одинокая мать, 28 лет, начальное профессиональное образование). Плохо обстоят дела и у семей с ограниченными возможностями по состоянию здоровья: «Мы живем вдвоем с мужем. Он является инвалидом. Три года лежит и не встает. Я на пенсии. Больше никакого дополнительного дохода у меня нет. Бывает даже лекарства купить не за что...». (пенсионерка, 54 года).

В регионе также плохо обстоят дела и с возможностью нормального трудоустройства: «...я и сын не можем найти работу поближе к дому» (одинокая мать, среднее специальное образование).

Низкая заработная плата, маленькие размер льгот и пособий, приводит значительное число бедных семей к поиску нерегулярного дополнительно заработка. Вот как описывает возможности дополнительного заработка одна из женщин: «Время от времени муж таксует, где я яичко продам ... где-то родственники помогут, где что...» (женщина, 32 года, среднее специальное образование, многодетная семья). Таким образом, для части малоимущих се-

мей характерен как случайный заработок, так и дополнительная помощь со стороны близких.

Результаты качественного исследования показали, что не однородные причины бедности влекут за собой разнообразные последствия, поэтому для необходимо учитывать не только специфику расходов бедных домохозяйств, но и располагаемых ими ресурсов. Очевидно, что доходы малоимущих семей предопределяют не только их образ жизни, но и расходы. Невозможность использования бедными слоями населения платных услуг негативно оказывается на состоянии их здоровья, питания и образовании: «*Наши дети не смогут получить хорошее образование, так как нет никаких возможностей нанять ребенку репетитора (...)*» (женщина, 44 года, средне специальное образование, многодетная семья).

Заключение (Conclusions). Исходя из полученных данных, очевидно, что малообеспеченные семьи не в силах самостоятельно справиться с возникшими материальными трудностями и самостоятельно перейти в более благополучные слои населения без поддержки государства. Низкие доходы, невозможность быстрой смены работы для малоимущих слоев населения – это ключевые проблемы, не дающие им возможности побороть порочный круг бедности

Анализ бедности с позиции многомерного социологического подхода показал, что причины и факторы возникновения бедности имеют общую институциональную природу и тесно взаимосвязаны между собой. Неэффективность законодательства в социальной сфере, коэффициент семейной нагрузки, высокий уровень бедности трудоспособного населения, низкие пособия – эти и многие другие проблемы региона оказывают огромное влияние на уровень бедности.

Обозначенные представления о бедности непосредственно связаны с концепцией «социологической культуры государственных гражданских служащих» (Проказина, 2011: 103-107; Пашин, Проказина,

2012: 62-67), подчеркивающей значимость понимания происходящих процессов и оценки явлений как комплексных сложных многомерных социальных феноменов, которые необходимо учитывать для разработки стратегий преодоления бедности. Решение проблемы бедности невозможно при помощи только экономических мер или, напротив, социальных мер поддержки различным категориям населения. Бедность – это сложное многомерное, многофакторное явление, которое требует для его снижения, а в идеале и устранения, четкой комплексной стратегии.

Список литературы

Абрамова О. С. Формирование региональной политики преодоления бедности населения в современных условиях: дис. канд. ... экон. наук. Самара, 2015. 181 с.

Бобков В. Н. Проблемы оценки уровня жизни населения в современной России. М.: Всерос. центр уровня жизни, 2005. 258 с.

Богданов И. Я. Измерение и эволюция бедности в современной России // Вестник Саратовского государственного экономического университета. 2015. № 3 (125). С. 27-43.

Богданова В. П., Родионова С. Д. Факторы российской бедности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1.

Давыдова Н. М. «Депривационный подход в оценках бедности // Социс. 2003. № 6. С. 88-96.

Колмакова И. Б. Методы и модели прогнозирования показателей уровня бедности // Вопросы статистики. 2005. № 9. С. 44-45.

Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф. Основные подходы к измерению уровня бедности в современной России // Общественные науки. Социология. 2013. № 3. С. 132-139.

Махиянова А. В., Хузиева Э. Ф. Причины бедности: теоретико-методологический анализ к социальному портрету // Электронный экономический вестник Татарстана. 2017. № 4. С. 19-24.

Меркулов П. А., Проказина Н. В. Информационный бюллетень социологической лаборатории. Научное издание. Выпуск 4. Часть 1. Бедность в регионе (Орловская область). Результаты социологических исследований 2018 и 2019 года. Орел: Издательство Среднерусского

института управления – филиала РАНХиГС, 2019. 64 с.

Меркулов П. А., Проказина Н. В., Галаева Т. М. Информационный бюллетень социологической лаборатории. Научное издание. Выпуск 4. Часть 2. Бедность в регионе (Орловская область). Результаты социологических исследований 2019 года. Орел: Издательство Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2020. 166 с.

Овчарова Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009. 257 с.

Пашин Л. А., Проказина Н. В. Социологическая культура государственных гражданских служащих как условие информационно-аналитического обеспечения управленческой деятельности // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 4-2 (26). С. 62-67.

Проказина Н. В. Социологическая культура. К вопросу о содержании и интерпретации понятия // Социологические исследования. 2011. № 3 (323). С. 103-107.

Проказина Н. В., Рожнова Т. М. Бедность в региональном общественном измерении: причины и факторы возникновения // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 28-37.

Рожнова Т. М. Бедность как социальное явление // Трансформация современного общества: вызовы и перспективы: социологический альманах. Материалы VIII Орловских социологических чтений 2017. (Орёл, 09-11 декабря 2016 г.). Орёл: Изд-во СИУ РАНХиГС, 2017. С. 101-102.

Рожнова Т. М. Феномен бедности в современном российском обществе // Социальные практики и управление: материалы науч.-практ. конф. с международным участием (Новосибирск, 24 ноября 2018 г.). Новосибирск: НГУЭУ, 2018. С. 302-305.

Сенчагов В. К. Экономическая безопасность России. Общий курс. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015.

Сергиенко А. М. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления: коллективная монография. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 330 с.

Сидорова Н. П. Бедность населения как социальная реальность современного общества: основные подходы к оценке // Социальные

процессы общества в социологическом измерении. 2018. № 2 (83). С. 53-58.

Тихонова Н. Е., Давыдова Н. М., Попова И. П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 120-130.

References

- Abramova, O. S. (2015), "The formation of the regional policy of poverty alleviation of the population in modern conditions", Ph.D. Thesis, Samara, Russia. (In Russian)
- Bobkov, V. N. (2005), *Problems of assessing the standard of living of the population in modern Russia*, Vseros. centr urovnya zhizni, Moscow, Russia. (In Russian)
- Bogdanov, I. Ya. (2015), "Measurement and evolution of poverty in modern Russia", *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, (3), 27-43. (In Russian)
- Bogdanova, V. P. (2015), "Factors of poverty in Russia", *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, (1). (In Russian)
- Davydova, N. M. (2003), "The deprivation approach in poverty assessments", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (6), 88-96. (In Russian)
- Kolmakova, I. B. (2005), "Methods and models for predicting poverty indicators", *Voprosy statistiki*, (9), 44-45. (In Russian)
- Kosharnaya, G. B., and Karimova, L. F. (2013), "Main approaches to measuring the level of poverty in modern Russia", *Obshhestvennye nauki. Sotsiologiya*, (3), 132-139. (In Russian)
- Makhiyanova, A. V., and Khuzieva, Je. F. (2017), "Causes of poverty: theoretical and methodological analysis of the social portrait", *Elektronnyj ekonomicheskiy vestnik Tatarstana*, (4), 19-24. (In Russian)
- Merkulov, P. A., and Prokazina, N. V. (2019), *Newsletter of the sociological laboratory*, Scientific publication, Issue 4, Part 1, Poverty in the region (Oryol region), Results of sociological research in 2018 and 2019, Izdatel'stvo Sredne-russkogo instituta upravlenija – filiala RANHiGS, Orel, Russia. (In Russian)
- Merkulov, P. A., Prokazina, N. V., and Galaeva, T. M. (2020), *Newsletter of the sociological laboratory*, Scientific publication, Issue 4, Part 2, Poverty in the region (Oryol region), Results of sociological research in 2019, Izdatel'stvo Sredne-russkogo instituta upravlenija – filiala RANHiGS, Orel, Russia. (In Russian)
- Ovcharova, L. N. (2009), *Theoretical and practical approaches to assessing the level, profile and factors of poverty: Russian and international experience*, M-Studio, Moscow, Russia. (In Russian)
- Pashin, L. A., and Prokazina, N. V. (2012), "Sociological culture of civil servants as a condition for information and analytical support of management activities", *Srednerusskiy vestnik obshhestvennyh nauk*, (4-2), 62-67. (In Russian)
- Prokazina, N. V. (2011), "Sociological culture. To the question of the content and interpretation of the concept", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (3), 103-107. (In Russian)
- Prokazina, N. V., and Rozhnova, T. M. (2018), "Poverty in the regional social dimension: its causes and factors", *Research Result. Sociology and management*, 4 (4), 28-37. (In Russian)
- Rozhnova, T. M. (2017), "Poverty as a social phenomenon", *Transformation of modern society: challenges and prospects: sociological almanac. Materials of the VIII Oryol sociological readings*, Oryol, Russia, 101-102. (In Russian)
- Rozhnova, T. M. (2018), "The phenomenon of poverty in modern Russian society", *Social practices and management: scientific and practical materials. conf. with international participation*, Novosibirsk, Russia, 302-305. (In Russian)
- Senchagov, V. K. (2015), *Economic security of Russia*, Obshhij kurs, BINOM, Laboratoriya znanij, Moscow, Russia. (In Russian)
- Sergienko, A. M. (2014), *Poverty in rural Russia in the context of economic modernization: processes and mechanisms of formation and overcoming: a collective monograph*, AZBUKA, Barnaul, Russia. (In Russian)
- Sidorova, N. P. (2018), "Population poverty as a social reality of modern society: main approaches to assessment", *Sotsial'nye protsessy obshhestva v sotsiologicheskem izmerenii*, (2), 53-58. (In Russian)
- Tikhonova, N. E., Davydova, N. M., and Popova, I. P. (2004), "Standard of living index and stratification model of Russian society", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (6), 120-130. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 19 июля 2020 г. Поступила после доработки 07 февраля 2021 г. Принята к печати 15 февраля 2021 г.

Received 19 July 2020. Revised 07 February 2021. Accepted 15 February 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Проказина Наталья Васильевна, доктор социологических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Алтайский филиал, Барнаул, Россия.

Галаева Татьяна Михайловна, магистрант направления Социология, лаборант кафедры социологии и информационных технологий Российской академии народного хозяйства и государственной службы при

Президенте РФ, Среднерусский институт управления – филиал, Орел, Россия.

Natalya V. Prokazina, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Altai Branch, Barnaul, Altai Territory, Russia.

Tatyana M. Galaeva, Master's Degree Student in Sociology, Laboratory Assistant at the Department of Sociology and Information Technology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management (Branch), Orel, Russia.

УДК 314.5

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-7

Оригинальная статья

Ростовская Т. К.^{ID},
Кучмаева О. В.^{ID},
Золотарева О. А.^{ID}

Мотивы вступления в брак: анализ сквозь призму гендер

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1

rostovskaya.tamara@mail.ru, kuchmaeva@yandex.ru, Zolotareva.OA@rea.ru

Аннотация. Статья посвящена решению многогранной и сложной проблемы, связанной с комплексной оценкой мотивов, побуждающих создать семейный союз. Авторами проводится анализ мнений мужчин и женщин о мотивах вступления в брак на основе данных Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в конце 2019 – начале 2020 гг. (объем выборки – 5616 человек), которое позволяет учесть данные, не отражающиеся в традиционной статистической отчетности в области демографии. Предложенный подход раскрывает возможности получения наиболее полной информации, представляющей ценность для актуализации / корректировки мер, влияющих на состояние демографических процессов, что представляется важным как для России, так и для большинства стран мира. Для подтверждения гипотез исследования использованы статистические методы анализа социологической информации. Повышение эффективности мер в области демографической политики, прежде всего, направленных на обеспечение роста рождаемости, может быть достигнуто при выявлении истинных мотивов брака. Практическая значимость проведенного исследования обусловлена полученной информацией о существующих трансформациях системы ценностей россиян, затрагивающих брачное поведение, которые должны учитываться при разработке управленческих решений в области социально-демографического развития. В статье приводится оценка намерений вступить в брак, в разрезе пола и возраста, характеризуются факторы, влияющие на решение начать будущую супружескую жизнь, оцениваются различия между мужчинами и женщинами разных возрастных групп по их приоритетности. Выявлены основные мотивы, побуждающие регистрировать брак. Представлены выводы, позволяющие обоснованно говорить о необходимости учета данных исследования при проведении социально-демографической политики.

Ключевые слова: семья; мотивы вступления в брак; рождаемость; социально-демографическая политика

Информация для цитирования: Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Мотивы вступления в брак: анализ сквозь призму гендер // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 86-103.

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-7

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта №20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Original article

Tamara K. Rostovskaya^{ID},
Oksana V. Kuchmaeva^{ID},
Olga A. Zolotareva^{ID}

Motives for marriage: analysis through the prism of gender

Institute for Demographic Research, FCTAS RAS

119333, 6-1 Fotieva St., Moscow, Russia

rostovskaya.tamara@mail.ru, kuchmaeva@yandex.ru, Zolotareva.OA@rea.ru

Abstract. The article is devoted to solving a multi-faceted and complex problem associated with a comprehensive assessment of the motives that encourage the creation of a family union. The authors analyze the opinions of men and women about the motives for marriage based on the data of the All-Russian sociological study "Demographic well-being of Russia", conducted in late 2019-early 2020 (sample size-5616 people), which allows you to take into account data that are not reflected in traditional statistical reporting in the field of demography. The proposed approach reveals the possibilities of obtaining the most complete information that is valuable for updating / correcting measures that affect the state of demographic processes, which is important both for Russia and for most countries of the world. To confirm the hypotheses of the study, statistical methods of analyzing sociological information were used. Improving the effectiveness of measures in the field of demographic policy, primarily aimed at ensuring the growth of the birth rate, can be achieved by identifying the true motives for marriage. The practical significance of the study is due to the information received about the existing transformations of the Russian value system affecting marital behavior, which should be taken into account when developing management decisions in the field of socio-demographic development. The article provides an assessment of intentions to marry, in the context of gender and age, characterizes the factors that influence the decision to start a future married life, assesses the differences between men and women of different age groups according to their priority. The main motives for registering a marriage are revealed. The conclusions that allow us to reasonably speak about the need to take into account the research data when conducting socio-demographic policy are presented.

Keywords: family; motives for marriage; fertility; socio-demographic policy

Information for citation: Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V., Zolotareva O. A. (2021), "Motives for marriage: analysis through the prism of gender", Research Result. Sociology and management, 7 (1), 86-103, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-7

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of the Russian science Foundation project No. 20-18-00256 «Demographic behavior of the population in the context of national security of Russia».

Введение (Introduction). В настоя-
щее время в России происходят заметные

изменения в демографических процессах.
Они касаются в том числе перемены в се-

мейном и брачном поведении, от которого напрямую зависит уровень рождаемости в стране. Именно с брака начинается семья, закладывается основа общества. Прочность брака, в свою очередь, может способствовать укреплению социальных отношений в обществе и поддержанию стабильности в государстве.

Кроме того, роль семьи в современном обществе значительно возрастает в контексте рисков цифровой цивилизации, связанных с ростом интеллектуально-психологической зависимости от электронных устройств, виртуальной реальности, доминированию клипового мышления и блокировку усвоения нравственных норм и эмпатического понимания сверстников и взрослых¹.

Это обуславливает значимость анализа ценности и мотивации брака в глазах современных россиян, дифференциацию оценок в разрезе различных поло-возрастных групп, что выступило основной задачей данной публикации. Проведение подобных исследований позволяет более обоснованно подойти к формированию рекомендаций по реализации демографической политики с учетом мнений целевых групп.

Социологи, демографы, экономисты в разных странах уделяют внимание исследованию причин вступления в брак, моделям поиска партнера, определению возраста создания семьи и факторов стабильности брака и разводимости. Подобные оценки получают при проведении опросов населения (Осипова, 2020: 101), программы которых позволяют более детально подойти к выявлению мотивов вступления в брак, создания семьи, изменениям во взаимосвязи брачного и репродуктивного поведения.

Вишневский А. Г. в своей работе рассматривая происходящие в течение последних лет изменения института семьи подчеркивал, что изменение брачных отношений

исходит из самой структуры демографического поведения (Вишневский, 2014).

Методология и методы (Methodology and methods). На протяжении десятилетий в большинстве европейских стран уровень брачности снижался, а средний возраст вступления в первый брак повышался. В то же время распространяются нетрадиционные формы семейной жизни, такие как совместное проживание, единоличное родительство или совместное проживание. Мужчины, в частности, похоже, хотят сохранить брак в его классической форме, в то время как женщины более склонны принимать изменения и принимать открытые институты брака. Исследования показывают, что значимость романтической любви как мотива брака сильно переоценивается. Любовь как предпосылка для брака обычно важна, но редко является решающим фактором. Люди женятся, когда чувствуют, что могут добиться конкретных преимуществ. Несмотря на все изменения, преимущества брака по-прежнему кажутся многочисленными (Schneider, 2007).

Мотивы создания семьи у мужчин и женщин не в полной мере совпадают, что вполне обосновано, прежде всего, биосоциальными особенностями. Гендер оказывает влияние через гендерные стереотипы, гендерные представления, гендерную культуру на принятие решений мужчинами и женщинами, на их модели поведения, в том числе и в сфере брака (Ильиных, 2012). Исследования не обнаруживают существенной разницы между отношением респондентов-мужчин и женщин к концепции брака, социальным ожиданиям и изменяющимся тенденциям в браке, тогда как между респондентами-мужчинами и женщинами-респондентами обнаружена значительная разница в отношенииексуальных отношений, типа брака, критерии выбора спутника жизни и конкретные мотивы успешного брака (Bhavana, Roopa, 2015).

Определенные ценностные ориентиры будут едины, что можно связать с «гендерным переходом», предполагающим реальное гендерное равенство во всех сферах об-

¹Новый общественный договор / под ред. А.В. Щербакова, Л.А. Колесовой, В.Г. Буданова. М., 2020.

щественной жизни, способствующее выполнению репродуктивных установок, позволяющих обеспечить уровень простого воспроизводства в стране (Калабихина, 2009).

Нынешнюю демографическую ситуацию в России возможно охарактеризовать несколькими моделями брачного поведения, что связано с тенденциями увеличения возраста вступления в первый брак, ростом числа пар, состоящих в гражданском браке, повышением рождаемости вне зарегистрированного брака, а также в совместном проживании супругов с их родителями. В России за 1990-е гг. произошла смена модели поведения потенциальных супружеских пар, которая так или иначе повлияла на рождаемость. В целом, принято выделять следующие параметры брачности, которые влияют на показатели рождаемости, желаемое и ожидаемое число детей: возраст вступления в первый брак, доля вступающих в брак, разводимость и распространность незарегистрированных браков (Ростовская, Архангельский, Князькова, 2020; Синельников, 2019 а, б). Так, в статье (Синельников, 2019 в) на данных выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстата РФ в 2017 г., показано, что женщины, состоящие в зарегистрированном браке, к концу репродуктивного возраста имеют больше детей, чем женщины, состоящие в незарегистрированных партнерствах. Женщины, состоящие в повторном законном браке, имеют больше детей, чем состоящие в первом браке.

Взаимосвязь брачности и рождаемости четко прослеживается в динамике при визуализации соответствующих коэффициентов на графике (рис. 1), направленность кривых, отображающих общие коэффициенты рождаемости и брачности за период с 2000 по 2018 гг. имеет практически схожий характер.

Рост числа браков в расчете на 1000 человек населения с 2000 г. до максимального значения в 2011 г. составил 48,39%. Общий коэффициент рождаемости увеличился с 8,7‰ в 2000 г. до 13,3‰ в 2012 г.

(первое максимальное значение в анализируемом ряду динамики) – рост составил 52,87%. За период с 2011 по 2019 гг. общий коэффициент брачности уменьшился на 29,35%, в свою очередь общий коэффициент рождаемости снизился с 13,3‰ в 2012 г. до 10,1‰ в 2019 г. (уменьшение на 24,06%).

Анализ динамики основных демографических коэффициентов подтверждает необходимость исследования мотивов заключения брака, как фактора способствующего росту рождаемости.

В статье представлены результаты Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие россиян», проведенное с участием авторов в 2019-2020 г.г. на территории 10 субъектов Российской Федерации². Объем выборочной совокупности составил 5616 человек в возрасте от 18 до 50 лет.

Исследование было проведено путем анкетного опроса с использованием многоступенчатой типологической выборки. На первом этапе были отобраны территории для проведения опроса и типы поселений (городские и сельские населенные пункты). Далее использовалась квотная выборка с учетом возрастных групп респондентов, пола, сферы профессиональной деятельности.

²Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России» проведено в конце 2019 – начале 2020 гг. в следующих субъектах РФ: г. Москва, Московская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Ставропольский край, Вологодская, Волгоградская, Ивановская, Нижегородская и Свердловская области, Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Уральского, Северо-Кавказского, Южного федеральных округах. N=5616 представители различных поколений в возрасте от 18 до 50 лет. Рук. – д-р социол. наук, профессор Т. К. Ростовская.

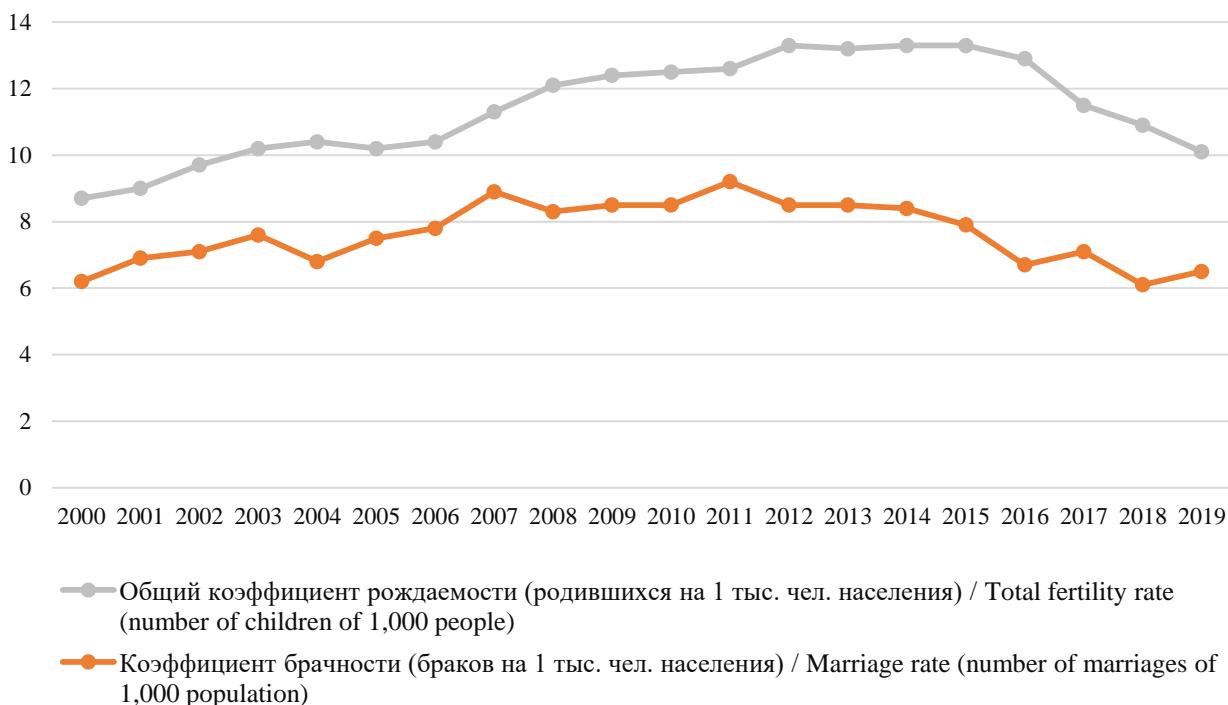

Рис. 1. Динамика коэффициентов рождаемости и брачности в России
за период с 2000 по 2019 гг., %

Fig. 1. Dynamics of fertility and marriage rates in Russia for the period from 2000 to 2019, %

Основные вопросы в контексте данного исследования следующие:

- Собираетесь ли Вы вступить в брак?
- Если «Да», то предполагаете ли Вы зарегистрировать его?
- Насколько могут быть для Вас значимы следующие факторы начала Вашей будущей супружеской жизни (оцените, пожалуйста, значимость каждого из перечисленных факторов по пятибалльной шкале: «1» означает, что он не будет иметь практически никакого значения, а «5» – что он будет иметь очень большое значение);
- Если Вы считаете, что брак нужно регистрировать, то почему? (оцените значимость каждого из перечисленных фак-

торов по пятибалльной шкале: «1» означает, что он практически не имеет значения, а «5» – очень большое значение).

Объектом исследования явились представители различных поколений (возрастных групп) жителей России: респонденты в возрасте от 18 до 50 лет – люди бракоспособного и репродуктивного возраста.

В совокупности опрошенных, участвующих в обследовании и указавших пол и возраст, наблюдалось примерное гендерное равенство: 49,86 % – мужчин и 50,14 % – женщин. При этом, в возрастах 17-29 лет и 30-39 лет среди респондентов наблюдался незначительный перевес в сторону мужчин, в возрасте 40-50 лет – наоборот – в сторону женщин.

Таблица 1

Половозрастной состав опрошенных, человек
(число указавших пол и возраст)

Age and sex composition of the respondents, people
(number of respondents who indicated gender and age)

Пол	Возраст / Age		
	17-29 лет / years old	30-39 лет / years old	40-50 лет / years old
Мужской / Male	1040	910	646
Женский / Female	977	851	776

Выбор возрастной структуры объекта исследования обусловлен необходимостью сравнения взглядов мужчин и женщин различных возрастных групп, выявлением поколенческих различий в демографическом поведении россиян.

Для решения задач исследования авторами использовались методы статистического анализа социологической информации, в частности, методы дескриптивной статистики, табличный и графический методы визуализации данных; в целях оценки гендерных различий (сходства) в мнениях опрошенных рассчитывались коэффициенты сопряженности, коэффициенты ранговой корреляции Спирмена и Кенделя.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). О мотивах, побуждающих создать семейный союз: гендерные оценки. В совокупности респондентов большинство как мужчин, так и женщин состоят в браке. При этом удельный вес женщин, состоящих в зарегистрированном браке, выше, чем мужчин

в данном статусе (соответственно 49,40% против 45,55%). Состоящих в незарегистрированном браке среди мужчин, напротив, больше: удельный вес мужчин составляет 7,74%, женщин – 6,60% от числа ответивших соответственной гендерной категории. В опросе также участвовали респонденты, никогда не состоявшие в браке (среди них удельный вес мужчин выше, чем у женщин в процентах от совокупности ответивших соответствующего пола), а также вдовы и разведенные.

Большинство респондентов состоит в первом браке (84,1% мужчин и 86,2% женщин, состоящих в браке).

Из тех, кто не состоит в браке: собираются вступить в брак – 44,53% (при этом большинство как женщин, так и мужчин указали, что зарегистрировать его предполагают после проверки своих чувств и апробации совместного проживания год или два); сказали, что в брак вступать не собираются – 32,88%; затруднились с ответом – 22,59%.

Таблица 2

Семейное положение респондентов, % к числу опрошенных

Marital status of respondents, % of the number of respondents

Вариант ответа / Possible answer	Процент от числа опрошенных / Percentage of the number of respondents	
	Женщины / Female	Мужчины / Male
Состою в зарегистрированном браке / I am in a registered marriage	49,40	45,55
Состою в незарегистрированном браке / I am in an unregistered marriage	6,60	7,74

Вариант ответа / Possible answer	Процент от числа опрошенных / Percentage of the number of respondents	
	Женщины / Female	Мужчины / Male
Вдовец (вдова) / Widower (widow)	1,98	0,87
Разведен (а) / Divorced	9,67	6,80
Никогда не состоял(а) в браке / Never married	32,33	39,04
Итого / Total	100,00	100,00

Отметим, что намерения респондентов вступить в брак не зависят от пола (коэффициент сопряженности 0,089, что не является статистически значимым на уровне значимости 0,05).

Среди лиц, ответивших, что собираются вступить в брак, 98,0 % женщин и 96,6% мужчин подтвердили намерение брак зарегистрировать. При этом большая часть респондентов указали, что предполагают заключение брака, но сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем зарегистрировать: 60,8 % женщин и 67,3 % мужчин. Факт будущего рождения ребенка на регистрацию брака, по мнению респондентов, существенного влияния не оказывает: указали, что предполагают регистрацию брака, но только, если должен будет родиться ребёнок 3,6 % женщин и 5,4 % мужчин.

В исследовании демографического поведения населения особое практическое значение приобретает оценка значимости мотивов, побуждающих начать супружескую жизнь.

Анализировалось влияние следующих 5 факторов на создание семьи:

- желание стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком;
- желание в ближайшее время иметь ребёнка;
- желание иметь постоянного сексуального партнёра;
- желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства;
- желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким.

Характеризуя значимость мотивов начала будущей супружеской жизни, отметим, что как мужчины, так и женщины довольно высоко оценивают повышение степени самостоятельности при создании своей семьи. При этом женщины показывают большую независимость от данного фактора (на отсутствие связи между вступлением в брак и желанием тем самым стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком указали 28,5% женщин и 18,6% мужчин от совокупности ответивших лиц каждой гендерной категории, не состоявших в браке и собирающихся вступить в брак).

Среди женщин, не состоящих в браке и собирающихся вступить в брак, на вопрос о значимости желания в ближайшее время иметь ребёнка для создания семьи: 29,7% ответили, что данный фактор практически не значим, и 23,9%, наоборот, указали его приоритетное значение. Среди мужчин, собирающихся вступить в брак, большую значимость рождения ребенка указали лишь 13,4% от ответивших.

Гендерно совпадающая значимость мотива «иметь постоянного сексуального партнёра» для создания семьи: как женщины, так и мужчины высоко оценили его значение (34,6% и 32,6% соответственно).

Желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства более важно для женщин, чем для мужчин (28,2% женщин и 18,3% мужчин от совокупности ответивших лиц каждой гендерной категории, не состоявших в браке и собирающихся вступить в брак, указали, что

данный фактор имеет очень большое значение).

Среди всех мотивов создания семьи ведущее значение как для мужчин, так и для женщин отдается желанию иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким (80,5% женщин и 75,3% мужчин от совокупности ответивших лиц каждой гендерной категории, не состоящих в браке и собирающихся вступить в брак указали, что данный фактор имеет очень большое значение).

Показатели зависимости между мотивами вступить в брак и полом респондентов
(уровень значимости 0,05)

Indicators of the relationship between the motives to marry and the gender of respondents
(significance level 0.05)

Table 3

Исследуемые признаки / Investigated signs	χ^2 - критерий Пирсона / Pearson test	Коэффициент сопряженности / Contingency coefficient	Мера Крамера / Kramer measure	Сила взаимо- связи / The strength of the relationship
Желание стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком ~ Пол / The desire to become a truly adult, independent person ~ Gender	26,909	0,132	0,133	слабая / weak
Желание в ближайшее время иметь ребёнка ~ Пол / The desire to have a baby in the near future ~ Gender	32,471	0,145	0,146	слабая / weak
Желание иметь постоянного сексуального партнёра ~ Пол / Desire to have a permanent sexual partner ~ Gender	42,281	0,165	0,167	слабая / weak
Желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства ~ Пол / Desire to receive material benefits from a more rational common household ~ Gender	18,894	0,111	0,112	слабая / weak
Желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким ~ Пол / The desire to have a close in spirit, dear, loved one, not to feel lonely ~ Gender	15,581	0,100	0,101	слабая / weak

Данные результаты говорят о том, что существующие гендерные расхождения во мнениях о значимости рассматриваемых мотивов для создания семейного союза нельзя назвать слишком существенными.

Это подтверждается рассчитанными значениями коэффициента сопряженности Пирсона для оценки значимости различий в распределении ответов мужчин и женщин (табл. 3).

Таблица 3

Согласованность мнений мужчин и женщин в отношении приоритетности мотивов начала будущей супружеской жизни подтверждается рассчитанными коэффициентами ранговой корреляции Спирмена

и Кендела, которые соответственно составили 0,7 и 0,6. Уточнить, в чем же конкретно наблюдаются различия, позволяет расчет средних баллов для различных мотивов вступления в брак (табл. 4).

Таблица 4

Оценка приоритетности мотивов вступления в брак

Table 4

Assessment of the priority of the motives for marriage

Факторы / Factors	Средний балл по 5-балльной шкале (ранг) / Average score on a 5-point scale (rank)	
	Женщины / Female	Мужчины / Male
Желание стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком / The desire to become a truly adult, independent person	3,036 (4)	3,342 (3)
Желание в ближайшее время иметь ребёнка / The desire to have a child in the near future	2,882 (5)	2,739 (5)
Желание иметь постоянного сексуального партнёра / Desire to have a permanent sexual partner	3,513 (3)	3,537 (2)
Желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства / Desire to receive material benefits from a more rational common household	3,567 (2)	3,309 (4)
Желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким / The desire to have a close in spirit, dear, loved one, not to feel lonely	4,702 (1)	4,600 (1)

Как для мужчин, так и для женщин первичным для создания семьи является желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким. Однако, у женщин на втором месте по значимости фактор – материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства, на третьем – наличие постоянного сексуального партнёра, на четвертом – самостоятельность и на пятом – ребенок. В то время как у мужчин вторым по значимости является фактор наличия постоян-

ного сексуального партнёра, третьим – самостоятельность, четвертым – материальные преимущества и пятым – ребенок.

Логично, что с возрастом вне зависимости от пола респондентов значимость фактора самостоятельности снижается: 65,6% женщин и 40,5% мужчин в возрасте 40-50 лет, не состоящих в браке и собирающихся вступить в брак, указали, что данный мотив для начала будущей супружеской жизни не имеет практически никакого значения (рис. 2).

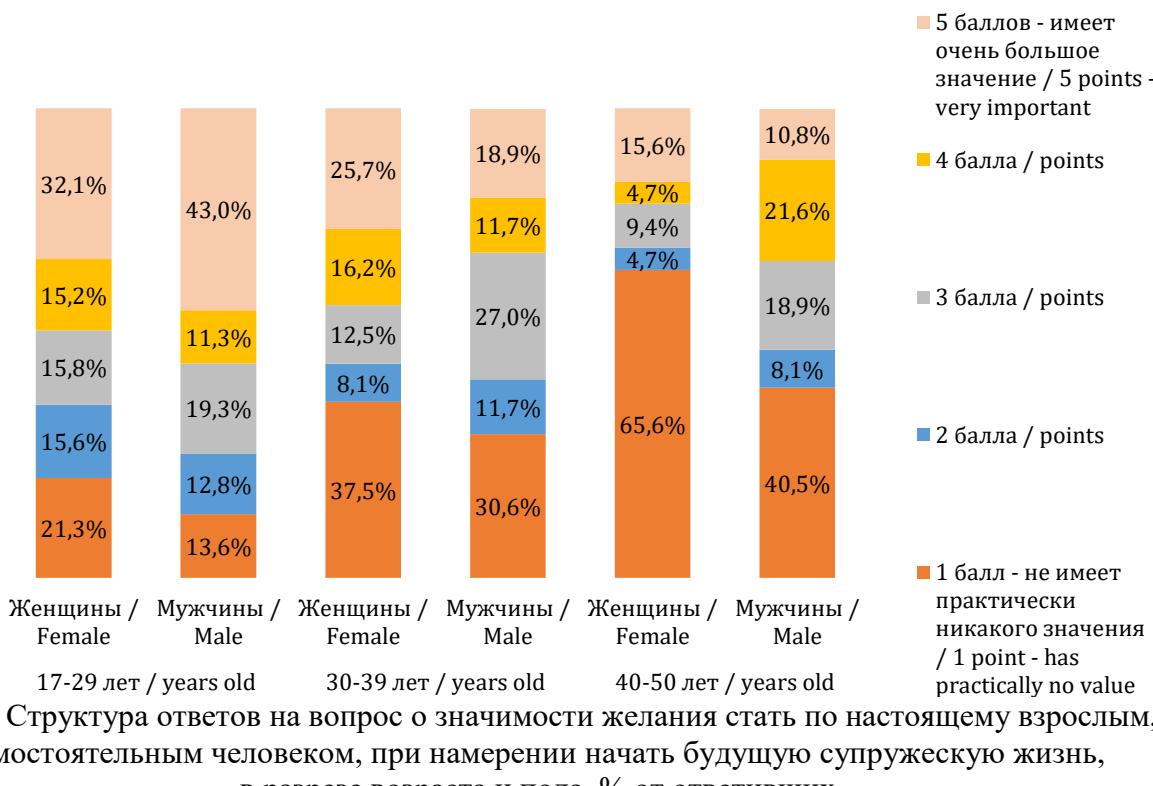

Рис. 2. Структура ответов на вопрос о значимости желания стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком, при намерении начать будущую супружескую жизнь, в разрезе возраста и пола, % от ответивших

Fig. 2. Structure of answers to the question about the significance of the desire to become a truly adult, an independent person, with the intention to start a future married life, in the context of age and gender, % of respondents

По возрастам значимо отличается структура ответов в разрезе пола о роли такого мотива для вступления в брак, как «в ближайшее время иметь ребёнка». В молодом возрасте, от 17 до 29 лет, в структуре ответов гендерные различия менее существенные, чем в более старших возрастах, но о тождественности речь не идет. При этом иметь ребенка в молодых возрастах не столь важно как для мужчин, так и для женщин (рис. 3), что определяется тенденцией «откладывания рождения ребенка» ради обучения и карьеры, сложившейся в последние десятилетия. Важно отметить о существенной роли для женщин родить ребенка в браке в возрасте 30-39 лет (40,9% женщин, не состоящих в браке и собирающихся вступить в брак, указали, что иметь в ближайшее время ребенка для начала будущей супружеской жизни имеет очень большое значение), в

то время как мужчины этого возраста не считают этот фактор приоритетным для создания семьи (14,4% указали его очень большое значение; большинство оценили этот фактор в 3 балла и 5 – 32,4%). Это говорит о ценности для женщин «традиционной» семьи, когда дети рождаются в браке.

В возрасте 40-50 лет женщины высказывают более независимую позицию: 54,5% женщин, не состоящих в браке и собирающихся вступить в брак, указали, что иметь в ближайшее время ребенка для начала будущей супружеской жизни не имеет практически никакого значения; мужчин – 26,3%. Более того в данном возрасте женщины для себя роль данного фактора для создания семьи оценивают более четко: либо он имеет значение (36,3% от ответивших оценили значимость на 5 и 4 балла из возможных 5), либо – нет.

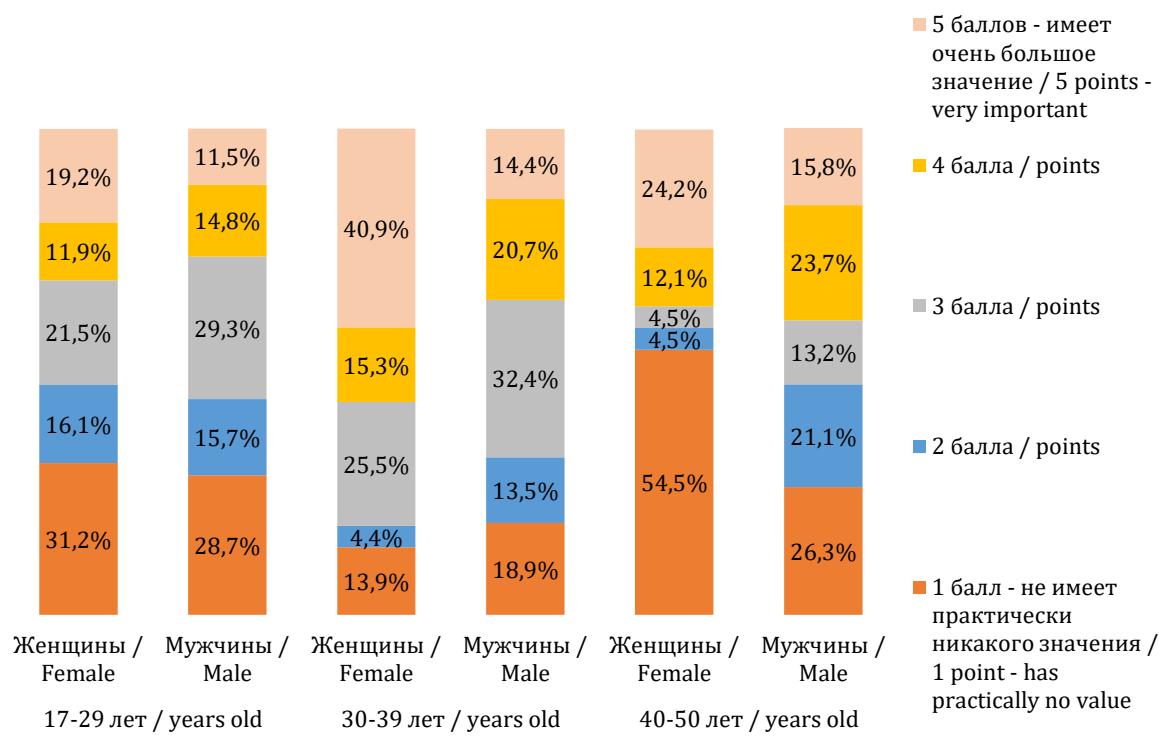

Рис. 3. Структура ответов на вопрос о значимости желания в ближайшее время иметь ребёнка при намерении начать будущую супружескую жизнь, в разрезе возраста и пола, % от ответивших

Fig. 3. Structure of answers to the question about the significance of the desire to have a child in the near future with the intention to start a future married life, in the context of age and gender, % of respondents

В каждой из рассматриваемой группы возрастов выявлена важность иметь постоянного сексуального партнёра, отметим, что у женщин данный фактор при создании семьи более значим, чем у мужчин, особенно это выявлено в возрасте 30-39 лет (рис. 4).

С возрастом для женщин возрастает значимость получения материальных преимуществ от более рационального ведения общего домашнего хозяйства как фактора создания семьи. При этом наибольшую независимость от данного фактора высказывают мужчины в возрасте 30-39 лет:

13,5% от ответивших мужчин данного возраста указали его очень большую значимость; 29,7% оценили его в 3 балла из 5 возможных; 18,9% отметили, что он не имеет практически никакого значения (рис. 5).

Более 90 % ответивших женщин каждой возрастной группы, указали, что при намерении создать семью желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким, имеет очень большое значение (5 баллов) или оценили роль этого фактора на 4 балла из 5.

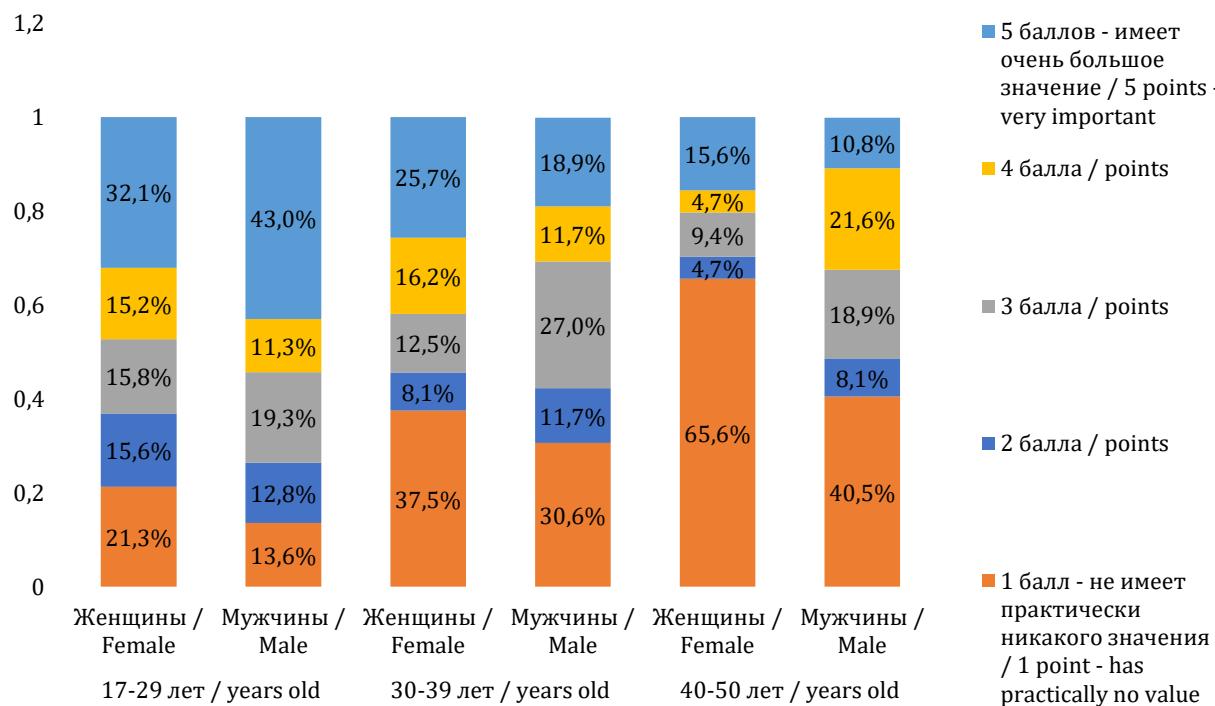

Рис. 4. Структура ответов на вопрос о значимости желания иметь постоянного сексуального партнёра при намерении начать будущую супружескую жизнь, в разрезе возраста и пола, % от ответивших

Fig. 4. Structure of answers to the question about the significance of the desire to have a permanent sexual partner when intending to start a future married life, in terms of age and gender, % of respondents

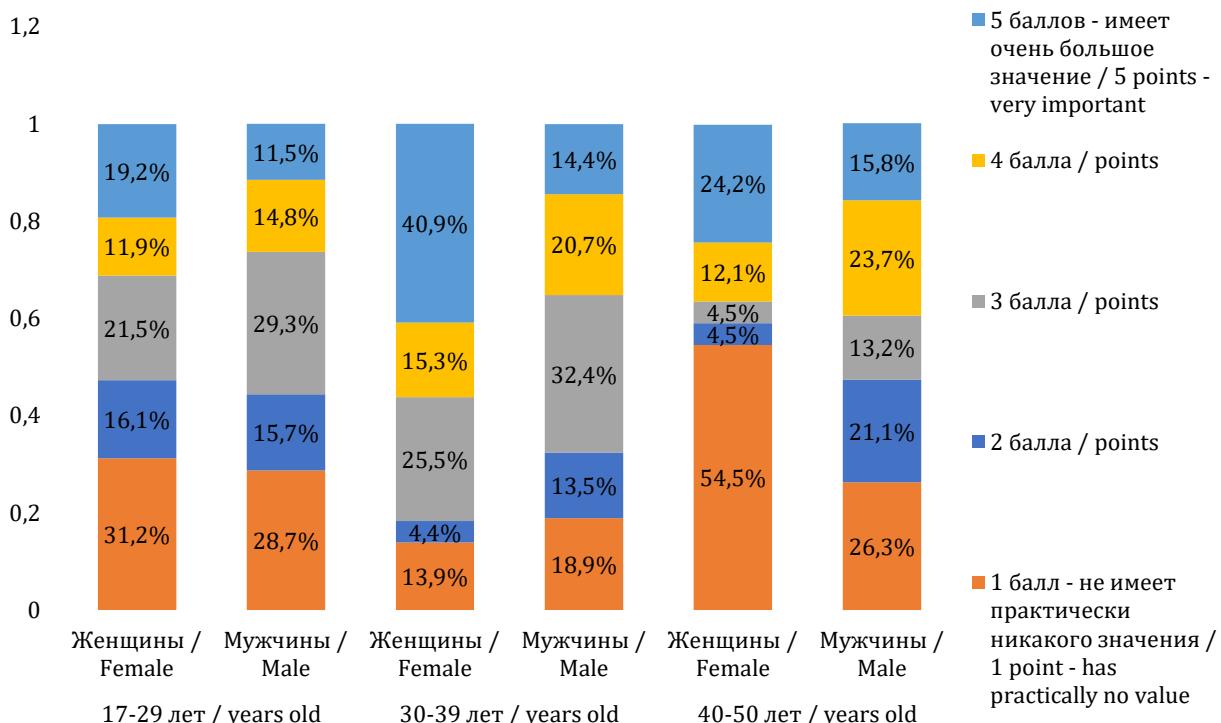

Рис. 5. Структура ответов на вопрос о значимости желания получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства при намерении начать будущую супружескую жизнь, в разрезе возраста и пола, % от ответивших

Fig. 5. Structure of answers to the question about the importance of the desire to receive material benefits from a more rational management of a common household with the intention to start a future married life, in the context of age and gender, % of respondents

Среди ответивших мужчин данный мотив для создания семьи также обладает существенной значимостью, но не настолько однозначно для представителей всех возрастов. В молодом возрасте в

структуре ответов этот мотив для вступления в брак на 5 и 4 оценили 94,5%, в старших возрастах удельный вес так ответивших меньше: 77,7% и 74,3% соответственно среди возрастов 30-39 лет и 40-50 лет.

Таблица 5

Структура ответов о значимости мотива «иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким» при решении о начале будущей супружеской жизни, % от ответивших

Table 5

Structure of answers about the importance of the motive “to have a close in spirit, dear, loved one, not to feel lonely” when deciding to start a future married life, % of respondents

Вариант ответа / Possible answer	17-29 лет / years old		30-39 лет / years old		40-50 лет / years old	
	Женщины / Female	Мужчины / Male	Женщины / Female	Мужчины / Male	Женщины / Female	Мужчины / Male
1 балл – не имеет практически никакого значения / 1 point – has practically no value	1,3	1,0	4,3	4,5	0,0	5,1
2 балла / points	0,2	1,0	0,7	1,8	0,0	7,7
3 балла / points	5,0	3,5	2,9	16,1	4,5	12,8
4 балла / points	10,9	15,1	21,0	18,8	13,6	5,1
5 баллов – имеет очень большое значение / 5 points – very important	82,6	79,4	71,0	58,9	81,8	69,2

Менее всего различается структура ответов женщин и мужчин на вопрос о приоритетности для начала супружеской жизни фактора «иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким» в рамках каждого возраста. В каждой из рассматриваемых половозрастных категорий он однозначно лидирует среди мотивов начать супружескую жизнь (средний балл выше 4). Наиболее значительные расхождения в структуре мнений между мужчинами и женщинами зафиксированы в старших возрастах по ответам на вопрос о роли для начала супружеской жизни в ближайшее время иметь ребёнка.

Исследование подтвердило происходящую трансформацию в системе мотивов создания семьи в России: от репродуктивных мотивов, значимости создания семьи для рождения и воспитания детей, приори-

тет в настоящее время перешел к социально-психологическим (прежде всего, в контексте весомой значимости желания иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким).

Отношение к регистрации брака. Значительная часть респондентов при вступлении в брак нацелена на официальную регистрацию брака. В отношении к регистрации брака гендерно тождественно выглядит структура ответов о значимости такого фактора как «соответствие нормам общественной морали, мнению окружающих». Как женщины, так и мужчины разделились почти в равных долях на тех, для кого роль данного фактора имеет существенное значение (5 и 4 балла из возможных 5 указали 42,3% женщин и 41,2% мужчин от совокупности ответивших лиц каждого пола) и тех, кому безразлично (1 и 2 балла по-

ставили 36,8% женщин и 38,0% мужчин). Стоит отметить, что значимость этого фактора как у женщин, так и мужчин возрастает с увеличением возраста респондентов (указали очень большое значение для регистрации брака, поставив 5 баллов, необходимости соответствовать нормам общественной морали, мнению окружающих 38,9% женщин и 40,2% мужчин от ответивших в возрасте от 40 до 50 лет).

Вне зависимости от пола довольно велика роль регистрации брака ради ребенка. Этот фактор приоритетный, среди всех рассматриваемых как для женщин, так и для мужчин (см. табл. 6). Низко оценили значимость иметь ребенка в зарегистрированном браке, поставив 1 или 2 балла из 5, только 13,1% от ответивших женщин и 19,7% от ответивших мужчин.

Оценка приоритетности мотивов регистрировать брак

Table 6

Assessment of the priority of motives to register a marriage

Факторы / Factors	Средний балл по 5-балльной шкале (ранг) / Average score on a 5-point scale (rank)	
	Женщины / Female	Мужчины / Male
Это соответствует нормам общественной морали, мнению окружающих / This corresponds to the norms of public morality, the opinion of others	3,071 (4)	3,028 (4)
Желание иметь ребёнка в зарегистрированном браке / The desire to have a child in a registered marriage	4,107 (1)	3,771 (1)
Если есть уверенность в том, что совместная жизнь в незарегистрированном браке «проверила брак на прочность» (или уже хорошо узнали друг друга) / If there is confidence that living together in an unregistered marriage "tested the strength of the marriage" (or have already gotten to know each other well)	3,157 (3)	3,208 (3)
Обеспечивает материальные права родителя, остающегося с детьми, в случае возможного развода / Ensures the material rights of a parent who remains with children in the event of a possible divorce	3,629 (2)	3,364 (2)
Это даёт супругам гарантию, что они вместе проживут долгую жизнь / This gives the spouses a guarantee that they will live a long life together	2,627 (5)	2,827 (5)

Необходимо отметить, что более существенную значимость регистрации брака ради ребенка признают женщины. 56,9% женщин сказали, что регистрация брака имеет очень большое значение в случае рождения ребенка, поставив в ответе 5 баллов, среди мужчин 42,9% ответили также.

Весьма низкий уровень гендерных различий зафиксирован в структуре ответов о роли для регистрации брака «проверки "на прочность" (или уверенности в том, что уже хорошо узнали друг друга)». Как женщины, так и мужчины оценили роль данного фактора недостаточно высоко: 5 и 4 балла из возможных 5 указали 43,4%

женщин и 43,0 % мужчин от совокупности ответивших лиц каждой гендерной категории; 3 балла поставили 25,5% женщин и 28,5% мужчин; 1 и 2 балла – 31,1% женщин и 28,5 % мужчин.

При этом по ответам женщин определена большая зависимость регистрации брака от мотива «обеспечить материальные права родителя, остающегося с детьми, в случае возможного развода»: оценили в 5 баллов данный фактор 38,0% женщин, в 4 балла – 20,3% (суммарно 58,3% считают факт регистрации брака фактором, способствующим в случае возможного развода обеспечить материальные права родителя, остающегося с детьми). Отметим, что удельный вес среди мужчин, высоко оценивших данный мотив как фактор регистрации брака, также существенен – 50,5% его оценили в 5 и 4 балла.

Как женщины, так и мужчины факт регистрации брака не связывают с гарантией, что они вместе проживут долгую жизнь. 38,2% женщин и 30,9% мужчин указали, что данный фактор не имеет практически никакого значения (средний балл 2,6 и 2,8 соответственно).

Обобщая структурные различия по полу в распределении ответов респондентов на вопросы о значимости мотивов регистрации брака стоит отметить, что наибольшее сходство в ответах между мужчинами и женщинами достигнуто по признакам нравственного / психологического / морально-этического характера.

Существенный уровень гендерных различий наблюдается только в ответах респондентов в возрасте 30-39 лет при оценке значимости для регистрации брака такого фактора, как «желание иметь ребёнка в зарегистрированном браке» (разрыв междуолями женщин и мужчин, указавшим очень большую значимость этого мотива – 5 баллов составил 15 п.п., 61,6% и 44,7% соответственно).

В целом, характеризуя приоритетность мотивов регистрации брака, отметим, что наиболее сильным фактором выступает демографический – «желание

иметь ребёнка в зарегистрированном браке». Существенное влияние на регистрацию брака оказывает фактор обеспечения материальных прав родителя, остающегося с детьми, в случае возможного развода. Можно сказать, что довольно сильно за последние десятилетия (в сравнении с поколением сегодняшних прародителей) трансформировались морально-этические основы семьи, зарегистрированный брак уже не дает гарантии на долгую совместную жизнь и не становится приоритетом для формирования благополучного образа семейной пары в глазах окружающих. Отметим, что зафиксирована согласованность распределений ответов мужчин и женщин в отношении значимости мотивов регистрации брака. Существенное значение для мужчин такого фактора как «обеспечение материальных прав родителя, остающегося с детьми, в случае возможного развода» может говорить об изменении роли отца в семье в контексте концепции «гендерного перехода».

Синтезируя анализ ответов о мотивах регистрации брака представителей различных возрастных групп необходимо обратить внимание, что более привержены традиционным семейным ценностям, лица в возрасте 40-50 лет. При этом в старших возрастах более значима становится проблема одиночества, в большей степени, задумываются об этом женщины.

Заключение (Conclusions). Внимание государства к семье и, соответственно, разработке семейной политики имеет достаточно серьезные основания. Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» Правительству Российской Федерации вменено обеспечить устойчивый рост численности населения. В целях обеспечения достижения указанной национальной цели разработан национальный проект «Демография», среди целевых показателей которого утвержден рост суммарного коэффициента рождаемости.

Формирование наиболее благоприятных условий для создания семьи, рождения и воспитания детей в данном случае является предметом государственной заботы, разделением ответственности с семьей за ее будущее (Кучмаева, 2017).

На наш взгляд, для оценки результативности семейно-демографической политики, корректировки необходимых мер, определения достижимости ожидаемого результата сегодня недостаточно широко используются данные специальных социальных обследований (выборочных исследований), которые позволяют получить более полную информацию о факторах, влияющих на повышение ценности брака, родительства, семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и значимости семейного воспитания.

Результаты исследования продемонстрировали сохраняющиеся гендерные и возрастные различия в мотивации вступления в брак и заключении официального брака.

Подавляющее большинство опрошенных стремится состоять в браке, при этом хотели бы предварительно проверить свои чувства, пожив в т.н. «пробном браке». Роль рождения ребенка как фактора, стимулирующего вступление в брак, снижается. Это может быть связано с изменением abortивно-контрацептивного поведения, сокращением распространенности внеплановых рождений.

В контексте влияния мотивации вступления в брак на тенденции рождаемости важно отметить, что у мужчин и женщин на первом месте среди мотивов начала брачной жизни стоят психологические мотивы (иметь рядом близкого человека), на последнем (из 5) – рождение ребенка. Причем в молодых возрастах (до 30 лет) значимость рождения ребенка как мотива создания семьи ниже, чем в средних возрастах.

Хотя значительная часть россиян нацелена на официальное заключение брака, обращает на себя внимание, что подоб-

ный шаг обусловлен прежде всего интересами детей, в том числе и в случае распада брака. Роль общественного мнения, социального одобрения такого шага, как заключение брака, не слишком велика, особенно в молодых возрастах.

Для России характерен тренд на приоритет психологических мотивов вступления в брак, причем данный мотив значим для респондентов всех возрастов. С одной стороны, можно позитивно оценить высокую значимость такого фактора, лежащего в основе создания семьи, как «желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким». Брак, супружество рассматривается как очаг взаимопомощи и любви. Этот аспект важно учитывать при формировании стратегии демографической политики, направленной на повышение ценности институтов семьи и брака. Однако, прослеживается явная неуверенность в возможности сохранения единственного брака. В выстраивании брачной карьеры у значительной части россиян, судя по результатам исследования, присутствует сочетание романтических и индивидуалистических мотивов. По мнению многих исследователей, любовь – выступает значимым основанием для вступления в брак, создания семьи, но отнюдь способствует его сохранению (Голод, 1984; Ковалев, 1988). Значимость общественного мнения как мотива создания семьи («обязательность» брака для мужчин и женщин) снижается, как и желания иметь детей.

Результаты исследования показали, что экономические мотивы имеют существенный вес при создании семьи, особенно для женщин (довольно высокую оценку по баллам получил мотив вступления в брак: «желание получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства»). Но и среди мужчин доля сторонников данной точки зрения составляет весьма значительную долю. Приведенные оценки гендерных различий (сходства) в оценке мотивов в определенной степени показывают

готовность / принятие обществом «гендерного перехода».

При этом стоит отметить, что реализация социально-демографической политики, активная популяризация значимости семьи и детей в жизни человека в определенной степени оказали благоприятное влияние на тенденции развития современной российской семьи (столь высокой доли детей, рожденных вне брака, как фиксировалось в 90-х годах XX в. и начале первого десятилетия XXI в. в настоящее время не наблюдается). Хотя рождение ребенка не является лидирующим фактором для создания брачного союза, при этом рождение ребенка, по мнению и мужчин, и женщин – это основной мотив регистрации брака. Следовательно, существует понимание ответственности не только родителей за ребенка, но и роли официальных институтов, государства и общества в защите интересов семьи и детей.

Литература

Вишневский А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 6-33.

Голод С. И. Стабильность семьи: социологические и демографические аспекты / Под ред. Н. М. Романенковой. Л.: Наука, 1984. 136 с.

Ильиных С. А. «Мозаичность» сознания и гендерные аспекты в представлениях о семье: анализ данных // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2012. № 35 (289). Вып. 28. С. 40-47.

Калабихина И. Е. Гендерный переход и демографическое развитие // Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 2. С. 540-554.

Ковалев С. В. Психология современной семьи. М.: Просвещение, 1988. 208 с.

Кучмаева О. В. Современные проблемы оценки эффективности семейной политики в Российской Федерации // Статистика и Экономика. 2017. № 5. С. 85-93.

Осипова И. Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости // Демографическое обозрение. 2020. № 7 (2). С. 97-120.

Ростовская Т. К., Архангельский В. Н., Князькова Е. А. Взаимосвязь брачного и репродуктивного поведения // В книге: II Всероссийский демографический форум с международным участием. Материалы форума. М., 2020. С. 127-130.

Синельников А. Б. Влияние распада семей, повторных браков и сожительств на рождаемость // В сборнике: Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе. Сборник статей X Уральского демографического форума. В 2-х томах. Институт экономики Уральского отделения Российской Академии Наук; ответственный редактор О. А. Козлова. Екатеринбург, 2019. С. 28-35. (а)

Синельников А. Б. Возможно ли повышение рождаемости из-за повторных браков? // В сборнике: Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Сер. «Демография. Социология. Экономика»; Под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. М., 2019. С. 327-331. (б)

Синельников А. Б. Трансформация брака и рождаемость в России // Народонаселение. 2019. № 2. С. 26-39. (в)

Bhavana N., Roopa K. S. Youth Attitude towards Marriage and Changing Trends in Marriage // International Journal of Science and Research (IJSR). 2015. Vol. 4, Iss. 7. Pp. 677-682.

Schneider N. F. Motives For or Against Marriage // Marriage, Families & Spirituality. 2007. Vol. 13, Iss. 1. Pp. 6-18. DOI: 10.2143/INT.13.1.2021295.

References

Vishnevsky, A. G. (2014), “The demographic revolution changes the reproductive strategy of the species homo sapiens”, *Demographic review*, (1), 6-33. (In Russian)

Golod, S. I. (1984), *Family stability: socio-logical and demographic aspects*, in Romanenкова, N. M. (ed.), Nauka, Leningrad, Russia. (In Russian)

Ilinykh, S. A. (2012), “«Mosaicity» of consciousness and gender aspects in ideas about the family: data analysis”, *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Culturology*, (35), 40-47. (In Russian)

Kalabikhina, I. E. (2009), “Gender transition and demographic development”, *Russian Economic Internet Journal*, (2), 540-554. (In Russian)

Kovalev, S. V. (1988), *Psychology of the modern family*, Education, Moscow, Russia. (In Russian)

Kuchmaeva, O. V. (2017), "Modern problems of assessing the effectiveness of family policy in the Russian Federation", *Statistics and Economics*, (5), 85-93. (In Russian)

Osipova, I. (2020), "Reproductive attitudes of Russians and attitudes towards state measures to support the birth rate", *Demographic Review*, (7), 97-120. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Arkhangelsky, V. N. and Knyazkova, E. A. (2020), "The relationship between marriage and reproductive behavior", in *II All-Russian Demographic Forum with International Participation. Forum materials*, Moscow, Russia, 127-130. (In Russian)

Sinelnikov, A. B. (2019), "Influence of family disintegration, repeated marriages and co-habitation on fertility", in Kozlova, O. A. (ed.) *Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region. Collection of articles of the X Ural Demographic Forum. In 2 volumes*, Yekaterinburg, Russia, 28-35. (In Russian)

Sinelnikov, A. B. (2019), "Is it possible to increase the birth rate due to repeated marriages?", in Ryazantsev, S. V. and Rostovskaya, T.K. (eds.) *National demographic priorities: new approaches, trends. Ser. "Demography. Sociology. Economics"*, Moscow, Russia, 327-331. (In Russian)

Sinelnikov, A. B. (2019), "Transformation of marriage and fertility in Russia", *Population*, (2), 26-39. (In Russian)

Bhavana, N. and Roopa, K. S. (2015), "Youth Attitude towards Marriage and Changing Trends in Marriage", *International Journal of Science and Research (IJSR)*, 4 (7), 677-682.

Schneider, N. F. (2007), "Motives For or Against Marriage", *Marriage, Families & Spirituality*, 13 (1), 6-18. DOI: 10.2143/INT.13.1.2021295

Статья поступила в редакцию 08 декабря 2020 г. Поступила после доработки 07 февраля 2021 г. Принята к печати 15 февраля 2021 г.

Received 08 December 2020. Revised 07 February 2021. Accepted 15 February 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, зам. директора по научной работе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Кучмаева Оксана Викторовна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Золотарева Ольга Анатольевна, канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research of the Federal Scientific Research Center, RAS, Moscow, Russia.

Oksana V. Kuchmaeva, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher at the Institute for Demographic Research of the Federal Scientific Research Center, RAS, Moscow, Russia.

Olga A. Zolotareva, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute for Demographic Research of the Federal Scientific Research Center, RAS, Moscow, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8

Оригинальная статья

Ермолаева Ю. В.^{ID}

Трансформация социально-экологических практик обращения с отходами в менталитете граждан России

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук,
сектор исследования профессий и профессиональных групп
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г.
mistelfrayard@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования отношения граждан к проблеме отходов в России не теряет своей значимости с начала реформы в 2010-2014 г. В статье на материалах мини интервью ($n=170$) исследуется проблема восприятия проблемы отходов, понимания функции раздельного сбора отходов и комплексов мотивации к нему. Для составления и анализа результатов используются теории устойчивого поведения (теория активации, нормы; ценности-убеждения; теория запланированного поведения). Личный вклад в проблему отходов признают 90% опрошенных, но только 30% из выборки его осуществляет. Уровень знаний о проблеме отходов у россиян высок, но это не означает стойкой мотивации к проэкологическому действию, так как их определяет не только баланс ценностей (эгоистические или экологические), но и баланс локус-контроля (что может человек, и что может/должно делать общество). Ядро мотивации, которое разделяет опрошенных на экологически активных и неэкологически активных сводится к комфорту, комфорт для эко-активистов означает чистое будущее (превалируют биосферные ценности), а комфорт для тех, кто отходы не разделяет – условия (удобная инфраструктура, выгоды), что подтверждается современными западными исследованиями. В российской реалиях комплекс личной ответственности проявляется только у экологических активистов. Как и всероссийские исследования, проведенные интервью показали важность внедрения повсеместной инфраструктуры раздельного сбора, укрепление экономической и социальной мотивации. В статье гражданами выделены рекомендации на макро, мезо и микро уровне для разных стейкхолдеров, они сводятся к улучшению инфраструктуры сбора, большей включенности муниципальной и гос. власти, обеспечения переработки, а так же ужесточению мер за нежелательное поведение в сфере обращения с отходами.

Ключевые слова: раздельный сбор отходов; отходы; качественные исследования; интервью; экомодернизация

Информация для цитирования: Ермолаева Ю. В. Трансформация социально-экологических практик в менталитете граждан России // Научный ре-

зультат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 104-116. DOI:
10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8

Original article

Yulia V. Ermolaeva

Transformation of social and environmental practices of waste management in the mentality of Russian citizens

Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
117218, bld. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., Moscow, Russia
mistelfrayard@mail.ru

Abstract. The article, based on mini-interviews with citizens (n=170), examines the problem of perceiving waste as environmental practice, personal influence, understanding the practice of separate waste collection and motivation for it as the main environmental practice accessible to citizens. Theories of sustainable behavior (activation theory, norms; values-convictions; planned behavior theory) are used to compile and analyze the results. Personal contribution to the problem of waste is recognized by 90% of respondents, but only 30% of the sample carries it out. The level of knowledge about the problem of waste among Russians is high, but this does not mean persistent motivation to pro-ecological action, because they are determined not only by the balance of values (egoistic or ecological), but also by the balance of locus of control (what a person can, and what society can/should do). The core motivation that divides respondents into environmentally active and non-environmentally active comes down to comfort, comfort for eco-activists means a clean future (biosphere values prevail), and comfort for those who do not share waste – conditions (convenient infrastructure, benefits), which is confirmed by modern Western studies. In Russian reality, the complex of personal responsibility is manifested only in environmental activists. Like the all-Russian study, the interviews showed the importance of implementing a widespread infrastructure of separate collection, strengthening economic and social motivation. In the article, the citizens highlighted the recommendations at the macro, meso and micro level for different stakeholders, they come down to the improvement of collection infrastructure, greater involvement of municipal and state authorities, ensuring recycling, as well as the tightening of measures for undesirable behavior in the field of waste management.

Keywords: separate waste collection; waste; qualitative research; interviews; ecomodernization

Information for citation: Ermolaeva Y. V. (2021), “Transformation of social and environmental practices in the mentality of Russian citizens”, Research Result. Sociology and management, 7 (1), 104-116, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-8

Введение (Introduction). Актуальность проблемы исследования установок в обращении с отходами определяется необходимостью разрешения углубляющихся и нарастающих противоречий между негативными (деконструктивными) и позитив-

ными (восстановительными и поддерживающими) социальными экологическими практиками в условиях вызовов нарастающего загрязнения отходами в мегаполисах мира. С 2010 г. по настоящее время отрасль отходов претерпела ряд преобра-

зований. Основными схемами утилизации остались полигоны, мусоросжигающие заводы (далее-МСЗ), медленно развивается сектор переработки (не превышает 10% к 2018 году по разным источникам)¹. С 2014 произведена коррекция полномочий органов власти (задача по решению проблемы мусора переведена с муниципального уровня на региональный); определены параметры расчёта и уплаты экологического сбора, а также определяется порядок расходования средств экологического сбора, поступивших в федеральный бюджет². Появился региональный оператор и единая программа учета, которая начинает «синхронизировать» различные цепочки цикла переработки и утилизации ТКО, что повышает стоимость утилизации ТКО и создает экономический ресурс для появления отрасли переработки. Инициаторами успешного раздельного сбора (покрывающего до 80%) города в малых и больших городах в регионах РФ являлись муниципалитет, активисты ТСЖ, бизнес и представители городской власти, активисты движений за РСО (Как превратить мусор..., 2018)³. Однако, существенно это пока еще не повлияло на распространение РСО как повсеместной нормы в крупных городах и мегаполисах РФ.

Практики РСО у россиян показали, что динамика на 2019 год мало изменилась – отходы сортируют только 7-9% населения России, как и в 2012 году по данным 2017, и только с введением урн для раздельного сбора в России достиг 27% в 2019 в некоторых регионах⁴. В качестве

¹ Доклад Министерства экологии, 2019 URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklad_y/ (дата обращения: 14.01.2021).

² Доклад Министерства экологии, 2019 URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklad_y/ (дата обращения: 14.01.2021).

³ Zero waste Principles. URL: PlanningManagement/ZeroWastePrinciplesandPractices.aspx (дата обращения: 24.09.2020).

⁴ ВЦИОМ: каждый четвертый россиянин сортирует бытовой мусор, 2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5984181> (дата обращения: 14.01.2021).

причин отказа от сортировки респонденты приводили внешние условия «в месте моего проживания нет инфраструктуры для сортировки отходов» – 69% респондентов, 20% не знают, как осуществлять сортировку отходов, 11% сослались на нехватку времени. Исследование ученых из ВШЭ (Шабанова, 2019) показало, что группа намеренных в ближайшие годы 19%, и вместе с желанием продолжить участвовать в РСО составила 29%. Основная же часть россиян(68%), согласно данному исследованию, не участвовала и в ближайшие год-два и не собирается делать это (индифферентные). Основные стимулы к сортировке, выделенные в исследованиях, одинаковы – наличие контейнеров, уверенность в том, что рассортированные отходы пройдут вторичную переработку (26%), своевременно вывезены (19%), доставку отходов в специальные пункты (17%), а также наличие о РСО (16%). В марте 2017 года «Гринпис»⁵ указали, что из 73,7 млн. человек доступ к инфраструктуре РСО имеют 6,8 млн. (9,2%) горожан. Количество контейнеров на душу населения – важное звено, однако еще не является гарантией того, что они будут использоваться.

Группа Всемирного банка (2008 г.) отмечает, что экологические проблемы не очень важны для россиян и мало влияют на их экологические привычки, россияне экологичны только тогда, когда это не требует больших усилий, в целом у россиян «недостаточно знаний, чтобы предвидеть вред, который они приносят окружающей среде, и его последствия; более того, в их сознании существует стереотип о неисчерпаемых природных ресурсах».

Методология и методы (Methodology and methods). Предыдущие исследования иллюстрируют необходимость подроб-

⁵ Опрос Greenpeace, 2017. Где в России удобно сортировать отходы раздельно? URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2020/03/12/rejting-greenpeace-kazhdyy-tretij-zhitel-krupnogo-goroda-rossii-imet-dostup-k-razdelnomu-sboru/> (дата обращения: 14.01.2021).

нее изучить установки, мотивацию и действия по отношению к проблеме отходов. В социологии можно выделить два наиболее перспективных направления.

Во-первых, с позиций формирования единого эколого-политического пространства и ресурсосберегающих практик, которые изучались зарубежными социологами (Бек, 2000; Гидденс, 1994; Луман, 2004; Pahl-Wostl, 2009; Дульзон, Ушаков, Чубик, 2012). О важности снижения количества отходов через практики писали Д. Медоузы (Медоуз, 2007; Реймерс, 1992), а также О. Яницкий (Яницкий, 2011; 2018), М. В. Рыбакова (Рыбакова, 2009; Ермолаева П., Ермолаева Ю., 2019), В. Ильин (Ильин, 2005; Бодрийяр, 2006). Цепочку ресурсосберегающих практик населения можно представить, накладывая на жизненный цикл потребления продуктов, где наиболее приоритетно отказ от потребления и или выбор биоразлагаемых продуктов, а также продуктов, которые наносят наименьший вред окружающей среде, затем бережное использование продукта, а после использования – ответственная утилизация. Именно последний пункт самый важный: от того, насколько правильно разделяются отходы и чем больше их возвращается обратно в цикл, зависит сохранность природных ресурсов. Данное направление помогает нам разделить практики на *конструктивные* (экологичные) и *деструктивные*, эти типы мы будем использовать в терминологии исследования.

Во-вторых, с 70-х гг XX века теории экологически ориентированного поведения исследовали комплекс мотивации, экологически-ориентированных действий и ценностей, снижающих нагрузку на окружающую среду, за основу были положены принципы теории рационального выбора и бихевиоризма (Koger, Winter, 2010). Практики раздельного сбора отходов и других форм ресурсосберегающего поведения изучаются с помощью теорий запланированного поведения, объясняющую главенствующее влияние институтов и общества на формирование проэкологического поведе-

ния (TPB – Theory of Planned Behavior) (Ajzen, 1991), моделью нормативной активации, предусматривающей изменение поведение через рациональное переосмысление конструктивных и деконструктивных для природы практик в качестве личной выгоды для индивида (Swartz, 1977; 1994), моделью Value-Belief-Norm, которая исследует баланс между «эгоистическими» и «биосферическими» ценностями (Stern, 2000; 2005; Vining, 2002).

Данные концепции объединены тем, что они рассматривают ценности, нормы, личную ответственность и институциональный контроль, но различным образом объясняют путь следования к экологически ориентированному поведению (раздельному сбору, осознанному потреблению, экономии). Авторы теорий предполагают, что со стороны респондентов есть временные и ресурсные затраты, усилия, которые необходимо предпринять для совершения экологических действий, это не является «установкой по умолчанию» и ее возможно деконструировать. Рациональность и экономические факторы могут иметь определяющее влияние на проэкологическое поведение (Kollmuss, Agyeman, 2002). Так же теории описывают чувство ответственности индивидов за свои действия в качестве движущей силы поведения окружающей среды. Соизмерение личных норм (локус-контроль) и общественных, а также контроль со стороны общества позволяет корректировать поведение человека (потреблять то, что наносит меньший вред окружающей среде, разделять отходы). Предполагается, чем больше будет контроль со стороны экологических нормативом за индивидом и чем крепче укрепляются экологически – ориентированные нормы поведения, тем вероятнее они будут практиковаться, что возможно взять за основную гипотезу и оценить ее применимость исходя из суждений опрошенных граждан.

Исследования в области науки, технологий и общества показали, что технологическая структура формируют проэкологи-

ческое поведение, привычки и качество жизни человека, важно уделить внимание инфраструктуре РСО, энергосбережению, практикам домохозяйства, и технологии существенно упрощают внедрение эко-привычек (Latour, 1992, 1994; Akrich, Callon, 1986; Verbeek, 2008; Crocker, Lehmann, 2012). Важно учитывать понятие комфорта, который играет главную скрипку в проэкологическом поведении. Часто привычки людей, основанные на комфорте, были единственной движущей силой проэкологического поведения, даже в случае с эко-активистами (Shove, 2003; Chernovich, 2013).

Цель и предполагаемый результат данного исследования – дать описательно-диагностический обзор отношения граждан к проблеме отходов в России на материалах мини-интервью с гражданами.

Мини-интервью с гражданами было проведено по методу снежного кома ($n=170$) в 2018 г., половина из которых являлись мужчинами, половина женщинами, и поделены на три равных возрастных категории: от 18 до 25, от 25 до 45, от 46 до 60 лет. 47% респондентов имели высшее образование, 20 % являлись в момент опроса студентам, 2,3% аспирантами, 3% имели учченую степень, 6, 3 % имеют среднее специальное образование. Замужем (женаты) оказались 70% респондентов и 45% имели детей. Респонденты приблизительно поровну распределялись по Федеральным округам – Центральный, Северо-Западный, Южный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный. Вопросы включали формализованные и открытые формы ответов. Исследование ориентировано на решение следующих задач:

- воссоздать «конструкцию» знания того, что такое отходы в понимании граждан;

- проанализировать представление респондентов о расстановке действующих сил в управлении отходами, включая их личный вклад;

- проанализировать представление респондентов о том, каким образом можно решить проблему отходов в России (метод неоконченных предложений).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Личное влияние человека в проблеме образования отходов: теории Value-belief-Norm, Normal activation, theory of planned behavior.* В восприятии респондентов отходы воспринимаются с двоякой точки зрения. 70% придерживается значения «мусор, ненужное» (использованные вещи, упаковка, грязь, беспорядок, то, что загрязняет природу), болезнь цивилизации – 50%). И в то же время отходы – это сырье, вторресурсы (70%): «вторсырьё, позволяющее сберечь ресурсы планеты. В реальности это месиво из полезного и вредного, лежащее мёртвым грузом на полигонах», отходы – это «упущенная выгода» (10%): «отходы – это то, чем я отягощаю природу в обмен на своё удовольствие. А также ценный ресурс, который при надлежащем использовании может заменить добычу полезных ископаемых переработкой уже добывших».

Отходы воспринимаются как обезличенный процесс, при этом часты отсылки к глобальной экологической катастрофе, связанной с избыtkом потребления «символ неправильного образа жизни и глобально и системно неправильного подхода человека к деятельности, символ безответственности, проблема и возможности, которые кроются за этой проблемой», «раковая опухоль на планете Земля», «изобилие – иллюзия». В элементах концепции «ценности – убеждения – нормы» Value-belief-Norm есть три ценности, которые составляют исходное поведение – биосферические, альтруистические и эгоистические, которые составляют определенное соотношение. Также элементы анализа включают: 1) экологический кругозор; 2) просчет неблагоприятных последствий для значимых объектов, которые наделены ценностью; 3) поиск возможности предотвратить вред. Далее формируется комплекс «проэкологических» персональных норм, что описано

как чувство долга перед природой, переход к новому этапу качества жизни. 92% респондентов обозначили проблему отходов как проблему перепотребления, определяя ее в рамках недостатка экологического кругозора, что может сократить природные ресурсы и качество жизни (неблагоприятное последствие). Более экологически ориентированные респонденты, разделяющие отходы (30%) в выборке демонстрируют более широкий уровень кругозора о том, что такое РСО, и его расширенных функциях, связывая РСО с идеологией ответственного потребления, активисты РСО глубоко прорабатывают тему компостинга на даче и дома, минимизизации количества неперерабатываемых отходов. «*Не выбрасывать лишние продукты — значит их не покупать, а сортировать мусор раздельно значит брать продукты в такой упаковке, которую можно переработать*», знать о том, какие виды отходов я могу производить. Возможность возвращать то, что может быть использовано повторно, в производственный цикл. Способ исправить ошибки неразумного хозяйствования в прошлом и уменьшить текущий ущерб от людской деятельности. Способ реализовать предназначение Человека как охранителя и преумножителя прекрасного в мире».

Личное влияние (просчет неблагоприятных действий для природы) так же двусторонне. Фиксируется собственное негативное влияние: «неправильно сортирую, выбрасываю в один бак», «имею машину», «выкидываю мусор и уже этим наношу вред». Однако респонденты перечисляют и то, как они могут позитивно влиять на проблему: «практикую действия, которые минимизируют вред для окружающей среды», «меньше потреблять, разделять отходы». Не задумывались о влиянии отходов никогда в жизни только 8% респондентов «есть проблемы/дела поважнее/этим должны заниматься экологи»).

Данные интервью показывают, что даже при присутствующем знании того, что такие отходы (экологический кругозор), их экологическое влияние и возможности ми-

нимизации вреда не гарантируют совершение действия, т.е. в установках-объяснениях превалируют «эгоистические» ценности, а не биосферические или альтруистические. Для тех опрошенных, которые не практикуют РСО необходим некий другой критерий, в данном случае обозначенный как наличие инфраструктуры, удобство, экономическая рентабельность, играющий главную роль как компонент эгоистических ценностей, что подтверждено западными исследованиями (Hansla, Gamble, Juliusson, Gärling, 2008). В интервью звучало несколько важных дилемм:

- *апелляция в личный вклад каждого* (условие, где должны участвовать все люди) «Личное влияние на загрязнение отходами окружающей среды состоит в отношении к самому себе, а также готовности брать ответственность за свою жизнь».

- *апелляция во влияние другого* (есть все, человечество, общества), которое может как помочь человеку поступать правильно, так, как и свети его конструктивные и экологичные действия на «нет».

При выборе главной стратегии поведения (деконструктивной или конструктивной по отношению к природе) оказалась проблема рационального выбора, которая сводится к понятию комфорта, которое необходимо раскрыть содержательно. Группа западных ученых (Barr, Gilg, Ford, 2001; Guagnano, Stern, Dietz, 1995) анализировала связи между экологическими намерениями и практиками, подчеркивая, что к одному и тому же действию могут приводить совершенно разные намерения – в данном случае экологически активных граждан важна сохранность природы и улучшения качества жизни, или влияние референтной группы. Отходы человек сортирует сам, сдает только в те компании, которые занимаются переработкой или являются поставщиками переработчиков, признавая за собой урон, наносимый ОС, стремиться его минимизировать (Stern, Dietz, Abel, Guagnano, Kalof, 1999; Meyer, 1987). Индивид находится в гармонии в отношении по-

зий знания и действия, готов к взаимодействию с различными структурами: «личная ответственность каждого, культуры, в которой «Я» не становится главным и собственный комфорт не единственный и не главный критерий в жизни. Ответственное отношение не только к тому, что мы выбрасываем, но и как логическое следствие – к тому, что мы покупаем/создаем». Эта позиция может быть характерна для 7-10% населения, которая практикует РСО (в нашей выборке – 30%, во ВЦМОМ – до 27%). «Каждый человек может выбирать. Можно быть инертным, а можноходить в магазины с эко сумками, покупать в собственную тару продукцию, не пользоваться одноразовой посудой».

Для других рационально не менять нынешнего положения, принимая во внимание ресурсные и временные затраты.

Согласно теории активации нормы, конструктивное экологическое поведение формируется тогда, когда выполняются следующие условия: присутствует чувство обеспокоенности экологической проблемой (awareness of the environmental problem), чувство личной причастности к ее возникновению (awareness of behavioral relevance) и осознание своих возможностей изменить ситуацию (awareness of abilities) (Schwartz, 1977). По результатам интервью, «условия успеха формирования эко-привычек» не соблюдаются: реально обеспокоены проблемами отходов люди, которые уже практикуют РСО, остальные распределяют ответственность между собой и обществом, не видят возможностей изменить ситуацию, у них не появляется чувство долга.

Теория запланированного поведения (theory of planned behavior) (Ajzen, 1991) уделяет внимание контролю общественных институтов и помогает прояснить влияния локус контроля и роль общества. Согласно ей, поведенческие установки (normative beliefs) – это осознание, что существуют общественные нормы (например, РСО не обязателен и не повсеместно не распространен, или наоборот, обязателен, и кон-

тролируется), которые закреплены разными формами общественного контроля (control beliefs) внешних и внутренних условий, которые могут содействовать или воспрепятствовать осуществлению экологически ориентированного поведения. И для тех, кто РСО практикует и для тех, кто не практикует, в качестве демотивирующего фактора присутствует проблема недоверия: это установки, основанные на негативных стереотипах, относящиеся к социальным институтам: властям, чиновникам, муниципалитету, НКО, волонтерам («они все равно не решают проблему», «их только прибыль интересует»); перекладывание ответственности «этую проблему должен решать кто – то другой», «бесполезность» действий в одиночестве», «есть проблемы важнее». Дополняющим фактором выступает отсутствие санкций со стороны управляющих органов за неосуществление РСО, что делает эту практику необязательной.

На данном этапе важно понять, какая инфраструктура РСО является удобной для граждан. По мнению респондентов, это модель цикличной экономики:

«Раздельный сбор отходов – это когда выброс каждого предмета – упаковки, использованной вещи и т.д. осуществляется в соответствии с возможностью использовать это вторично», «Глобально – это система обращения с отходами, при которой с учётом социальных, экономических и экологических факторов максимум сырья извлекается из отходов для последующего использования, а всё, что невозможно использовать, безопасно утилизируется (безопасно – для всей природы, а не только для человека)».

Теория «установки – поведение – контекст» (attitudes – behavior – context theory) (Stern, 1999; 2005), также, как и теория активации нормы, и теория запланированного поведения согласны в том, что поведение закрепляется вместе с адаптацией и принятием наиболее распространенных норм, и затем вторично изменяется под влиянием либо референтной группы (ближний и дальний круг, профессиональ-

ный круг, образ, виртуальный круг, круг активистов, реклама, «значимый другой»).

Социальная норма становится интегрируемой индивидом, проходя повторяющийся цикл социальных взаимодействий. 16% респондентов вдохновил пример ближнего круга общения, а желание сделать мир чище и знание о вреде отходов для окружающей среды – 76,3%, знание о том, какую экономическую выгоду может принести переработка мотивирующими выбрало 44%, что является первостепенным в выборе личных выгод при формировании новой стратегии поведения.

На данном этапе снова раскрывается понятие *комфорта*. Для разделяющих, комфорт – это порядок, знаний о чистоте, самоответственности. «*Мой мир стал более удобным и комфортным, при этом множество [купленных] вещей переходит в разряд отходов. Вспоминается время СССР, когда мы, будучи пионерами, собирали макулатуру, металлом, было весело и полезно. В обмен на стеклотару продавали молочные продукты. Растительное масло продавалось в стекле. Стеклянную тару принимали за деньги и все с радостью обменивали пустые бутылки на деньги*».

Тем, кто отходы не разделяет, задавался вопрос о том, что их демотивирует:

- отсутствие подходящей инфраструктуры для раздельного сбора – 71%;
- отсутствие внятных инструкций, информации о проблеме отходов – 28,3%;
- недостаток времени – 20,8%.

Теории VBN и NAM подразумевают, что на стадии про-экологической реконструкции норм он становится или выходом из зоны комфорта (тогда стимулом может быть сознательное убеждение приношение пользы и минимизация вреда для себя и ОС, чтобы компенсировать дискомфорт) и обретением новой зоны комфорта (конструктивные действия, чистая окружающая среда, хорошее качество жизни). Оценка в

рамках теории NAM сходится в восприятии и переживания разных зон комфорта, их сравнении, и затем выборе той или иной стратегии поведения. Для этой группы респондентов был задан отдельный вопрос «Что могло бы мотивировать Вас практиковать раздельный сбор»:

- повсеместное удобство, понятные инструкции – 60,4%;
- экономический стимул – 58,5%;
- улучшение качества окружающей среды – 39,6%;
- личный пример друга/знакомого – 9,4%.

Пока улучшение качества окружающей среды не будет главным стимулом к РСО, мотивация будет носить характер ситуативного выбора. Если элементы рационализации ставят во главе экологический комфорт (свой и ОС), то принципы рационализации меняются в сторону экологически ориентированного сознания.

Причины неэффективного обращения с отходами в РФ и конструктивные предложения населения. В ответе на незаконченное предложение «Если бы я принимал решения по формированию политики обращения с отходами, в первую очередь я бы...» и «причиной неэффективного обращения с отходами и загрязнениями в РФ?» объединены и выделены уровни (макро – уровень государства, мезо – уровень институтов, микро – личностный уровень). Вопросы подразумевают выделения проблемных ниш, которые респонденты видят основным препятствием в рациональном обращении с отходами. Основными проблемными мишенями выделяются респондентами в образе правительства и населения, представляющую, по словам респондентов, некую апатичную структуру, и этим противодействующую политике экологически – ориентированного образа жизни, подобные примеры есть и в западных исследованиях (Davies, Frances, Rau, Pape, 2010).

Таблица

Проблемные ниши обращения с отходами в России и предложения населения

Table

Problematic niches of waste management in Russia and proposals of the population

Причины неэффективного обращения с отходами	Действия, которые необходимо предпринять
<i>Макро (государство)</i>	
недостаток мотивации со стороны государства - культура - незнание - пассивность - безнаказанность структур ТКО - нет экономических стимулов - информации - технических мощностей - нежелание наладить систему - избыток – коррупция, неопределенность, безнаказанность - стагнация – устоявшийся менталитет - незнание, невежество, «малообразованность» (в первую очередь, населения, государственных деятелей), незнание последствий, которые влекут за собой избыточные отходы; - нежелание (населения, чиновников) способствовать раздельному сбору, политике качественной утилизации отходов; - бездействие, равнодушие, лень, отсутствие интереса к проблеме у населения и чиновников; - рассогласование интересов между мусороперерабатывающей отраслью, населением, властью; - коррупция	<i>Техническая подсистема:</i> Создание инфраструктуры и иерархии, smart технологии <i>Организационная подсистема:</i> Создание профильного единого органа, внедрение МПЗ <i>Общественная подсистема:</i> Экспертная комиссия при органах, информационная работа с населением <i>Правовая подсистема</i> (законодательство -> просвещение -> реализация с помощью экономических методов) упрощение бюрократических процедур, например, процедуры подтверждения класса опасности отходов уже определенной в ФККО, выработка комплекса мер по стимулированию внедрения раздельного сбора ТКО, санкции - реформирование старых предприятий, полигонов - обязательства для производителей - референдумы <i>Система образования:</i> и просвещения чиновников <i>Экономика:</i> налог на мусор <i>Информационная:</i> акции
<i>Мезо (институты)</i>	
- незаинтересованность муниципалитета, ТСЖ	- организация региональных исследований с выявлением специфики проблем утилизации отходов - работа с муниципалитетом, двором
<i>Микро (личные практики)</i>	
- отсутствие ответственности - отсутствие мотивации, стимула	- создание мотивации - масштабируемость своего примера (для активистов)

Респондентами вносились следующие предложения:

- 1) Поставить контейнеры во дворах по договоренности с ТСЖ;
- 2) Сделать Пункты приема вторсырья, которые платят гражданам;
- 3) Удорожание излишней упаковки (бесплатные пакетики и пр.), налог на производителей, использующих излишки упаковки;
- 4) Поощрение переработчиков вторсырья со стороны государства. (Налоговые льготы, кредиты под очень низкие проценты...).

Заключение (Conclusions). В данном исследовании важно было оценить триггерное ядро комплекса мотивации применимо к РСО. В призме теории запланированного поведения в исследуемом материале обозначено смещение локус контроля большинства не практикующих РСО в сторону общества и институтов, а также недоверие к тем же институтам, при этом роль социальной группы как определяющей экологическое поведение нормы не так значима, поскольку высок уровень индивидуализма в принятии решений (выгодно/невыгодно). Респонденты хорошо представляют себе уровень проблем и белых пятен, характерных для отрасли обращения с отходами с точки зрения государственной и институциональной политики, однако личностное влияние описывают как недостаток мотивации, санкций, но при этом недовольны «неудобными» нововведениями (баками РСО, технологической инфраструктурой РСО, коммунальными платежами).

Исследование показало исчерпывающий уровень осведомленности о проблеме отходов, однако, при рассмотрении мотивирующих установок, баланс ценностей, согласно теориям VBN, смещается к «эгоистическим», снова аппелируя к тому, что необходим «общественное вовлечение». Нет такого важного элемента как комплементарность (удовлетворение личных и групповых интересов) посредством экологических практик и охраны окружающей

среды. Влияние комфорта и технической инфраструктуры выявлено первостепенным для деконструкции российских установок, но для разных категорий (конструктивных практик и деконструктивных) комфорт – комплекс представляется разным. Для разделяющих отходы комфорт – желание чистого будущего для себя, близких, природы (баланс личных, общественных, витальных ценностей, описанной VBN) и предполагает долговременный просчет ежедневных комплексных действий, направленных на защиту окружающей среды, а также более глубокую мотивацию. Для тех, кто отходы не разделяет или делает это от случая к случаю, комфорт определяется как условие - наличие инфраструктуры, экономическая выгода, подходящий коммунальный тариф, меньшие временные или трудовые затраты. Респондент вправе посчитать себя недостаточно «мотивированным» к РСО, если эти условия не выполняются. В данном случае действует классическая схема формирования рационального действия с расчетом затрат и выгод, описанная в теории активации нормы (NAM).

В качестве основных решений для продвижения конструктивных практик являются: нейтрализация деструктивных решений, поощрение жизнеспособных в среде элементов – практик, формирование условий, благоприятных для социального участия и кооперации с НКО, бизнесом и государством (Macnaghten, 2003), а главное – переосмысление понятия комфорта. Возможна двойная реконфигурация: социальные практики задают направление социальным процессам, или же, когда изменяется один из факторов, составляющих процесс (культурный, технологический, социальный и т. д.) меняются практики. Необходимо уделять значительное влияние контексту (уровень финансовой обеспеченности и технологический уровень развития инфраструктуры, от которых зависит степень возможности реализации разных по сложности практик, существующую систему санкций и поощрений, влияющих на

рационализацию процесса), обеспечив должные уровни «комфорта», характерных для разных категорий граждан.

Список литературы

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, Культурная Революция. Серия: Мыслители XX века, 2006.

Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. № 5. С. 107-134.

Дульzon А. А., Ушаков В. Я., Чубик П. С. Ресурсоэффективность – основа устойчивого развития цивилизации // Известия Томского политехнического университета. 2012. № 6. С. 39-43.

Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В. Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 323-346.

Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. Т. 14, № 2. С. 3-40.

Как превратить мусор в пользу? Раздельные сбор отходов в России: лучшие практики. М., 2018. 128 с.

Луман Н. Общество общества. Часть I. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.

Медоуз Д. и др. Пределы роста. 30 лет спустя = Limits to growth. The 30-year update. М.: Академкнига, 2007. 342 с.

Реймерс Н. Ф. Охрана природы и окружающей человека среды. Словарь-справочник. М.: Просвещение, 1992. 319 с.

Рыбакова М. В. Социально-экологическая система в городских экологических практиках // Вестник Университета государственного и муниципального управления. 2009. № 8. С. 129-135.

Рыбакова М. В. Экологические практики в социокультурном контексте [Текст]: монография. М., 2008. 216 с.

Шабанова М. А. Раздельный сбор бытовых отходов в России: уровень, факторы и потенциал включения населения // Мир России. 2019. Т. 28, № 3. С. 88-112. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-88-112.

Яницкий О. Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспективы. М., 2011.

Яницкий О. Н. Отходы как предмет междисциплинарного анализа // Официальный портал ФНИСЦ РАН. 2018. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5867> (дата обращения: 14.01.2021).

Akrich M. The De-Description of Technical Objects in Bijker & Law Shaping Technology // Building Society: Studies in Sociotechnical Change. Cambridge, Mass, 1992.

Ajzen I. The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50, №. 2. Pp. 179-211. DOI: 10.1016/0749-5978(91)90020-t.

Chernovich E. Technology and pro-environmental behavior in urban households: how technologies mediate domestic routines // Working papers. 2013. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/10/09/1280336516/18STI2013.pdf>

Crocker R., Lehmann S. Conclusion: The culture and politics of zero waste – looking ahead // Designing for Zero Waste – Consumption, Technologies and the Built Environment. Earthscan: London, UK, 2012. Pp. 385-393.

Davies A., Frances F., Rau H., Pape J. Sustainable consumption and governance: Reflecting on a research agenda for Ireland // Irish Geography. 2010. Vol. 43 (1). Pp. 59-79.

Hansla A., Gamble A., Juliusson A., Gärbling T. The relationships between awareness of consequences, environmental concern, and value orientations // Journal of Environmental Psychology. 2008. Vol. 28, № 1. Pp. 1-9.

Koger S., Winter D. N. The Psychology of Environmental Problems. New York: Psychology Press, 2010.

Kollmuss A., Agyeman J. Mind the gap: why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior? // Environmental Education Research. 2002. Vol. 8, № 3. Pp. 239-260.

Macnaghten P. Embodying the environment in everyday life practices // The Sociological Review. 2003. Vol. 51, № 1. Pp. 63-84. DOI: 10.1111/1467-954X.00408.

Meyer G. Waste Recycling as a Livelihood in the Informal Sector – The Example of Refuse Collectors in Cairo // Applied Geography and Development. 1987. № 30. Pp. 78-94.

Latour B. Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Pahl-Wostl C. A conceptual framework for analysing adaptive capacity and multi-level learning processes in resource governance regimes // Global Environmental Change. 2009. № 19. Pp. 354-365.

Schwartz S. H. Normative influences on altruism // Advances in Experimental Social Psychology. 1997. Vol. 10, № 1. Pp. 221-279. DOI: 10.1016/s0065-2601(08)60358-5.

Schwartz S. H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50 (4). Pp. 19-45.

Schwartz S. H. Normative influences on altruism // Advances in Experimental Social Psychology. 1977. Vol. 10. Pp. 221-279.

Shove E. Converging Convention of comfort, cleanliness and convenience // Journal of Consumer policy. 2003. № 26. Pp. 395-418.

Stern P. C. Understanding individuals' environmentally significant behavior. // Environmental Law Reporter: News and Analysis. 2005. Vol. 35. Pp. 10785-10790.

Stern P. C. Information, incentives and pro-environmental consumer behavior // Journal of Consumer Policy. 1999. Vol. 22. Pp. 461-468.

Stern P. C. New environmental theories: toward a coherent theory of environmentally significant behavior // Journal of social issues. 2000. Vol. 56 (3). Pp. 407-424.

Stern P. C., Dietz T., Abel T., Guagnano G. A., Kalof L. A value-belief-norm theory of support for social movements: The case of environmentalism // Human ecology review. 1999. Vol. 6 (2). Pp. 81-98.

Stern P. C. Understanding individuals' environmentally significant behavior. // Environmental Law Reporter: News and Analysis. 2005. Vol. 35. Pp. 10785-10790.

Vining, J., Ebreyo, A. Predicting recycling behavior from global and specific environmental attitudes and changes in recycling opportunities // Journal of Applied Social Psychology. 2002. № 22. Pp. 1580-1607.

References

Bek, U. (2000), *Risk Society. On the way to another modernity*, Progress-Traditsiya, Moscow, Russia. (in Russian)

Bodriyyar, Z. H. (2006), *Consumer Society*, Respublika, Kul'turnaya Revolyutsiya, Moscow, Russia. (in Russian)

Giddens, E. (1994), "Fate, Risk and Security", *Thesis*, (5), 107-134. (in Russian)

Dul'zon, A. A., Ushakov, V. Ya. and Chubik, P. S. (2012), "Resource efficiency – the basis for sustainable development of civilization", *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, (6), 39-43. (in Russian)

Yermolayeva, P. O. and Yermolayeva, Yu. V. (2019), "Critical analysis of foreign theories of ecological behavior", *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, (4), 323-346. (in Russian)

Il'in, V. I. (2005), "Consumer society: theoretical model and Russian reality", *Mir Rossii*, 14 (2), 3-40. (in Russian)

"How to turn garbage into a benefit?" (2018), *Separate waste collection in Russia: best practices*, Moscow, Russia. (in Russian)

Luman, N. (2004), *Society of Society, Part I. Society as a social system*, Logos, Moscow, Russia. (in Russian)

Medouz, D. (2007), *Limits to growth. The 30-year update*, Akademkniga, Moscow, Russia. (in Russian)

Reymers, N. F. (1992), *Conservation of nature and the environment*. Reference dictionary, Prosveshchenie, Moscow, Russia. (in Russian)

Rybakova, M. V. (2009), "Socio-ecological system in urban ecological practices", *Vestnik Universiteta gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, (8), 129-135. (in Russian)

Rybakova, M. V. (2008), *Environmental practices in a socio-cultural context*, Moscow, Russia. (in Russian)

Shabanova, M. A. (2019), "Separate collection of household waste in Russia: level, factors and potential for inclusion of the population", *Mir Rossii*, 28 (3), 88-112. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-3-88-112 (in Russian)

Yanitskiy, O. N. (2011), *Eco-modernization of Russia: theory, practice, prospects*, Moscow, Russia. (in Russian)

Yanitskiy, O. N. (2018), "Waste as a subject of interdisciplinary analysis" available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5867> (Accessed 14 January 2021). (in Russian)

Akrich, M. (1992), "The De-Description of Technical Objects in Bijker & Law Shaping Technology", *Building Society: Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Mass., USA.

Ajzen, I. (1991), "The theory of planned behavior", *Organizational Behavior and Human*

Decision Processes, 50 (2), 179-211. DOI: 10.1016/0749-5978(91)90020-t.

Chernovich, E. (2013), "Technology and pro-environmental behavior in urban households: how technologies mediate domestic routines", *Working papers*, available at: <https://www.hse.ru/data/2013/10/09/1280336516/18STI2013.pdf> (Accessed 14 January 2021)

Crocker, R. and Lehmann, S. (2012), "Conclusion: The culture and politics of zero waste – looking ahead", *Designing for Zero Waste – Consumption, Technologies and the Built Environment*, Earthscan, London, UK, 385-393.

Davies, A., Frances, F., Rau, H. and Pape, J. (2010), "Sustainable consumption and governance: Reflecting on a research agenda for Ireland", *Irish Geography*, 43 (1), 59-79.

Hansla, A., Gamble, A., Juliusson, A. and Gärling, T. (2008), "The relationships between awareness of consequences, environmental concern, and value orientations", *Journal of Environmental Psychology*, 28 (1), 1-9.

Koger, S. and Winter, D. N. (2010), *The Psychology of Environmental Problems*, Psychology Press, New York, USA.

Kollmuss, A. and Agyeman, J. (2002), "Mind the gap: why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior?", *Environmental Education Research*, 8 (3), 239-260.

Macnaghten, P. (2003), "Embodying the environment in everyday life practices", *The Sociological Review*, 51 (1), 63-84. DOI: 10.1111/1467-954X.00408.

Meyer, G. (1987), "Waste Recycling as a Livelihood in the Informal Sector- The Example of Refuse Collectors in Cairo", *Applied Geography and Development*, (30), 78-94.

Latour, B. (2005), *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Pahl-Wostl, C. (2009), "A conceptual framework for analysing adaptive capacity and multi- level learning processes in resource governance regimes", *Global Environmental Change*, (19), 354-365.

Schwartz, S. H. (1997), "Normative influences on altruism", *Advances in Experimental Social Psychology*, 10 (1), 221-279. DOI: 10.1016/s0065-2601(08)60358-5.

Schwartz, S. H. (1994), "Are there universal aspects in the structure and contents of human values?", *Journal of Social Issues*, 50 (4), 19-45.

Schwartz, S. H. (1977), "Normative influences on altruism", *Advances in Experimental Social Psychology*, 10, 221-279.

Shove, E. (2003), "Converging Convention of comfort, cleanliness and convenience", *Journal of Consumer policy*, (26), 395-418.

Stern, P. C. (2005), "Understanding individuals' environmentally significant behavior", *Environmental Law Reporter: News and Analysis*, 35, 10785-10790.

Stern, P. C. (1999), "Information, incentives and pro-environmental consumer behavior", *Journal of Consumer Policy*, 22, 461-468.

Stern, P. C. (2000), "New environmental theories: toward a coherent theory of environmentally significant behavior", *Journal of social issues*, 56 (3), 407-424.

Stern, P. C., Dietz, T., Abel, T., Guagnano, G. A. and Kalof, L. (1999), "A value-belief-norm theory of support for social movements: The case of environmentalism", *Human ecology review*, 6 (2), 81-98.

Stern, P. C. (2005), "Understanding individuals' environmentally significant behavior", *Environmental Law Reporter: News and Analysis*, 35, 10785-10790.

Vining, J. and Ebreo, A. (2002), "Predicting recycling behavior from global and specific environmental attitudes and changes in recycling opportunities", *Journal of Applied Social Psychology*, (22), 1580-1607.

Статья поступила в редакцию 01 марта 2020 г. Поступила после доработки 7 февраля 2021 г. Принята к печати 01 марта 2021 г.

Received 01 March 2020. Revised 07 Ноября 2021. Accepted 01 March 2021.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Ермолаева Юлия Вячеславовна, научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва Россия.

Julia V. Ermolaeva, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-9

Original article

Vanya Ivanova

**Initial Impact of COVID-19 on the Professional Trajectories
of Highly Qualified Bulgarians**

Institute of Ethnology and Folklore Studies with Ethnographic Museum,
Bulgarian Academy of Sciences (IEFSEM – BAS)
1000, 6A Moskovska St., Sofia, Bulgaria
vanya.ivanova@iefem.bas.bg

Abstract. Within the context of COVID-19 globally affecting labour migrants and observed return tendencies in different places all over the world, the article addresses three main questions, focused on the impact of the pandemic on the professional trajectories of highly qualified mobile Bulgarians living in different countries in the European Union and beyond: (1) How the pandemic influenced the daily professional routine of the respondents? (2) Whether the pandemic made the respondents think of returning to Bulgaria? (3) Whether the pandemic made the respondents change their current job or made them think of professional change? The virtual ethnographic research was performed with a small number of respondents as an initial step of exploring and reflecting on a two-fold hypothesis, e.g. building up on previous observations of the highly qualified mobility dynamics, in comparison with the impact of the Global Economic Crisis from 2008, the article explores whether the pandemic of COVID-19 provokes further movements in professional trajectories of the respondents and potential intentions to return to the country of origin considering the changes in the daily routine and possible interruptions of their professional realization and developments.

Keywords: highly qualified; COVID-19; Bulgaria; professional trajectories; return; migration

Information for citation: Ivanova V. (2021), “Initial Impact of COVID-19 on the Professional Trajectories of Highly Qualified Bulgarians”, Research Result. Sociology and management, 7 (1), 117-127, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-9

Оригинальная статья

Иванова В.

**Первоначальное влияние COVID-19 на профессиональные
траектории высококвалифицированных болгар**

Болгарская академия наук
Институт этнологии и фольклора с Этнографическим музеем
1000, Болгария, София, ул. Московска 6А
vanya.ivanova@iefem.bas.bg

Аннотация: В контексте глобального воздействия COVID-19 на трудовых мигрантов и наблюдающихся тенденций возвращения трудовых мигрантов во всем мире в статье рассматриваются три основных вопроса,

посвященных влиянию пандемии на профессиональные траектории высококвалифицированных мобильных болгарских граждан, проживающих в разных странах Европейского Союза и за его пределами: (1) Как пандемия повлияла на повседневную работу респондентов? (2) Заставила ли пандемия респондентов задуматься о возвращении в Болгарию? (3) Вынудила ли пандемия респондентов сменить текущую работу или заставила задуматься о смене профессии? Виртуальное этнографическое исследование было проведено с небольшим количеством респондентов в качестве начального шага изучения и размыщления над гипотезой: основываясь на предыдущих наблюдениях за динамикой мобильности высококвалифицированных специалистов во время глобального экономического кризиса 2008 года, в статье исследуются вопросы вызывает ли пандемия COVID-19 дальнейшие изменения в профессиональных траекториях респондентов и потенциальные намерения вернуться в страну происхождения с учетом изменений в повседневной жизни и возможных перерывов в их профессиональной реализации и развитии.

Ключевые слова: высококвалифицированный мигрант; COVID-19; Болгария; профессиональные траектории; возвращение; миграция

Информация для цитирования: Иванова В. Первоначальное влияние COVID-19 на профессиональные траектории высококвалифицированных болгар // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 117-127. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-9

Introduction. The World Health Organization declares COVID-19 a pandemic on 11th of March 2020. By April 2020, more than 120 countries close their borders. In the end of April 2020, 68% of the world's workers live in countries „with recommended or required workplace closures, raising the prospect of massive job losses”, an estimation done by International Labour Organization¹. Thus, the COVID-19 pandemic leads to a global economic recession (Bondarenko 2020, Grigoryev, Pavlyushina, Muzychenko, 2020). Researchers immediately start surveying and observing the global economic crisis in various aspects, including the impacts on the global labour migration and the influence of the pandemic on the remittance flows of migrant workers – back to their countries of origin or to remittance recipient countries (Bondarenko, 2020). Bulgaria is one example of such country, researched by K. Bondarenko (2020) and classified by the World Bank

as “low- and middle- income country” with low dependency on remittances, with the EU and USA being the largest senders (*Ibid*, 11) and one of the three most dependent countries from international remittances in 2019 within the European Union².

Labour migrants are considered to be within the most impacted groups, as they are concentrated in industries that are highly affected by pandemic, like tourism, public catering, retail, transportation and logistics, construction and manufacturing, agriculture (Kartseva, Kuznetsova, 2020; Mukomel, 2020). In the last year, migrant workers in different sectors who were not that visible before, are recognized as “essential workers”, “key workers”, “working in critically affected areas”, being on the “front line”, etc. – delivery drivers, food producers, and supermarket staff (Gamlan, 2020; Meer, Villegas, 2020; Rupani, et.al. 2020). In a discussion paper, Fasani and Mazza (2020) present the largest

¹UNDP (2020), “Human Mobility, Shared Opportunities. A Review of the 2009 Human Development Report and the Way Ahead”.

² The other two being Croatia and Latvia, available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Personal_remittances_statistics (Accessed 28 February 2021).

five categories of key workers in the EU being: teaching professionals (14,5%), skilled agricultural workers (11,9%), science and engineering associate professionals (11,1%), personal care workers (10,3%) and cleaners and helpers (9,9%). In regards to qualifications, the emerging key workers in the crisis situation are highly skilled (doctors or medical researchers) and low skilled (refuse workers or drivers) (*Ibid*, 2020). Another study, revealing the impact during the first lockdown in Germany, shows that low-wage workers are heavily affected by leave and job loss, while highly qualified employees are able to work from home (Möhring, et. al., 2020). For many migrants the loss of job means loss of legal status as well as access to services.

Another important impact of the COVID-19 pandemic on international migration is the return movements to the countries of origin. On 23rd of March 2020, only 10 days after the announced state of emergency in Bulgaria (13th of March 2020), newspaper titles in Bulgaria indicate a huge numbers of return, such as “23 000 only for the last 24 hours”, quoting publicly announced data by prof. Ventzislav Mutafchiiski, the head of the Operation office coordinating the COVID-19 crisis in Bulgaria (*Nova.bg*, 23rd of March 2020). Based on the same sources of information, the newspapers summed up the approximate number of returnees from the beginning of March up to 23rd of March, to be around 200 000³.

³ MASS RETURN: 200,000 Bulgarians have returned to Bulgaria in recent weeks, available at: [https://nova.bg/news/view/2020/03/23/282467%D0%BC%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5-200-000-%D0%B1%D1%8A%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B8-%D1%81%D0%B5-%D0%B2%D1%8A%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B7-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5-%D1%81%D0%B5%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D1%86%D0%B8/](https://nova.bg/news/view/2020/03/23/282467%D0%BC%D0%B0%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%BE-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5-200-000-%D0%B1%D1%8A%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B8-%D1%81%D0%B5-%D0%B2%D1%8A%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%85%D0%B0-%D0%B2-%D0%B1%D1%8A%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B7-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5-%D1%81%D0%B5%D0%B4%D0%BC%D0%B8%D1%86%D0%B8/) (Accessed 28 February 2021).

Within this context of globally affected labour migrants and return tendencies, I would like to situate my research and further explore the professional trajectories of highly qualified mobile Bulgarians in three aspects – (1) the impact of COVID-19 on the professional trajectories of highly qualified people, (2) their potential intentions to return to Bulgaria and (3) to what extent and in what ways their work routines are affected.

Methodology and methods. In the focus of this article are the highly qualified mobile Bulgarians who live in different countries around the world – in Europe (Germany, Malta, the Netherlands, Sweden, United Kingdom) and beyond (USA, Canada, Qatar). The time span of their life abroad is from 4 to 22 years, some of them have already become citizens of the destination country, others are in a procedure to acquire citizenship or have acquired permanent residency status, and there is one respondent with dual citizenship, having the foreign one from a country, which is not the current destination country. There also are people, who live in another member state of the European Union, and say that their Bulgarian citizenship is enough for them for the time being, in terms of mobility and needed rights. The common denominator for all these Bulgarians is that they are highly qualified. In this article I will use the term “highly qualified” instead of “highly skilled”, because they have completed a university degree either in their country of origin (Bulgaria) or in the destination country, or in another country where they have lived before going to their current country. The respondents for the study have different backgrounds and are currently employed in different sectors (academia, IT, tax, pharmaceuticals, library, research and PR).

As a researcher, dealing with different aspects of highly qualified migration and mobility of Bulgarian citizens abroad (Ivanova, 2015a; Ivanova, 2015b), the pandemic of COVID-19 and the lockdowns around the world provoked me to address these highly qualified Bulgarians and explore the impact of the pandemic on their professional trajectories and possible intentions to return to Bul-

garia. The ethnographic virtual study was done in April – May 2020 via Internet, based on semi-structured interviews. To aspire deep and meaningful conversations and sincere answers, the people I selected to interview were people I knew from before and I have already established trustworthy connection with, based on personal or professional encounters. For the purpose of the study, I conducted single or multiple virtual interviews with some of the respondents, with others we have exchanged messages along the interviews, and with most of them the communication continues up to now. The interviews cover broader biographical aspects of the migration story of each of the respondents, but for this article I will focus on three main questions connected with the professional realization and possible professional changes, triggered by the pandemic:

- How the pandemic influenced the professional routine of the respondents?
- Whether the pandemic made the respondents think of returning to Bulgaria?
- Whether the pandemic made the respondents change their current job or made them think of professional change?

The virtual ethnographic research was done with a small number of respondents (ten), as an initial step of exploring a two-fold hypothesis as premises for a follow-up broader research. On one hand, building up on previous observations of the highly qualified mobility dynamics, I wanted to question whether the highly qualified intend to initiate a next step in their migratory and professional trajectories, being the first ones to move in a time of crisis (an observation made in previous studies in regards to the Global Economic Crisis from 2008 and its impact on the highly qualified migration (Cerna, 2010)) – I wanted to validate whether this tendency is also accurate in time of a health and social crisis, like it was during economic turmoil. The other aspect of this two-fold hypothesis, was exploring whether the pandemic could trigger movements among the highly qualified professionals of returning back to their country of

origin, to be closer to their families and relatives.

The limitations of this qualitative study are that (1) it is based on a limited number of respondents, (2) it is focused on the specific case of Bulgaria (all interviews are done in Bulgarian language with Bulgarian citizens, some of whom have dual citizenship at the time of the interviews) and (3) is limited to secondary sources and analyses in Bulgarian and English only – predominantly recent studies and reports, because the topic is very new, and there aren't many books yet available in English and Bulgarian. Nevertheless, the article's originality stands out in the chosen topic, approaching the specific group of the highly qualified professionals – analysing their experiences and perspectives in different contexts, in different countries around the world, representing different professional sectors, which brings a variety of approaches to the questions listed above. Thus, the professional multiperspectivity and the diverse multilocalities are another core lens of the article. The empirical material serves to induce some initial conclusions and trends for further research, and some of the stories are used to illustrate the terrain in the style of A. Favell and his book “Eurostars and Eurocities. Free movement and mobility in an integrating Europe”, where short stories are integrated along with the main analysis.

Research Results and Discussion. The results of the research are organized in three thematic analysis groups, based on the three main questions. Being an ethnographic study, the core of it is how the respondents describe and perceive the changes in their professional daily routine because of the pandemic and the lockdown, that is in place in all the countries mentioned in the research, when the interviews are conducted. The second aspect that is analysed is whether the COVID-19 crisis made the respondents think about / have intentions to return to Bulgaria and the third one – whether there is a need for job change or other professional possibilities in the times of pandemic.

I. Changes in the professional daily routine.

Several tendencies of changes in the daily routine are observed because of COVID-19, and particularly because of the lockdowns, and they could be summarized in the following way:

- From office to home office, without the need to make any changes in the professional trajectories, with or without COVID-19;
- From home office to home office, with no need to make any changes;
- From office to hybrid office / home office, and postponed professional changes because of the COVID-19 situation;
- From home office/freelance to home office/freelance, with many professional projects cancelled in the art sphere;
- From office to home office, with a contract that is finishing within the same year and in need to make a professional step forward, with COVID-19 making it more uncertain and difficult, depending on the country of residence.

The major difference for most of the highly qualified respondents is the fact that they moved from office work to home office or remote work. This change leads to increase of the workload because of the intense formal communication via email in place of the easy and quick on-site working meetings. It is also observed that this leads to decreasing the amount of content work, due to the increased communication.

Another major change in the daily routines is observed with the people who have to combine remote work and take care of their children at home. Several of the respondents explained that they have to finish their work early in the morning or in the evening when children are sleeping, and during the day to only attend important meetings and calls that cannot be postponed. Respondents observe that work quality was not negatively impacted, but the possibility of being with their children during the day is very rewarding.

A. leaves Bulgaria more than 20 years ago with a student visa and is now settled in

the USA. After finishing her education, she obtains a work visa through the company where she does her internship and gets her first labour contract. Currently, she is an American citizen and works in the tax unit of a US company with offices in 24 countries around the world and is satisfied with her professional development. After graduating, she has done only one major company change and works in her current company for 10 years now. She likes the flexibility in doing her job, the possibility to be involved in various activities of the company work as a tax expert and that there is just the senior vice president of tax above her in the corporate structure, which makes doing her work easier. She explains that not much has changed in terms of work content due to the lockdown, "the business is going on, most of our clients are on contracts. During the day I am trying to finish all that is needed, but I am also with the kids, so usually in the evening I do big amount of my working tasks". She does not have plans to return, but keeps and sustains intensive contacts with her family in Bulgaria. She sees the possibility to work from home as a chance to spend more time with her children – two little ones and a teenager. She is also satisfied with the purposeful efforts of her company to take care about the people during the lockdown – to regularly meet virtually with the team, even for some chat and drinking coffee together, to keep the connections alive and to sustain good relations among the people, as well as from a technical point of view, all employees got the possibility for a financial support for organizing their home office.

The focus on online communication and how it affects the actual work is part of the core change in the daily routine of another highly qualified Bulgarian. B. lives in Qatar for two years, where she works at the Qatar National Library and has a very interesting migration story. She leaves Bulgaria right after finishing her BA in Political Science and moves to Berlin to pursue her dream to study Egyptian studies, with a second major in Arabic studies. After working in various high qualified and high ranking positions, because

of her expertise in rare languages, she moves to work in the Oxford Library. There comes the opportunity for professional development in Qatar. She is a manager of a team dealing with Manuscripts and the archives in the library. At the time of the interview, their work has moved entirely from office to home, because the library is entirely closed for disinfection. The lack of direct contact with her colleagues slows down the work, along with the cancelation of many events that are organised on a regular basis. She does not have any plans to return to Bulgaria, but has intentions to move to a next destination, because of the cultural differences in the region and the fact that there are no possibilities for further professional growth. She explains “in reality 80% of my work I can do from home, except the direct work and consultation with the material”. She explains that the work quality also depends on the remote connection. “Everything is happening via e-mail, the workload increased immensely in that regard. There are days when I am doing only this – replying to emails from my team of five colleagues, without any content work”.

Moving from office to home office work could be challenging in terms of timetable, the intensity of work and the fact that the actual work had to become digital, as well as increasing the social responsibility in times of pandemic. A respondent who lives in London and is in the arts sphere explains:

“It was very difficult in the beginning, we are already working remotely from home for one and a half months. We all have been engaged digitally before the start of the pandemic and this helped us a lot. But after the beginning of the pandemic all our activities had to have a digital aspect, that was very difficult for the digital team, to do work that was not planned before and how to make our activities meaningful again, for example, we had a sale of photographs and to make it more meaningful during the pandemic, it was decided that part of the money gathered will be donated to Doctors without borders, so this sale has a higher purpose, beside the financial one. The intensity of the work is the

same, maybe be even more, because after supporting the digital team, now I support the educational one, because we have a new product for online trainings/workshops. These products were part of the work plan for the next two years and now we have to realize them in days, and this is very intense. What changed in my daily routine is that I don't have a strict start and finish of the working day. I start working sometimes earlier and finish later, sometimes even do not take a lunch break, because I think as I am at home, I don't need it. Before when I finished work and went home I didn't think of work, now I think in the evening. I am very grateful that I have my job, many people lost their job and I feel privileged”.

Setting borders in the daily routine is one of the difficult aspects of working remotely because it could become a non-stop work process. At the same time, especially in the art sector, the uncertainty increased due to many activities and events being cancelled. Another respondent in the art sphere explains that all his professional plans were either cancelled or postponed, and actually what happens especially in this sphere is that this is a time of professional vacuum that could be used for reflections, personal projects, but this does not decrease the sense of tension because of the unknown. The most vulnerable in that case are the highly qualified freelancers with no permanent or long-term contracts, or who have their contracts ending in the coming months, and especially the ones in the art sector with many cancelled events. An important aspect in that regard is the security that the country where you are currently living provides. A highly qualified respondent who lives in Germany and is approaching the end of her contract explains:

“Since the end of February, I work from home. At the beginning I was worried because of no clarity whether I will manage with all technical stuff, access to server and all the documents, but after a week, I saw that everything is going on well and that there is no need to work from the office, because all I need for my work I have it here. What I need

is one computer and connection and I am online. With the colleagues we organize twice conference calls and we see each other. With the manager we talk additionally, she distributes the tasks to everyone. The developments are not negative. The social contacts are entirely limited and that is the big change for me. Before I was meeting a lot of people. All the time I have the feeling that I live in state that will manage with this crisis. And although my contract is coming to an end, I have paid taxes the last ten years and I know that I will be financially secure in the coming months, even if I do not quickly find something new".

Another interesting and less challenging case are the highly qualified people who have worked remotely before the pandemic and there are no major changes observed in their daily routine and the way they implement their job tasks.

C. lives and works in Canada, she is a manager of an IT team that monitors the quality of various software projects in a big IT company. She moves to Canada after finishing high school to continue her studies, and follows the path of making an internship in the company where she is currently working, where she receives a labour contract and gradually raises in the company to her current position. For 6 years she works from her home office, because her work involves an international team that is geographically spread around the world and their actual work is happening virtually and it is not connected with a physical office or place. She says: "I do not feel any difference with how work was happening for me before." She explains that the attitude of the company management since the start of COVID-19 and the lockdown is that the main priority should be the family, however she is regularly checked when missing online for ten minutes being shortly with children. She does not see huge changes and even feels relieved because there is no need to bring the children to regular activities outside, that allows them to spend more quality time together as a family. She feels grateful in that regard, she says that she

is an exception, and sees how her colleagues who had to do the change from office to homework struggle, explaining: "I have my home office set up, I did not have to create anew at home as many others did".

Another possible change of the daily routine is when there still is a need to go to the office and there is a need to combine.

E. moves from Bulgaria to Malta aiming to find work about 15 years ago. Her chemistry and biology background helps her start working in a laboratory and currently she is a manager of a team in a pharmaceutical company. Even during the lockdown, she says that some days she goes to the company because she has to sign contracts and all the projects continue work. The onsite staff in the company is limited, the sanitation measures are good and there is care about the staff from the very beginning (masks, disinfection). Being a factory, they have observed decreased capacity of the production as a whole, because all the staff that are part of vulnerable groups (chronical illness, elderly people) have moved to work entirely from home. Before the pandemic she was in a situation of searching for new professional realization because of accomplishing everything that she could at the current position and in need of a challenge, but this process has stopped because of the pandemic. An interview for a new position was postponed and some positions were closed. Another event that couldn't happen because of the pandemic was a certification training she was supposed to attend abroad, but because of the closure of the borders it was postponed as well. She does not have plans to return to Bulgaria due to the political situation in the country and the lack of really good professional opportunities, compared to her current destination.

The stories and challenges of the respondents are different; however, some common trends could be synthesized. In most cases of the highly qualified, remote work is possible and does not decrease work quality. Remote work challenges the communication in the teams and more time is devoted to e-mails that could shift the focus from the actu-

al content work. The new digital reality requires reconsidering the meaning of the work, especially struggling is the situation of the highly qualified in the freelance art sphere where many events are cancelled. At the same time the new routine requires setting boundaries in the work-life balance, because it is not easy to set a clear start and end of the working day, and especially when the work is combined with your family in home, some tasks are moved to early mornings and late evenings, which could be challenging in the long run.

II. Intentions to return to Bulgaria or to previous country of destination.

The quick predominant answer to this question for most of the highly qualified is: visits – yes, return – no. Only two from the respondents think and have intentions to return to Bulgaria, but temporary or in the form of commuting living and working for some periods “here” and some periods “there”. In one of the cases, the return is seen as a temporary option with the argument to spend more time with the family during the pandemic, because of having the possibility to work remotely. In the other case, the professional and personal plans were cancelled because of the spread of the virus and the restrictions to travel and there is no major reason to stay. The respondent that considers moving for a period of time explains:

“I am thinking now exactly on this possibility – whether go back in Bulgaria just for two months, I work from home now, we won’t go back in the office by the end of September and I do not see any need to stay in London. I do not see the point to generally go back to Bulgaria, but for some time, to be together with my family, yes. Especially with this situation now that I would like to spend more time with my parents and grandparents, to communicate more with them. I could work from home and be in Bulgaria and make some interviews with my relatives as well for my personal projects. I do not know actually what to do whether to go or not. At the same time, I am afraid flying whether I could catch the virus and is it good for my family to go back,

because I do not want to put my family at risk and this stops me for the moment”.

In general, there is more uncertainty in the case of highly qualified respondents who are in the early stage of their professional development (making paid internship right after finishing university, for example) or making additional MA and approaching the end of the student visa. In these cases, an interviewee responds: “My internship is finishing in September and after that I do not know what will happen and whether I could continue working for this company or I have to find another job”.

A recent study called „The Big Return. Covid-19 and the return migration to Bulgaria”, done in October-November 2020 through online survey in Facebook and some in-depth interviews explains the group of the highly qualified specialists who have settled abroad as the most difficult to attract back to Bulgaria (Georgiev, 2020: 17). The two main reasons of return because of COVID-19, given within this survey in the period March-May 2020, are “to be close to family and relatives” and “because of loss of a job”. For this period March-May 2020 government data gives an approximate number of over 550 000 Bulgarian citizens registered entering Bulgaria by air or land, excluding crossing the Bulgarian-Greece border⁴ (Georgiev, 2020).

Regarding the two main reasons of the study, none of the highly qualified Bulgarians have lost their jobs because of the pandemic, two would like to change it, but these processes have started before the pandemic and are frozen for a moment, because of the pandemic. There is one respondent who is approaching an end of her contract but does not consider Bulgaria as an option for future professional development. For one of the respondents “to be close to the family and relatives” is a reason for temporary return, but not a permanent one. He explains:

“Here I value the opportunities I have, in Bulgaria such organization as the one I am working in now does not exist, also I do not

⁴ Mainly tourist traffic.

have the freedom there as I have here, I mostly value the professional development I have here, including the freedom of the people with different sexual orientation”.

Another respondent explains why she does not see Bulgaria as future professional realization destination saying:

“The everyday life in Bulgaria is a fight for survival. What I see in the streets, poor people, stressed people, I do not want to be such a person. Every time I visit I am happy that it is for a little while. There are poor people in Germany too, but much more relaxed, there is no way to fail entirely, there is always a way that the country will take care of you, if you get sick that there won’t be a chance to pay your bills. The social state is felt in everyday life”.

All respondents communicate intensively with their parents and families in Bulgaria and for some of them the possibility to be an additional source of support to their families from abroad is an additional reason not to initiate return and the COVID-19 situation does not change that intentions, on the contrary, most of them feel safer and more secure where they are currently living.

III. Job change and professional possibilities in times of pandemic.

Most of the respondents feel stable and secure on their current positions and do not consider changes. The ones who have considered such, have started these processes before the pandemic and the COVID-19 situation actually stopped or postponed the actual change. Two of the respondents were considering moving internationally, but at the time of interviews did not see it as a viable option due to the closure of the borders, as well as due to the economic impact of the COVID-19 on the labour market in general. Thus, COVID-19 is seen by several respondents as a limitation to their professional trajectories and realization. A respondent who was considering professional development in the academia, applying for PhD positions in Canada and having passed all selection rounds, received a negative answer, because the new academic year is currently closed for international stu-

dents due to the COVID-19 pandemic. A study of Triandafyllidou and Nalbandian (2020) explains that workwise “Canada temporarily stopped processing work permit or permanent residency applications from March until the end of June 2020”. Another respondent who was considering moving internationally explains:

“COVID-19 is limiting me because I cannot apply to all the places I wanted to. My initial plan was to try to find something new in USA, but at the moment the economy in the States is going down along with the fact that they are not that open for foreigners. I would like to live in a bigger city. My manager said that I could continue working in the same institute but for the administration office, but this is not creative enough for me and this is not an option”.

It could be concluded that for the highly qualified who were in search for further professional development, the pandemic situation serves as a stop in regards to postponed interviews or no possibility to move globally, while at the same time it is not a trigger to move back in Bulgaria.

Conclusions. The initial analysis of this new virtual ethnographic study exploring the professional trajectories of the highly qualified Bulgarians and the impact of COVID-19 on them shows that all respondents with minor exceptions pass through change in the everyday routine in the way how they implement their job duties, most of them moving from office to home office work. Major challenges are experienced by the highly qualified Bulgarians who work freelance and in the art sphere. An important aspect for the ones who are in a position to make professional changes is the security of the country of destination they live in, regarding social security system, rather than the option to return in Bulgaria. Although the connection with Bulgaria is intensive in most of the cases, to return to be close with their family is given as a possibility by only one of the respondents, and is considered as a short term, temporary period of time. All highly qualified respondents miss the possibility to travel abroad, but leading

reason for possible professional change remains the opportunities for professional development and the standard of life the destination country is providing. Whether the changes in the daily routine of highly qualified mobile people influenced by COVID-19 will sustain in time, and to what extend the dynamics of the professional trajectories will be modified by the pandemic, are interesting topics that could be a focus for future research. To what extend the COVID-19 pandemic will influence the global migration and mobility dynamics, how far we are moving away from the “age of migration” (Castles, Miller, 2003) are interesting phenomena to observe.

References

- Georgiev, O. (2020), “The big comeback. COVID-19 and reverse migration to Bulgaria”, European Council on Foreign Relations, Sofia, Konrad Adenauer Foundation, Bulgaria.
- Bondarenko K. (2020), “The Impact of the COVID-19 Pandemic: The Case of Remittance Recipient Countries”, *International Organisations Research Journal*, 15 (3). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-04
- Castles, S. and Miller, M. (2003), *The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World*, Hounds mills, Palgrave Macmillan, UK.
- Czaika, M. and Parsons, Ch. (2016), “High-skilled migration in times of global economic crisis”, Discussion paper, International Migration Institute (IMI), Oxford Department of International Development, Oxford, UK.
- Cerna, L. (2010), “Policies and practices of highly skilled migration in times of the economic crisis”, *International Migration Papers*, (99), Geneva.
- Fasani, F. and Mazza, J. (2020), “Immigrant Key Workers: Their Contribution to Europe’s COVID-19 Response”, *IZA Policy Paper*, (155).
- Favell, A. (2008), *Eurostars and Eurocities. Free movement and mobility in an integrating Europe*, Blackwell Publishing, Oxford, UK.
- Fernández-Reino, M., Sumption, M. and Vargas-Silva, C. (2020), “From low-skilled to key workers: the implications of emergencies for immigration policy”, *Oxford Review of Economic Policy*, 36 (S1), 382-396.
- Gamlen, A. (2020), “Migration and Mobility after the 2020 Pandemic: The End of an Age?”, Working Paper, University of Oxford, Oxford, UK.
- Ivanova, V. (2015a), “Return Policies and (R)emigration of Bulgarians in the Pre- and Post-Accession Period”, *Problemy Polityki Społecznej. Studia I Dyskusje*, 31(4), 119-136.
- Ivanova, V. (2015b), “The Return Migration of Highly-Qualified Workers in Bulgaria and Bosnia and Herzegovina – Policies and Returnees’ Responses”, *Journal for Labour and Social Affairs in Eastern Europe (SEER)*, 18, (1), 93-111.
- Meer, M. and Villegas, L. (2020) “The Impact of COVID-19 on Global Migration”, *Working Paper Series: Governance of the Local Integration of Migrants and Europe’s Refugees* (4), available at: <http://www.glimer.eu/wp-content/uploads/2020/06/Global-Migration-Policies-and-COVID-19.pdf> (accessed 25 March 2021).
- Möhring, K., Weiland, A., Reifenscheid, M., Naumann, E., Wenz, A., Rettig, T., Krieger, U., Fikel, M., Cornesse, C. and Blom, A. G. (2020), “Inequality in employment trajectories and their socio-economic consequences during the early phase of the COVID-19 pandemic in Germany”, University of Mannheim, Germany.
- Mukomel, V. (2020), “Highly skilled migrants from post-soviet states: labor mobility”, *Sociological journal*, 26 (2), 31-59.
- Rupani, P. F., Nilashi, M., Abumaloh, R. A., Asadi, S., Samad, S. and Wang, S. (2020), “Coronavirus pandemic (COVID-19) and its natural environmental impacts”. *International Journal of Environmental Science and Technology* 17 (3), Sep 1, 1-12.
- Triandafyllidou, A. and Nalbandian, L. (2020). “Disposable” and “essential”: Changes in the global hierarchies of migrant workers after COVID-19, International Organization for Migration (IOM), Geneva, Switzerland.

Received 01 February 2021. Revised 07 March 2021. Accepted 11 March 2021.

Статья поступила в редакцию 01 февраля 2021 г. Поступила после доработки 7 марта 2021 г. Принята к печати 11 марта 2021 г.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

**Конфликты интересов: у автора нет
конфликта интересов для декларации.**

Vanya Ivanova, PhD, Researcher, Institute of Ethnology and Folklore Studies with

Ethnographic Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria.

Иванова Вания, PhD, исследователь Института этнологии и фольклора с Этнографическим музеем Болгарской академии наук, София, Болгария.

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-10

Original article

Albena Nakova

The Refugee Challenge: State Policy and Social Attitudes in Bulgaria

Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences

1000, 13A Moskovska St., Sofia, Bulgaria

albena_nakova.manolova@abv.bg

Abstract. The article examines one of the greatest challenges of our times: the migration of large masses of people fleeing wars, political persecution and terrorism; these refugees have become one of the most serious challenges to European countries and governments in the last decade. Specifically, the article analyzes the contemporary national policy of Bulgaria with regard to asylum and refugees, its stages of development since the start of democratic changes in Bulgaria in the early 1990s, through the country's accession to the EU in 2007, that required the alignment of the national laws with European legislation, and on to the growing influx of refugees along the Bulgarian borders after 2011 (as a result of the war in Syria) and then, almost ten years later, when negative attitudes towards refugees have grown, even though refugees in Bulgaria are not at all numerous. The questions as to the acceptance and integration of refugees into Bulgarian society are examined as an area of intersection between purposeful state policies and social attitudes determining the possibility for a successful implementation of those policies and impacting on the nature and specific features of the refugees' integration into Bulgarian society. The analysis is based on the results of a national representative survey of the Bulgarian population, conducted in 2020 by a team of scholars from the Institute of Philosophy and Sociology at BAS, under the project "Refugees in the Representations of Bulgarians: Fears, Understanding, Empathy", funded by the National Research Fund of the Ministry of Education and Science of the Republic of Bulgaria.

Keywords: refugees; national policy on asylum and refugees; acceptance of refugees; integration of refugees; attitudes towards refugees

Information for citation: Nakova A. (2021), "The Refugee Challenge: State Policy and Social Attitudes in Bulgaria", Research Result. Sociology and management, 7 (1), 128-139, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-10

Накова А.**Проблема беженцев – государственная политика
и общественное мнение в Болгарии**

Болгарская академия наук, Институт философии и социологии,
1000, Болгария, София, ул. Московска 13А
albena_nakova.manolova@abv.bg

Аннотация: Статья анализирует одну из самых тяжелых проблем современности – миграция больших масс людей, спасающихся от войны, политических преследований и терроризма, иными словами – беженцы, которые в последнее десятилетие оказались серьезным вызовом для европейских стран и их правительства. В частности, анализу подвергается текущая национальная политика Болгарии в области предоставления убежища и беженцев - этапы развития, через которые она проходит от демократических изменений в Болгарии в начале 90-х годов 20 века, через присоединение страны к ЕС в 2007 году и необходимость гармонизации национального законодательства с европейским и последующее увеличение притока беженцев на болгарских границах после 2011 года в результате войны в Сирии и почти 10 лет спустя, когда беженцев в Болгарии уже не много, но тем не менее растет негативное отношение к ним местного населения. Вопросы приема и интеграции беженцев в болгарское общество рассматриваются как результат пересечения целенаправленной государственной политики с общественными установками, которые предопределяют возможность успешной реализации государственной политики и влияют на характер и особенности интеграции беженцев в болгарское общество. Анализ основан на результатах национального репрезентативного опроса населения Болгарии, проведенного в 2020 году Институтом философии и социологии при Болгарской академии наук в рамках проекта «Беженцы в представлениях болгарских граждан – страхи, понимание, сочувствие», который был реализован при финансовой поддержке Национального научного фонда при Министерстве образования и науки Республики Болгарии.

Ключевые слова: беженцы; национальная политика в отношении убежища и беженцев; прием беженцев; интеграция беженцев; отношение к беженцам

Информация для цитирования: Накова А. Проблема беженцев – государственная политика и общественное мнение в Болгарии // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 128-139. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-10

Introduction. In recent years, an increasing number of people from outside the boundaries of Europe are arriving and settling here. Some of them are looking for a better future. Others are escaping from wars, persecution, terrorism and hunger. Thus, the “refugee” problem has become a leading issue in the agenda of many European countries, in-

cluding Bulgaria. At first Europe viewed the refugees as a good economic investment and a source of cheap labor; Angela Merkel publicly declared they were welcome in Germany, and that her country would help every refugee; but after the events of New Year's night in Cologne, 2016, and the appeal of that city's mayor, Henriette Reker, that refugees should

keep “at arm’s length”, attitudes towards them changed seriously in Germany and throughout Europe. Understanding and compassion were increasingly replaced by fear. Europe and the world are taking an increasingly negative attitude (Nakova, 2018). The Visegrad Four called for closing the Balkan route of refugees and building walls along the borders.

The unfolding of events has shown that no border fences are able to stop the current migration of peoples, of individuals willing to travel across half the world to reach Europe in search of a better life. Nevertheless, it has turned out there is a barrier that refugees are not able to pass – the barrier raised by public opinion in the host countries, the barrier of public consciousness.

Methodology and methods. *Contemporary national policy on asylum and refugees in the Republic of Bulgaria.* The national policy pursued with respect to the stream of refugees passing through Bulgaria after 2013, and to those relatively few who are settling here (coming primarily from Middle Eastern countries such as Syria, Afghanistan, Iraq, Pakistan, and Iran), is marked by its specificity and inconsistency, determined by two trends that have become particularly distinct after 2015. On the one hand, this policy mirrors concepts based on the 1951 UN Geneva Convention on Refugees and on the democratic European understanding of the protection of human rights (Jileva, Guiraudon, 2006). On the other hand, part of the governing political elite of Bulgaria has been influenced by current nationalist-populist views, especially widespread in EU member states that were formerly part of the Socialist block – such as Hungary, Poland, Czech Republic and Slovakia – and in some other countries; these views aim at *restricting the openness of the national border* and at *closure* with regard to the acceptance of foreigners seeking international protection.

In contemporary Bulgarian policy on granting asylum to refugees, two interconnected priorities are evident: *regulated acceptance and integration* of the persons seeking and receiving international protection

(since 1993) and *management of migration processes* (since 2014).

After 1989, the political order in the Bulgarian state changed in a way that led to the reformulation of asylum and refugee policy in accordance with the new democratic course of government and geopolitical orientation of the country (Ilareva, 2007). In the conducted asylum and refugee policy, three basic sub-stages can be broadly distinguished: 1990-2007, 2007-2013, and since 2014 until now.

The 1990s saw the transformation of Bulgaria into a “safe state”, in which basic human rights are guaranteed. In the international context, since 1993, Bulgaria is considered a recipient country for refugees rather than a sender country. During the first period, the Bulgarian parliament ratified a number of international and European legal documents ensuring human and civic rights and liberties and regulating, directly or partially, the conditions for granting asylum and providing the rights of refugees. These documents include: the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Liberties (1950)¹; the UN Convention on the Rights of the Child (1989)²; the Geneva Convention Relating to the Status of Refugees (1951) and the New York Protocol (1967)³; the European Convention on Extradition (1957)⁴; the European Convention for the Prevention of Torture

¹Published in SG, issue 80, 1992, available at: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_BUL.pdf (Accessed 4 January 2021).

²SG, issue 32, 1991, available at: <http://www.asp.government.bg/documents/20181/49590/konventsia-na-oon-za-pravata-na-deteto.pdf/c203c32d-f23f-4e50-8d3c-97ed982fc0e7> (Accessed 4 January 2021).

³ SG, issue 36, 1992 and SG issue 30, 1993, available at: http://abm-bg.org/wp-content/uploads/2014/01/1951_Refugee_Convention_BUL.pdf; <http://refugees.farbg.eu/sbornik-po-bejansko-pravo/normativni-dokumenti/protokol-za-statuta-na-bezhantsite> (Accessed 4 January 2021).

⁴SG, issue 8, 19, available at: http://www.esteri.it/mae/normative/normativa_consolari/servizi_consolari/estradizioni/conestradizione.pdf (Accessed 4 January 2021).

ture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (1987)⁵; the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination⁶; the 1958 ILO Convention № 111 Regarding Discrimination in Respect of Employment and Occupation⁷, etc.

The Geneva Convention and the New York Protocol played a key role for establishing the international and national *policy of acceptance and integration of asylum-seekers*. The accession of Bulgarian legislation to these important international acts entailed: the reformulation of the concept of “refugee” in accordance with the formulation of the Geneva convention regarding the status of refugees, the setting of requirements for granting refugee status to people who are persecuted in the country of their usual place of residence, including people without citizenship, the adoption of provisions on the rights and obligations of refugees in the country that has granted them asylum. The adoption of these rules has entailed the acceptance of certain requirements, specially emphasized by the Geneva Convention, related to effective protection of asylum-seekers. This refers to the so-called principle of *non-refoulement*. Art. 32 и Art. 33 of the Geneva Convention engage the contracting parties not to return any refugee to the state in which his/her life may be endangered. The text does not stipulate any exceptions to this rule based on defense of national security or public order.

Until 1999, the national policy on granting asylum was not regulated by any legal act. Instead, the instruments used were decrees

⁵SG, issue 71, 1994, available at: <https://rm.coe.int/16806dbb34> (Accessed 4 January 2021).

⁶SG, issue 51, 1966; published in SG, issue 56 of 10.07.1992, in effect from January 4, 1969, available at: <http://diversity.europe.bg/page.php?category=319&id=1711> (Accessed 4 January 2021).

⁷SG, issue 35, 1997, available at: <http://www.trudipravo.bg/component/content/article?id=871:convention-111-on-discrimination-in-employment-and-occupation-1958> (Accessed 4 January 2021).

and resolutions, issued in fulfillment of adopted international conventions and under cooperation with the UN and the European organizations. These acts set the foundation of the contemporary normative-institutional framework of Bulgarian policy on acceptance of refugees.

Since 1995, when Bulgaria began negotiations for accession to the European Union, the country continued to follow the international, and especially European, lines of asylum and refugee policy, as well harmonize the national laws with international normative instruments. Until 2007, when the number of foreigners seeking asylum in our country was small, the efforts of the Bulgarian parliament were aimed at ensuring the “European” normative conditions of acceptance of refugees (Manfred Woerner Foundation, 2003) and, respectively, at institutional strengthening or creation of state organs responsible for acceptance and integration of refugees in our country – in particular, the State Agency for Refugees at the Council of Ministers. For the more adequate regulation of refugee acceptance in accordance with the international norms, the parliament adopted in 1999 the *Law on Refugees*⁸, which was repealed in 2002 and substituted by the *Law on Asylum and Refugees* (LAR)⁹, which is still in effect today but has passed through a number of amendments over the years. During this period, Bulgaria undertook concrete actions towards elaborating a *policy of integration* of refugees into Bulgarian society. A *National Program for Integration of Refugees in the Republic of Bulgaria 2005-2007* was elaborated and adopted; the program laid down the basic principles and goals of integration of refugees in Bulgaria. It was complemented by an *Action Plan for Integration of Refugees in*

⁸SG, issue 53, 1999, available at: <https://www.cielo.net/svobodna-zona-darjaven-vestnik/issue/267/unofficial> (Accessed 4 January 2021).

⁹SG, issue 54, 2002, available at: <https://www.cielo.net/svobodna-zona-darjaven-vestnik/document/2134666240/issue/269/zakon-za-bezhantsite> (Accessed 4 January 2021).

Bulgaria, containing concrete measures for integration in several main fields: integration of newly recognized refugees; legislative measures; accommodation; employment; education, social assistance; healthcare, refugees with special needs; protection against discrimination.

With Bulgaria's accession to the European Union in 2007, the Bulgarian state became a party to the Common European Asylum System (CEAS), established in 1999, which is a key element of the common European management of migration processes. The aim of this system is to elaborate and adopt common standards for treatment of persons seeking asylum within the European space of freedom, security and justice. CEAS was embodied in the Dublin Regulation (currently in effect is the so-called DUBLIN III, Regulation (EU) 604/2013), the EURODAC system (Regulation (EU) № 2725/2000 and Regulation (EU) № 407/2002), DubliNet (Regulation (EU) № 1560/2003), EUROSUR (Regulation (EU) № 1052/2013), the Lisbon Treaty (signed in 2007, in effect since 2009) and the European Pact on Migration and Asylum (adopted by the European Commission on October 15 and 16, 2008). Importantly, at this stage Bulgaria was committed to the obligatory force of EU law on the basis of the main European treaties, the Treaty of the European Union (TEU) and the Treaty of the Functioning of the European Union (TFEU), as well as of provisions of the national Constitution (Art. 5, p. 4), which give greater force to international treaties ratified, published and in effect, over internal legislation. At the start of this period, Bulgaria ratified two very important treaties, which were crucial for the construction of the common European policy on asylum. The first was the *Lisbon Treaty* for amendment of the TEU and the Treaty Establishing the European Community. The Lisbon Treaty was signed on December 13, 2007, publicized on December 17, 2007, and came into effect on December 1,

2009¹⁰. This legal act was an important step toward building a common European policy on asylum, as it abolished inter-governmental cooperation and introduced an entirely community-based method into EU policy, transforming the measures for asylum into a unified policy of the member-states. Its purpose was not simply to establish minimal standards for asylum-provision but also to create a common system involving unified statutes and procedures for providing asylum in all member-states.

The second important act for a common European policy on asylum was the *European Pact on Migration and Asylum*, adopted by the European Commission on October 15 and 16, 2008¹¹, which emphasizes the fact that significant differences continue to exist between the member states with regard to the granting, and forms, of asylum; the pact appeals for new initiatives to be taken to build a common European system of asylum, initiatives that would provide a higher level of protection.

As a member-state of the EU, the Bulgarian state continues to develop its legislation towards a stricter alignment with the strategic goals set by the European directives. Bulgaria acceded to, and implements, the regulations related to: the unified refugee status; the unified status of subsidiary protection; the common system of temporary protection; the common procedures for granting or revoking refugee status or of subsidiary protection; the common criteria and mechanisms for determining which member-state is competent to examine a request submitted by a citizen of a third country in one of the member-states; the common standards related to the conditions of acceptance; the common standards and proce-

¹⁰ Renewed OJ C 306, 17.12.2007, p. 1-271, available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/BG/TXT/?uri=CELEX%3A12007L%2FTXT> (Accessed 4 January 2021).

¹¹ Not published in the Official Journal of the EU, available at: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=BG&f=ST%2013440%202008%20INIT> (Accessed 4 January 2021).

dures applicable in the member states for returning illegally residing citizens of third countries; partnership and cooperation with third countries and countries of origin, etc. After 2007, based on international and national legal acts, the Bulgarian governments elaborated various strategies, plans and programs related to asylum and refugees. These are the *National Program for Integration of Refugees in the Republic of Bulgaria (2008-2010)*, the *National Program for Integration of Refugees in the Republic of Bulgaria (2011-2013)*. Refugees in Bulgaria, who are treated in the same group as other categories of migrants, are the subject of the *National Strategy of the Republic of Bulgaria on Migration and Integration (2008-2015)*, substituted three years later by the new *National Strategy in the Field of Migration, Asylum and Integration (2011-2020)*.

Regarding national strategies, programs, and plans related to asylum and refugees, adopted in the period 2007-2013, and the national policy on asylum and refugees applied in this period, it may be generally said they reflect the alignment of national legislation with European law, as required for a country that is part of the European community. Formally, all the normative conditions, required by European legislation and policy, for the acceptance and integration of refugees are in place (Krasteva, 2010). They are guaranteed both by the provisions of the Law on Asylum and Refugees and by the stipulated measures in government strategies, programs and plans. But the lack of a clear conception of the nature, specificity and mechanisms of integration of refugees as a specific category of immigrants results in failures in the implementation of those national programs for integration. The unjustified treatment of refugees in one category with all other immigrants is restricting the possibility for their adequate and real integration.

After 2013, in the context of the sharp increase of refugee streams towards EU countries, the general European, and the Bulgarian national, policy on asylum and refugees started facing a number of challenges resulting

from the different understanding of shared collective and national responsibility. In order to meet the national requirements and needs for fair distribution of the refugee streams without violating the collective interest, the European institutions reformulated their approach to acceptance and integration of refugees in a way that came to influence the national policies of the member-states, including Bulgaria. Under a common governance of the migration processes, the emphasis has been placed on three key elements: *movement/resettlement; return/reverse acceptance/reintegration; cooperation with countries of origin and countries of transit*. With the growth of the migration stream to Europe in 2014, Bulgaria adopted a new governmental strategy: the *National Strategy for the Integration of Persons Granted International Protection in the Republic of Bulgaria (2014-2020)*. Two very important problems treated in the Strategy are the unpreparedness of state institutions to respond to the increased migration streams and the negative public attitudes towards foreigners, growing due to the migration pressure. In unity with European trends during this period, the Strategy views migrants as a factor of economic growth and of improvement of the country's demographic situation. The strategy envisages concrete measures for the integration of foreigners granted international protection; the basic instrument for this is the *agreement for integration* concluded with local authorities. This new element in the understanding of integration of persons under international protection is actually an indicator of a change in the general approach and policy on integration, whereby institutional responsibility for integration is shifted from the central government organs to the local ones, i.e., to the municipalities. One year later, the government adopted a new *National Strategy for Migration, Asylum and Integration (2015-2020)*. Just like the previous strategies, it emphasized that the Bulgarian state provides for foreign asylum-seekers a fair procedure for granting refugee status, the right to social and health insurance, free access to education, conditions

for retraining and labor realization aimed at better integration into society. But there is no clear vision of the mechanisms of integration. There were adopted two consecutive *Decrees for the Conditions and Order of Concluding, Implementing, and Discontinuing Agreements for Integration of Foreigners Granted Asylum or International Protection* (of August 12, 2016¹² and July 19, 2017¹³). Both decrees, however, have not resulted in any concluded agreements at all; this shows that the basic instrument of integration established by the on-going government programs is not functioning. Which raises a number of questions both as to the financial provision of the activities envisaged by the decree and the access to information and the attitudes of foreigners granted asylum or international protection, and as to the capacity of the local municipal administrations.

At this stage, based on an analysis of the national policies on asylum and refugees, it may be said that, despite the great degree of alignment of the national legislation with international and European law in the field of international protection, and although the status of refugees and of persons granted humanitarian protection is close to that of legal immigrants (granted the right of temporary or permanent residence in the country), in government strategies, programs, plans after 2015 we observe a lack of clearly and concretely formulated conceptions regarding the integration of people seeking or granted international protection in Bulgarian society. Hence, they are often placed in the same category as illegal immigrants, immigrants in general, and foreigners; their integration is equated with the integration of Bulgarian citizens who are second and third generation migrants; and in the sphere of educational integration, their integration is even equated with the integration of ethnic minorities in our

country (Costello, 2016). Increasingly, in political narratives in the public sphere, the term „refugee“ is being replaced by the terms „migrant“ or „immigrant“, which are considered synonymous, without taking into account that the other two terms are significantly more general and broader and include another type of third-country nationals. This substitution of terms does not correspond to the scientific definitions; also, it may be taken as an indication that the people seeking international protection are not being treated as the legal regulations on international protection require.

Public attitudes towards refugees in Bulgaria. Mass migration is not a new phenomenon. As Zygmunt Bauman has noted, it has accompanied the modern age from the very start, as our ‘modern way of life’ produces ‘redundant’ people”, people who are ‘useless’ at the local level under conditions of economic progress as they are too numerous and cannot find employment or at the local level are unaccepted, rejected as a result of disorder, conflicts or rivalry engendered by social or political changes and the ensuing struggle for power (Bauman, 2016: 9). Thus, if the causes of today’s mass migration can be described as ambiguous, according to Bauman, the same may be said of the attitude of host societies towards migrants. In the developed Western countries that are the final target of economic migrants and refugees alike, the government and business has a positive attitude towards them when they are seen as a source of cheap labor (which was the reason for the “open door” policy at first declared in Western Europe). However, for most local residents, their presence would imply even greater competition on the labor market and even greater insecurity, an aspect that often leads to negative attitudes towards migrants, including refugees (Huysmans, 2006).

The acceptance and integration of refugees in Bulgarian society has become one of the topical issues, an issue provoking contradictory public responses (Pamporov, 2010; Nakova, 2017). The possibility of finding an adequate solution to this problem is linked to

¹² Available at:
<http://dv.parliament.bg/DVWeb/showMaterialDV.jsp?idMat=106769> (Accessed 4 January 2021).

¹³ Available at:
<http://www.ares.government.bg/index.php/bg/normativni-dokumenti/naredbi> (Accessed 4 January 2021).

awareness of the fact that acceptance and integration of people seeking international protection in our country are a point of intersection between purposeful state policies, legal measures, and the attitudes of the local population. Public attitudes determine the possibility for successful implementation of state policies on international protection and influence the nature and specific features of the integration of foreigners in our country (Nakova, Erolova, 2019). The failure to take into account the public attitudes is the main cause of a number of social protests against the settlement of refugees in various towns and villages in Bulgaria. Contrary to the government's decisions, the local residents refuse to accept refugees in their settlements; the mayors declare themselves against the housing of refugee families on the territory of the respective towns or villages, volunteer groups guard the state borders, etc. These moods are exploited, and in many cases purposely instigated, by nationalists in Bulgaria so as to create a public image of the refugees as illiterate and poor people who would drain the already depleted social welfare system, who would represent a threat to the national security (Nakova, 2020). Thus, even stronger negative attitudes are provoked amongst the local population. In such a situation, it is important to develop an empirically verified understanding of the representations and attitudes of Bulgarian citizens regarding the refugees; such knowledge would serve as a foundation for relevant policies and would suggest possible directions for conducting a successful state policy for the integration of these people into Bulgarian society. Here, we have made an attempt to conceptualize the empirical findings accumulated under the project *Refugees in the Representations of Bulgarians: Fears, Understanding, and Empathy*, funded by the National Research Fund at the Ministry of Education and Science of the Republic of Bulgaria, under contract ДН 15/3 of 11.12.2017.

On the methodology of the empirical social survey. In August 2020, a research team of scholars from the Institute of Philosophy and Sociology at BAS (of which the

present author was a member) conducted a national representative social survey aimed at registering the public attitudes and representations regarding refugees; this information was meant to serve in elaborating adequate policies on their integration into Bulgarian society.

In the course of the survey, 1,000 persons ages 18+ were interviewed; in terms of socio-demographic characteristics, this sample corresponds to the actual proportions of the national population with regard to gender, age, education, place of residence, ethnic and religious affiliation, employment status and family status. The volume of the sample is representative for Bulgaria, the statistical error being $\pm 3\%$. Statistical information was gathered using the face-to-face interview method, based on a standardized questionnaire. The survey results illustrate the basic representations of the Bulgarian population with regard to refugees.

Research Results and Discussion. Attitudes of Bulgarian citizens towards the acceptance and integration of refugees. Here is how Bulgarian citizens view the reasons why refugees are leaving their native countries: "they are fleeing war, escaping from persecution" (indicated by 75,2% of the respondents); "they are looking for better living conditions" (65,2% of the respondents); "looking for work and better income" (46,3%); "due to political, religious, ethnic, gender, or other, discrimination" (36,0%); "so that their children may live in a better organized state" (28,4%); "in order to join their friends/relatives, who are living outside their country of origin" (21,2%); "so that their children can go to better schools" (14,1%)¹⁴. We see two types of causes emerging: those related to escape from war, persecution, and discrimination, and those related to the search for better living conditions, higher income and better opportunities for work. This actually defines two kinds of foreigners that, according to the surveyed per-

¹⁴ Here and further in this article, wherever the sums of percentages exceed 100 percent, the respondents have been allowed to indicate more than one answer.

sons, have been arriving in Bulgaria in recent years: refugees and economic migrants. The distinction made in the social consciousness between the two types of foreigners crossing the Bulgarian border under the title of "refugees" determines the ambivalent attitude of Bulgarian citizens towards them: "neither positive nor negative" is how 51,5% of Bulgarian citizens describe their attitude towards refugees; the attitude is "negative" for 28,2%, and "positive" for 16,0%; 4,3% have not expressed an opinion. More concretely, Bulgarian citizens described their attitude thus: *mistrust* (indicated by 38,1% of respondents); *empathy, compassion* (31,7%); *like towards any other person* (28,7%); *understanding* (26,6%); *fear* (18,3%); *indifference* (13,9%); *concern, willingness to help* (11,4%); *respect* (6,1%); *hatred* (5,3%); *trust* (4,4%). The contradictory nature of attitudes towards refugees becomes clear, ranging from empathy, compassion, understanding, care and willingness to afford assistance, through indifference, and to mistrust, fear, hatred.

This general attitude determines the *attitude of the local population to the acceptance of refugees* in Bulgaria: 59,0% do not agree that Bulgarian should accept refugees: those who do agree are twice fewer, 23,7%; and those who cannot give an opinion are 17,3%. What specific kinds of foreigners are the Bulgarian respondents willing to accept in the country? Refugees from countries undergoing military conflict, such as Syria, Iraq, Afghanistan, etc. – 35,6% of the respondents; refugees from countries where there is political persecution and violation of human rights – 26,3%; refugees from countries and regions where there are natural and climatic disasters – 24,8%; those seeking jobs demanding higher professional qualification – 15,4%; seeking jobs that require low skills or no skills – 6,1%. Here again, we see the ambiguous attitude towards foreigners: the attitudes to acceptance of refugees fleeing from wars, terror and political persecution are multiple times more positive than the attitudes towards acceptance of economic migrants seeking work; overall, the share of respond-

ents supporting the acceptance of refugees in Bulgaria is not high.

What are the important factors on which depends the support of Bulgarian citizens for acceptance of refugees in Bulgaria? In descending order, they are the following: *that they [the refugees] are willing to learn to speak Bulgarian* (indicated by 84,7% of the respondents); *that they accept the way of life in Bulgaria* (83,7%); *they should have professional skills* (79,7%); *they should be able to support themselves* (76,7%); *they should be able to speak Bulgarian* (61,4%); *they should have a good education* (58,7%); *they should be Christians* (39,2%); *they should be a family of refugees with children* (26,4%); *they should be Unaccompanied Refugee Minors* (24,0%); *a single mother with children* (21,1%); *they should be white* (19,5%); *they should be people with disabilities* (13,4%); *they should be single young men* (7,3%); *they should be single young women* (6,3%); *they should be Muslims* (4,5%). Evidently, the social skills and qualities, such as speaking the local language, professional skills, a good education, the ability to support themselves, acceptance of the local way of life – all of which are factors that determine one's ability to successfully fit into Bulgarian society – prove much more important for Bulgarian citizens, while features such as religion, race/skin color are far less significant. In other words, the leading characteristics connected with acceptance or non-acceptance of refugees are not ethnic and religious but the social qualities and skills of individuals; when these people are rejected by Bulgarian citizens, it is not because they belong to a certain ethnic group or religion but because they lack certain social qualities, which entails their inability to successfully integrate into Bulgarian society.

In this connection, in the survey, the *social distances* expressed by Bulgarian citizens towards refugees have been measured based on several indicators: willingness of respondents to live together with refugees in the same city/village; in the same neighborhood; in the same building/neighboring houses; willing-

ness to accept refugees as co-workers at the workplace; as store sales clerks; as close friends; acceptance of refugee children as classmates of one's children/grandchildren; as close friends of one's children/grandchildren; acceptance of marriage with a refugee. The results show that, as the degree of closeness of contact decreases, the acceptance of contact grows, but generally remains not very high. For instance, only 17.0% of the respondents were willing to live together with refugees in the same residential building/neighboring houses (as against 55,9% unwilling); 22,2% were willing to live in the same neighborhood (as against 50,3% unwilling) and 26,6% were willing to live in the same city/village (as against 41,3% unwilling). Also, 21,4% were willing to be friends with refugees (as against 44,1% unwilling); 26,0% were willing to have refugee co-workers (as against 39,0% unwilling); and 26,5% were willing to have refugees working as sales clerks at the store the respondents usually shop at (as against 34,6% unwilling). We see that, as the degree of closeness of contact decreases, the distances also decrease, while remaining rather high. This pattern is confirmed with regard to the relation between the respondents' children and the children of refugees: 21,2% of the surveyed persons would accept that refugee children be close friends of their own children (42,9% would not), whereas 29,4% would accept that their children be in the same class as refugee children (as against 35,7% who would not). The greatest social distance is observable with regard to the question as to marriage with refugees, which implies the greatest closeness of contact: only 6,6% of the surveyed persons were willing to accept that they or their children, grandchildren, close relatives marry a refugee (as against 65,0% unwilling).

The large social distances are determined by people's fears and their perception of the *risks involved in accepting refugees* into Bulgaria. The Bulgarian citizens see the greatest risk involved in acceptance of refugees as related to the following: increased crime (indicated by 59,7% of respondents);

conflicts in everyday life based on the difference in the culture of behavior and in mentality (56,3%); the formation of refugee "ghettos" (55,7%); ethnic and religious conflict (52,3%); high state expenditure for the support of refugees (47,5%); acts/threats of terrorism (45,4%); contagious diseases and epidemics (32,2%); increased unemployment among Bulgarians (22,6%); labor market conflicts (18,4%).

The possible *benefits* that Bulgarian respondents perceived as deriving from the acceptance of refugees are few; they can be reduced to the following: "they might work at places where the local population does not want to work" (45,3%); "they might transmit elements of their culture and contribute to cultural diversity" (17,1%); "they might be a cheap labor force" (10,9%) and "they might be a resource for overcoming the demographic problems of Bulgaria" (8,2%).

Consequently, the major part of the surveyed persons has not supported the *integration* of refugees into Bulgarian society: this was the opinion of 47,1% of the respondents, while 35,5% did support integration; the remaining 17,4% had no opinion on the matter. The majority of respondents (72,8%) did not believe in the successful integration of refugees into Bulgarian society, for various reasons: the leading one being that the refugees themselves do not wish to remain in our country (indicated by 33,2% of respondents), followed by the consideration that cultural differences divide them from the local communities (18,4%), that there are religious differences between them and the local communities (13,0%) and their lack of knowledge of Bulgarian (8,2%). The share of those who believed refugees had a chance of integrating into Bulgarian society was twice smaller (34,9%), and was divided into two subgroups: those who believed refugees could integrate into society without the help of the state and the local people (a very small share, only 5,3%) and those who believed refugees could integrate only with the help of the Bulgarian state and the local people (29,6%). Despite this opinion, however, the *personal in-*

clination to give assistance to refugees for their integration into Bulgarian society is not high: only 28,6% of the surveyed persons were inclined to help refugees, while 39,8% were not, and 13,0% were prepared to help under certain conditions, such as "if I personally know them", "if they are well-intentioned"; "if they are genuinely in need"; "if they are really fleeing from the war"; "if they are not economic migrants"; "if they are educated and looking for a job"; "if they have no criminal record"; etc. As for the concrete forms of help the respondents are willing to provide, they are: supplying food and clothes (27,9%), helping them to learn Bulgarian (22,6%), helping them to become acquainted with the Bulgarian culture and way of life (21,4%), support in finding a job (15,4%), support in finding a home (8,6%), financial support (4,0%), help in obtaining documents (3,8%).

The conducted survey shows that the inclination of the Bulgarian population to accept refugees in Bulgaria and to assist their integration into Bulgarian society is not at all strong. For one thing, this is due to mistrust of any strange person, anyone who is different from us; for another, however, it is a result of the induced fear (especially by the media); thirdly, it is a response to the unwillingness of the refugees themselves to remain in Bulgaria, a country they look upon most often merely as a transit stage on their way to Western Europe.

Conclusion. We may make draw the general conclusion that, after 1990, the Bulgarian state, following the democratic international and European principles, and taking into account the national laws, has conducted a policy for acceptance of refugees in keeping with the "obligatory" European normative instruments; however, the actually achieved results in this respect testify to a merely formalistic attitude to acceptance and integration of persons seeking asylum in our country. Because of this formalism, and due to the social-economic conditions and the country's limited capacity to integrate refugees, Bulgaria has categorically established its position as a

transit destination for the refugee streams. Despite the fact that the management of migration within the EU should be in harmony with and derive from the general processes of globalization, the national policies on migration are increasingly argued based on the social-economic and demographic conditions in the specific countries and based on the growing negative public attitudes, which contrast with European and democratic values. On the other hand, the EU member states from the former Socialist bloc, including Bulgaria, are increasingly displaying a preference for accepting and integrating immigrants from third countries like Ukraine, Moldova, Georgia, Belarus, Macedonia, etc. (Okolski, M. et al., 2010), which are close in culture, history, way of life, to the host society; and are increasingly taking a stand against the acceptance of migrants from the Middle East and Africa, who seem too "foreign", different, and unacceptable.

References

- Bauman, Z. (2016), "Strangers at Our Door", *Mezinarni Vztahy*, 53 (4), 55-57.
- Costello, C. (2016), *The Human Rights of Migrants and Refugees in European Law*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Huysmans, J. (2006), *The Politics of Insecurity. Fear, Migration and Asylum in the EU*, Routledge, UK.
- Ilareva, V. (2007), "Bulgaria's Treatment of Asylum Seekers", *Forced Migration Review*, 29, 60-61.
- Jileva, E. and Guiraudon, V. (2006), "Immigration and Asylum. Developments in European Politics", in Heywood, P. et al. (eds.), Palgrave Macmillan, Hounds Mills, Basingstoke, Hampshire, UK, 280-298.
- Krasteva, A. (2010), "Being a Foreign Woman in Bulgaria", in Krasteva, A., Kasabova, A. and Karabinova, D. (eds.), *Migrations from and to Southeastern Europe*, Longo Editore, Ravenna, Italy, 63-78.
- Immigrants and refugees in Bulgaria and their integration (2003), Manfred Woerner Foundation, Sofia, Bulgaria.
- Nakova, A. (2017), "Refugees – a challenge for Bulgaria", in Kambovski, V. and Jeleva, R. (eds.), *Party Systems, Political Order and Constitu-*

tutionals Reforms in Bulgaria and Macedonia: Experiences and Perspectives, Scopje-Sofia, Bulgaria, 127-142.

Nakova, A. (2020), “The role of the media in shaping public opinion about refugees in Bulgaria”, *The modern world and the information society*, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan, 51-62, (in Russian)

Nakova, A. (2018), “The Attitude towards Refugees in Bulgaria: from Compassion to Fear”, *Mehmet Fatih ELMAS, Metin BEÇERMEN, Ümit ÖZTÜRK (Eds), War and Peace. Proceedings Book. Fifth International Philosophy Congress*, Sentez Yayıncılık, İstanbul, Turkey, 42-49.

Nakova, A. and Erolova, Y. (2019), “Integration by ‘Fencing’: The Case of Refugees in Bulgaria”, in Slavkova, M., Maeva, M., Erolova, Y. and Popov, R. (eds.), *Between the Worlds: People, Spaces and Rituals*, IEFSEM – BAS & Paradigma, Sofia, Bulgaria, 425-453.

Okolski, M. et al. (eds.) (2010), *Immigration to Poland*, Scholar, Warsaw, Poland.

Pamporov, A. (2010), “Social Distances Towards the New Immigrants in Bulgaria”, in Krasteva, A., Kasabova, A. and Karabinova, D. (eds.), *Migrations from and to Southeastern Europe*, Longo Editore, Ravenna, Italy, 79-92.

Received 01 February 2021. Revised 07 March 2021. Accepted 11 March 2021.

Статья поступила в редакцию 01 февраля 2021 г. Поступила после доработки 7 марта 2021 г. Принята к печати 11 марта 2021 г.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria.

Накова Албена, PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, София, Болгария.

УДК 316.42

DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-11

Оригинальная статья

Пиньковецкая Ю. С.

**Предпринимательская активность третьего возраста
в России**

Ульяновский государственный университет
432017, Россия, Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42
judy54@yandex.ru

Аннотация. Стареющее население является важнейшей демографической тенденцией в большинстве современных стран. Увеличивающаяся численность людей предпенсионного и пенсионного возраста, характерная для России, требует решения проблемы их занятости, в том числе за счет развития предпринимательства этой группы населения. Целью исследования являлся анализ особенностей деятельности предпринимателей третьего возраста, анализ динамики изменения численности возрастных ранних предпринимателей за последние годы в России и перспективы развития предпринимательства третьего возраста. В качестве исходных данных при проведении исследования использовались итоги опросов, проводившихся в процессе Глобального мониторинга предпринимателей, соответствующего проекта по России и также статистической информации о возрастной структуре населения, а также соответствующему демографическому прогнозу. В процессе исследования были рассмотрены особенности раннего предпринимательства в третьем возрасте, оценены его уровни за период с 2013 до 2018 года, проведено сравнение предпринимательской активности в России и ряде крупных экономически развитых стран. Итоги исследования свидетельствуют о стабильном снижении за период с 2013 по 2018 год удельного веса ранних предпринимателей третьего возраста в общей численности населения России. Предложен прогноз потенциального количества начинаящих предпринимателей на перспективу до 2035 года по трем вариантам. Предпринимателями третьего возраста не могут быть все пожилые люди, поскольку не все они обладают соответствующими способностями и интенциями и готовы создать собственные бизнесы. Вместе с тем у людей этой возрастной категории в России, несомненно, есть значительный потенциал, который необходимо правильно использовать. Помощь и поддержка со стороны государства субъектам предпринимательства третьего возраста может стать одним из способов решения проблем стареющего населения. Став предпринимателями люди третьего возраста сохраняют активную деятельность, решают многие свои проблемы, обеспечивают увеличение занятости и способствуют экономическому росту регионов.

Ключевые слова: раннее предпринимательство; третий возраст; предпенсионный и пенсионный возраст; старение населения; прогноз

Информация для цитирования: Пиньковецкая Ю. С. Предпринимательская активность третьего возраста в России // Научный результат. Социоло-

гия и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 140-152. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-11

Original article

Julia S. Pinkovetskaia | Entrepreneurial activity of the third age in Russia

Ulyanovsk State University
432017, 42 L. Tolstoy St., Ulyanovsk, Russia
judy54@yandex.ru

Abstract. An aging population is a major demographic trend in most modern countries. The increasing number of people of pre-retirement and retirement age, which is typical for Russia, requires solving the problem of their employment, including through the development of entrepreneurship in this population group. The purpose of the study was to analyze the features of the activity of third-age entrepreneurs, analyze the dynamics of changes in the number of early-age entrepreneurs in recent years in Russia and the prospects for the development of third-age entrepreneurship. The results of surveys conducted during the Global monitoring of entrepreneurs, the corresponding project in Russia, and statistical information on the age structure of the population, as well as the corresponding demographic forecast, were used as initial data for the study. The study examined the advantages and disadvantages of early entrepreneurship in the third age, assessed its levels for the period from 2013 to 2018, and compared entrepreneurial activity in Russia and a number of large economically developed countries. The results of the study indicate a steady decline in the share of early third-age entrepreneurs in the total population of Russia over the period from 2013 to 2018. A forecast of the potential number of start-up entrepreneurs for the future up to 2035 is proposed for three options. All older people cannot be entrepreneurs of the third age, because not all of them have the appropriate abilities and intentions and are ready to create their own businesses. At the same time, people of this age category in Russia undoubtedly have a significant potential that needs to be properly used. Assistance and support from the state to third-age business entities can be one of the ways to solve the problems of an aging population. After becoming entrepreneurs, third-age people remain active, solve many of their problems, increase employment and contribute to the economic growth of the regions.

Keywords: early entrepreneurship; third age; pre-retirement and retirement age; population aging; forecast

Information for citation: Pinkovetskaia J. S. (2021), “Entrepreneurial activity of the third age in Russia”, Research Result. Sociology and management, 7 (1), 140-152, DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-11

Введение (Introduction). Старение населения в последние годы стало глобальным явлением: по прогнозам, разработанным в ООН (World Population Ageing, 2019), к 2050 году число пожилых людей удвоится и достигнет 1,5 миллиарда. При этом практически в каждой стране мира

наблюдается рост численности и доли пожилых людей в населении. Этот резкий сдвиг в возрастной структуре населения обусловлен снижением смертности и связан повышением уровня общественного здравоохранения, медицинскими достижениями, а также экономическим и социаль-

ным развитием большинства стран. В этих странах голод, болезни, травмы и ранняя смертность, которые ограничивали продолжительность человеческой жизни на протяжении всей истории человечества, оказывают меньшее влияние на людей. Ситуация усугубляется одновременным снижением рождаемости. Именно поэтому старение населения было признано ООН демографической мегатенденцией.

Население мира стареет, и это явление имеет важные последствия для структуры трудоспособного населения. Ожидается, что к 2035 году число лиц в возрасте 55 лет и старше превысит число всех детей в возрасте от 0 до 14 лет, а к 2080 году – все детское и молодежное население в возрасте от 0 до 24 лет. Как прямое следствие старения населения, число пожилых работников в возрасте от 55 до 64 лет будет расти и к 2030 году предположительно составит почти четверть экономически активного населения (Harasty, Ostermeier, 2020).

Для характеристики людей старших поколений, которые могут участвовать в трудовой деятельности, в научных публикациях используется термин третий возраст. Этот возраст, по мнению большинства исследователей, начинается в диапазоне от 50 до 60 лет (Gimmon и др., 2018). При этом подразумевается, что к этому времени люди уже прожили такие стадии, как детство, юность, учебу (соответствующие первому возрасту), а также участвовали в активной трудовой деятельности, воспитании детей (соответствующих второму возрасту). Отметим, что продолжительность третьего возраста по экономически развитым странам, составляет 10-30 лет. Особенностью этого возраста, как части жизненного пути людей, является их способность самостоятельно удовлетворять свои разнообразные интересы и запросы, направление на решение личных социальных, психологических экономических задач. Тенденция старения населения и, соответственно, рост удельного веса граждан, относящихся к предпенсионному

и пенсионному возрасту, вызывают значительный интерес к проблемам людей третьего возраста.

Основным направлением преодоления проблемы старения населения, является продление трудовой активности людей (Maestas, Zissimopoulos, 2010). Вместе с тем имеются ограничения, с которыми сталкиваются пожилые люди при попытке продолжить трудовую деятельность (Loretto, 2010). Дискrimинация по возрасту остается типичной для современных экономик (Hollywood и др., 2007), многие работодатели негативно относятся к пожилым работникам (Fuertes и др., 2013).

Опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что в третьем возрасте имеются широкие возможности сохранения трудовой деятельности людей путем вовлечения их в предпринимательство, то есть к тому, чтобы создать собственные бизнесы (Kautonen, 2008). Старение населения является распространенным явлением, поэтому, как показал ряд научных исследований (Kibler и др., 2012; Kraus, Bouncken, 2014), в ближайшие годы большее количество людей третьего возраста будет принимать участие в предпринимательстве, и использовать альтернативную (по сравнению с наемным трудом) возможность заработка. В указанных работах также было высказано предположение о том, что в связи с увеличением ожидаемой продолжительности жизни людей, произойдет существенное увеличение доли новых предприятий, созданных предпринимателями, относящимися к третьему возрасту, в общей численности вновь появившихся фирм.

Методология и методы (Methodology and methods). К особенностям ранних предпринимателей третьего возраста, как отмечается в литературе, относятся такие потенциальные социальные и экономические выгоды, как продление активной деятельности пожилого населения за счет появления альтернативного варианта занятости, уменьшение количества безработных третьего возраста и содействие социальной

активности таких граждан (Kautonen и др., 2013). В исследованиях (Абросимова, 2011; Botham, Graves, 2009) высказывается предположение о том, что возрастные ранние предприниматели могут обеспечить рост инноваций в производстве за счет использования компетенций и знаний таких людей. Исследование (Zhang, 2014) показало такое достоинство деятельности предпринимателей, как большая гибкость производственных графиков, отсутствие постоянного контроля и свободу планирования своей деятельности. Эти факторы особенно важны тем людям, которые уделяют много времени пожилым или большим родственникам, а также внукам. Для людей, которые планирует выход на пенсию, интересным вариантом продолжения активного образа жизни и сохранения своей социальной интеграции является мелкомасштабная предпринимательская деятельность (Thorgren и др., 2016).

Одной из существенных особенностей раннего предпринимательства третьего возраста является получение так называемых неденежных дивидендов. Они отражают социальные аспекты и личные интересы возрастных предпринимателей, такие, как стремление к автономии, самореализации и желание людей чувствовать себя активными, полезными и ценными для своих родственников (Soto-Simeone, Kautonen, 2020; Baron и др., 2016).

Увеличение продолжительности жизни людей, как тенденция старения населения, отмечается также и в России. Эти явления определяют необходимость формирования новой государственной политики в области занятости населения предпенсионного и пенсионного возраста. Ситуация осложняется социально-экономическими последствиями изменения российского пенсионного законодательства, повысившего соответствующий возраст и, в частности, предполагаемым увеличением безработицы, о чем указывается в статье (Кашепов, 2019). Необходимо понимать, что ежегодно население будет стареть, а потребности национальной эко-

номики в трудовых ресурсах, в том числе людей, относящихся к третьему возрасту, учитывая их компетенции, знания и опыт, увеличиваться. Стимулирование их к продолжению активной деятельности, стало одним из основных направлений соответствующей Стратегии, утвержденной Правительством России¹. Стратегией предусматриваются мероприятия по обеспечению получения дополнительных денежных средств гражданами старших поколений, применения их знаний и умений в экономических процессах, а также повышения социального статуса этих граждан.

По сравнению с более молодыми коллегами, предприниматели, относящиеся к третьему возрасту, обладают рядом специфических особенностей, сталкиваются с другими препятствиями и нуждаются в иной поддержке (Gielnik и др., 2018). Исходя из этого формирование мер помощи и поддержки, в которой нуждаются возрастные предприниматели, должно основываться на понимании феномена предпринимательской активности в третьем возрасте. Это определяет актуальность анализа закономерностей, присущих современному предпринимательству третьего возраста в России, которому посвящена настоящая статья. В статье рассматриваются преимущества и недостатки, характерные для ранних предпринимателей, находящихся в третьем возрасте, и оценке сложившегося уровня такого предпринимательства в нашей стране. Термины ранние предприниматели и раннее предпринимательство относятся к деятельности людей, вовлеченных в создание собственных предприятий, или уже являются их владельцами менее трех с половиной лет.

Отдельные вопросы предпринимательства третьего возраста в России рассматривались исследователями на примере отдельных регионов нашей страны. Так, в статье (Потехина, Чижов, 2016) показано

¹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-р.

на примере регионов ЦФО России отсутствие возможностей трудоустройства для людей, относящихся к старшему возрасту. Поэтому для активной части этих людей единственной возможностью сохранения интересной деятельности становится раннее предпринимательство. Ситуация осложняется тем, что увеличение пенсионного возраста в России в 2019 году, приведет к увеличению количества людей, еще не получающих пенсии, которым ввиду особенностей действующего законодательства сложно трудоустроится. Как следует из работы (Смирнова, 2019), можно предположить, что такие люди обратят свое внимание на создание собственных бизнесов. В статье (Попова, Зорина, 2016) приведены итоги социологическое обследования по проблемам третьего возраста в муниципальных образованиях республики Коми, которое показало, что всего 1% населения имеет собственный бизнес. Существенно более высокий уровень предпринимательства в третьем возрасте (2,8%) показал анкетный опрос населения республики Карелия (Каргинова-Губинова, 2018). Вместе с тем, проблеме ранней предпринимательской активности людей третьего возраста в России в отечественных научных исследованиях уделялось мало внимания.

Можно выделить три аспекта, обуславливающих актуальность проблемы предпринимательства третьего возраста в России. Отмеченная ранее общая тенденция старения населения и уменьшения численности людей молодого и зрелого возраста, приведет к увеличению потребности экономики страны в привлечении к трудовой деятельности более старших поколений. Подтверждением тенденции старения населения являются официальные статистические данные, которые свидетельствуют, что она сохраняется уже много лет. Так по сравнению с 1979 годом количество людей, возраст которых был в диапазоне 55-69 лет, в 2018 году выросло на 78%, притом, что общая численность населения в России увеличилась всего на

7%. Второй аспект связан имеющимися трудностями в трудоустройстве населения предпенсионного и пенсионного возраста. Ситуация обострилась в настоящее время, в связи с увеличением законодательно установленного в соответствии с реформой пенсионного возраста, при которой работодатели опасаются принимать работников предпенсионного возраста. Третий аспект определяется желанием пенсионеров продлить свою трудовую деятельность. Мотивами чего могут быть, как необходимость увеличить располагаемые доходы, так и сохранить социальную активность, пока позволяет здоровье. Об этом подробно написано в статье (Колесникова, 2019), где указывается, что в России продолжение трудовой деятельности людьми третьего возраста положительно влияет на психологическое состояние людей, повышает их социальный статус и престиж в семье. В этой статье также сделан вывод, что образовательный уровень граждан, относящихся к третьему возрасту, изменяется. Раствет удельный вес тех, кто имеет высшее образование, что представляется важным, поскольку именно эти люди преобладают в числе потенциальных предпринимателей.

Целью нашего исследования являлся анализ особенностей деятельности предпринимателей в третьем возрасте, оценка динамики ее изменения за последние годы в России и прогнозируемых значений на перспективу. Исследование включало три этапа. На первом этапе проводился анализ динамики численности ранних предпринимателей третьего возраста за период с 2013 до 2018 года в России. На втором этапе проводился сравнительный анализ предпринимательской активности в России и ряде крупных экономически развитых стран. На четвертом этапе была проведена оценка потенциального количества начинающих предпринимателей в России на перспективу до 2035 года. При этом учитывалось, что люди в возрасте от 65 лет относительно редко начинают новые бизнесы (Bates, 1995). Поэтому в нашем ис-

следовании оценивались показатели раннего предпринимательства для возрастной группы (55-64 года).

В качестве исходных данных при проведении исследования использовались итоги опросов, проведившихся в процессе Глобального мониторинга предпринимателей², соответствующего проекта по России (Национальный отчет, 2017), а также официальной статистической информации о возрастной структуре населения и демографическому прогнозу по России³.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). На первом этапе работы был проведен анализ динамики численности предпринимателей третьего возраста в России за последние годы. В таблице 1 приведены данные по численности населения в возрасте от 55 до 64 лет в России, удельном весе ранних предпринимателей этого возраста, а также количестве таких предпринимателей. Соответствующие расчеты были проведены на основании информации, приведенной в отчете по мониторингу предпринимателей, национального отчета, а также официальных статистических данных.

Приведенные в столбце 2 таблицы 1 данные показывают, что численность населения в возрасте от 55 до 64 лет существенно (на 1,7 млн. чел.) увеличилась за период с 2013 по 2018 годы. Анализ информации, приведенной в третьем столбце, свидетельствует о стабильном снижении удельного веса ранних предпринимателей в общей численности населения России. Несмотря на рост численности населения, общее количество начинающих предпринимателей за прошедшие годы значительно (в 4,3) сократилось, что видно из данных, приведенных в четвертом столбце таблицы. Рассмотрим основные причины

этого феномена. Основной причиной резкого спада ранней предпринимательской активности в третьем возрасте является, на наш взгляд, кризис в российской экономике, проявившийся в 2015 году. Кризис был связан со снижением экономической активности, сокращением производства и потребления, инфляцией. Он привел к уменьшению реальных доходов населения, падению спроса, ограничениям по финансированию и инвестициям⁴. Соответственно, сократились потребности населения в товарах и услугах предпринимательского сектора, уменьшились работы, выполняемые предпринимателями для крупных корпораций и предприятий, а также для государственных и муниципальных организаций. Все это наиболее сильно сказалось на начинающих предпринимателях третьего возраста в связи с их ограниченной конкурентоспособностью. Кроме того, необходимо отметить, что финансово-кредитные, лизинговые и другие структуры настороженно относятся к начинающим предпринимателям такого возраста. Наряду с кризисом, снижение количества предпринимателей третьего возраста, обусловлено возрастанием требований к бизнесу со стороны государственных органов (налоговых, надзорных, административных). Необходимость оформления большого количества документов, не связаных непосредственно с профессиональными компетенциями предпринимателей, многие из которых достаточно сложно оформлять, существенно затрудняют деятельность.

² Global Entrepreneurship Monitor 2018-2019, Global Entrepreneurship Research Association (GERA), 2019.

³ Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 23.10.2020).

⁴ Бюллетень социально-экономического кризиса в России. Вхождение России в кризис (конец 2014 – начало 2015 года). Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Апрель 2015. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/5479.pdf> (дата обращения: 19.10.2020).

Таблица 1

Характеристика численности населения и предпринимателей в третьем возрасте

Table 1

Characteristics of the population and entrepreneurs in the third age

Годы / Years	Численность населения, тыс. чел. / Population, thousand people	Доля предпринимателей третьего возраста / Share of third-age entrepreneurs	Количество ранних предпринимателей, тыс. чел. / Amount early adopters, thousand people
2013	19072	0,099	1888
2014	19583	0,076	1488
2016	20538	0,043	883
2018	20832	0,020	437

Использование сторонних специалистов достаточно дорого. Освоение всех необходимых знаний, учитывая небольшой срок предполагаемой деятельности (горизонт планирования), многим из потенциальных предпринимателей представляется нерациональным. Учитывая это, одна часть потенциальных начинающих предпринимателей прекращает свои попытки создания собственного бизнеса, а другая часть предпочитает вести свою деятельность без официального оформления. Как указывается в исследовании (Буров, 2019) анализ предпринимательского сектора в России показал, что в существующих экономических, правовых и институциональных условиях деятельность предпринимателей в последние годы стала малоэффективной. Поэтому многие предприниматели для снижения указанного негативного влияния переводят свою деятельность в теневой сектор экономики. При этом в отдельных видах деятельности, таких, как ремонтно-строительные работы, транспорт, персональные и социальные услуги, аренда, теневая экономика достигает в России до 50 % объема производства.

На третьем втором этапе работы было проведено сравнение уровней ранней предпринимательской активности в возрасте от 55 до 64 лет в России и зарубежных странах. В таблице 2 приведены соот-

ветствующие значения по 11 крупным экономически развитым странам за 2018 год (Global Entrepreneurship Monitor, 2019).

Приведенная в таблице информация свидетельствует о том, что доля предпринимателей третьего возраста по рассматриваемым странам находятся в интервале от 0,021 до 0,104. То есть, отмечается существенная дифференциация значений этих показателей. В развивающихся странах (Китае, Индии, Бразилии) значения показателя выше, чем в большинстве экономически развитых стран. Высокий уровень ранних предпринимателей третьего возраста в США и Канаде обусловлен сложившейся в последнее время в этих странах тенденцией к развитию самозанятости, в том числе и для получения дополнительного дохода в предпенсионном и пенсионном возрасте.

Сравнение приведенных в таблице 2 данных со значениями ранней предпринимательской активности по России показывает, что в 2013 и 2014 годах российские показатели превышали среднее значение по рассматриваемым странам. В 2018 году уровень предпринимательской активности в России стал ниже, чем во всех рассматриваемых зарубежных странах, что говорит о наличии значительных проблем в развитии предпринимательства третьего возраста в России.

Таблица 2

Ранняя предпринимательская активность в третьем возрасте в крупных экономиках

Table 2

Early-stage entrepreneurial activity in the third age in major economies

Страна / Country	Доля предпринимателей третьего возраста / Pro- portion of third-age entre- preneurs	Страна / Country	Доля предпринимателей третьего возраста / Proportion of third-age en- trepreneurs
Италия / Italy	0,021	Великобритания / United Kingdom	0,062
Германия / Germany	0,024	Индия / India	0,069
Япония / Japan	0,026	Канада / Canada	0,093
Франция / France	0,040	Бразилия / Brazil	0,097
Испания / Spain	0,047	США / USA	0,104
Китай / China	0,051	Среднее значение / Average value	0,058

На третьем этапе работы, исходя из разработанного Федеральной службой государственной статистики демографического прогноза¹, была проведена оценка потенциального количества начинающих предпринимателей на перспективу до 2035 года. Итоги этой оценки приведены в таблице 3. Представлено три варианта прогноза (низкий, средний и высокий) в соответствии с тремя вариантами демографического прогноза. Доля предпринимателей, относящихся к третьему возрасту, в общей численности населения соответствующей возрастной категории по низкому варианту прогноза принята на уровне 2018 года по России. Этот показатель по среднему варианту прогноза принят на уровне среднего значения по зарубежным странам (табл. 3). Доля ранних предпринимателей по высокому варианту прогноза принята на уровне 2013 года по России.

Приведенные в таблице 3 данные позволяют сделать вывод о значительном количестве предполагаемых ранних предпринимателей в будущем. Учитывая тенденцию старения населения нашей страны и сокращения ее трудовых ресурсов, без этих предпринимателей не удастся в будущем обеспечить занятость населения в предпенсионном и пенсионном возрасте, пополнение бюджета страны и наращивание реальных доходов. Поэтому, на наш взгляд, необходимо при разработке программ развития экономики России на среднесрочную и долгосрочную перспективу обеспечивать развитие предпринимательства в третьем возрасте не ниже среднего варианта прогноза, приведенного в таблице 3.

¹ Федеральная служба государственной статистики.
Демография. URL:
http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 23.10.2020).

Таблица 3

Характеристика населения и потенциальных предпринимателей

Table 3

Characteristics of the population and potential entrepreneurs

Годы / Years	Численность населения, млн. чел. / Population, mln.	Доля предпринимателей третьего возраста / Share of third-age entrepreneurs	Потенциальное количество предпринимателей третьего возраста, тыс. чел. / Potential number entrepreneurs of the third age thousand people
Низкий вариант прогноза / Low forecast option			
2025	22,4	0,020	449
2030	22,9	0,020	459
2035	23,5	0,020	471
Средний вариант прогноза / Medium forecast			
2025	22,6	0,058	1309
2030	23,2	0,058	1348
2035	24,0	0,058	1391
Высокий вариант прогноза / High forecast option			
2025	23,0	0,099	2279
2030	24,4	0,099	2415
2035	26,2	0,099	2591

Заключение (Conclusions). К результатам исследования, обладающим научной новизной и оригинальностью, относятся: анализ динамики численности ранних предпринимателей третьего возраста в России за период с 2013 до 2018 года, компартиативный анализ предпринимательской активности в России и ряде крупных экономически развитых стран, а также оценка потенциального количества начинающих предпринимателей в России на перспективу до 2035 года.

Для преодоления проблем в развитии предпринимательства в третьем возрасте имевших место в 2018 году в России и осуществления планов, намеченных Правительством страны¹ представляется целе-

сообразным разработка и реализация комплекса мероприятий, по оказанию государственной помощи и поддержки начинающим предпринимателям третьего возраста, учитывающей особенности таких предпринимателей. В указанный комплекс должны входить следующие мероприятия. Финансовая поддержка предпринимателей, включающая выделение субсидий и грантов, освобождение от уплаты подоходного налога после наступления пенсионного возраста и уменьшение уровня социальных платежей, предоставление гарантий по кредитам. Имущественная поддержка, то есть предоставление в льготную аренду помещений и других основных фондов.

Информационно-консультационная поддержка на основе развития соответствующих систем, функционирующих как в онлайн режимах, так и в подразделениях органов власти, специализированных на помощи предпринимателям и обеспечении их актуальными сведениями, а также оказании содействия в виде профессиональных консультаций. Образовательная поддержка, которая включает раз-

¹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-р.; Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства от 2 июня 2016 г. № 1083-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 24. Ст. 3549.

работку специальных программ и бесплатное обучение предпринимателей третьего возраста с учетом их особенностей. Стимулирование выхода из теневой экономики предпринимателей предпенсионного и пенсионного возраста, особенно самозанятых, на основе предоставления им различных льгот по налогообложению исходя из специфики вида деятельности, на которой они специализируются. Развитие внутрифирменного предпринимательства, то есть передача внутри предприятия или организации на аутсорсинг определенных работ и услуг для выполнения их специалистами третьего возраста. При этом такая деятельность может осуществляться по мере необходимости по гибкому графику.

Безусловно, предпринимателями третьего возраста не могут быть все пожилые люди, поскольку не все они обладают соответствующими способностями и интенциями и готовы создать собственные бизнесы. Но у людей этой возрастной категории, несомненно, есть значительный потенциал, который необходимо правильно использовать. Поощрение предпринимательства третьего возраста может стать одним из способов решения проблем стагнирующего населения. Став предпринимателями люди третьего возраста сохраняют активную деятельность, решают многие свои проблемы, обеспечивают увеличение занятости и способствуют экономическому росту. В целом, как показало наше исследование, можно предположить, что участие таких предпринимателей в экономических процессах будет возрастать.

Список литературы

Абросимова А. А. Отношение предпринимателей различных возрастных групп к инновационной деятельности // Экономика и управление. 2011. № 12-2. С. 122-126.

Буров В. Ю. Совершенствование системы государственного регулирования малого предпринимательства в условиях доминирования теневой экономической деятельности // Теневая экономика. 2019. № 1. С. 9-16.

Каргинова-Губинова В. В., Ромашкина Ю. В., Прокопьев Е. А. Типология трудового

поведения лиц третьего возраста (на примере Республики Карелия) // Российское предпринимательство. 2018. № 10. С. 3231-3244.

Кашепов А. В. Прогнозирование социально-экономических последствий изменения пенсионного законодательства на период до 2024 г. // Вестник Российской нового университета. Серия «Человек и общество». 2019. № 1. С. 57-66.

Колесникова О. А. Пожилые люди на рынке труда // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2019. № 1(28). С. 165-168.

Национальный отчет. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016-2017 / О. Р. Верховская, Е. А. Александрова, К. А. Богатырева, М. В. Джелепова, Э. В. Шмелева; Высшая школа менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. 2017. URL: smb.gov.ru/files/images/gem_russia_2016-2017.pdf (дата обращения: 24.11.2020).

Попова Л. А., Зорина Е. Н. Уровень жизни и ресурсный потенциал пенсионеров северных регионов России // Регион: экономика и социология. 2016. № 1 (89). С. 135-158.

Потехина И. П., Чижов Д. В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО) // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 3-23.

Смирнова А. В. Вовлечение лиц старшего возраста в предпринимательскую деятельность в связи с пенсионной реформой Российской Федерации // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. № 1 (119). С. 1-10.

Baron R. A., Franklin R. J., Hmielewski K. M. Why entrepreneurs often experience low, not high, levels of stress: The joint effects of selection and psychological capital // Journal of Management. 2016. № 42 (3). Pp. 742-768.

Bates T. Self-Employment Entry across Industry Groups // Journal of Business Venturing. 1995. № 10. P. 143-156.

Botham R., Graves A. Third age entrepreneurs: innovative business start-ups in mid-life and beyond- understanding the drivers and removing the barriers. Interim report to NESTA, February. 2009.

Fuertes V., Egdell V., McQuaid R. Extending working lives: age management in SMEs // Employee Relations. 2013. № 35 (3). Pp. 272-293.

Gielnik M. M., Zacher H., Wang M. Age in the entrepreneurial process: the role of future time perspective and prior entrepreneurial experience // Journal Applied Psychologies. 2018. № 103. Pp. 1067-1085.

Gimmon E., Yitshaki R., Hantman S. Entrepreneurship in the third age: retirees' motivation and intentions // International Journal Entrepreneurship and Small Business. 2018. № 3. Pp. 267-288.

Harasty C., Ostermeier M. Population ageing: Alternative measures of dependency and implications for the future of work // ILO Working Paper. 5 June 2020. 53 p.

Hollywood E., Brown R., Danson M., McQuaid, R. Demographic and labour market change: the dynamics of older workers in the Scottish labour market // Scottish Geographical Journal. 2007. № 123 (4). Pp. 242-256.

Kautonen T., Down S., Minniti M. Ageing and entrepreneurial preferences // Small Business Economics. 2013. № 42 (3). Pp. 579-594.

Kautonen T. Understanding the older entrepreneur: Comparing third age and prime age entrepreneurs in Finland // International Journal of Business Science and Applied Management. 2008. № 3 (3). Pp. 3-13.

Kibler E., Wainwright T., Blackburn R., Kautonen T. Under pressure: differentiation in older entrepreneur motivations, emotions and mentoring. In 35th Institute for Small Business and Entrepreneurship (ISBE) Annual Conference. Dublin, IE, 2012.

Kraus S., Bouncken R. B. Senior entrepreneurship: definitions and underlying theories // International Journal of Business Research. 2014. № 14 (3). P. 209-215.

Loretto W. Work and retirement in an ageing world: the case of older workers in the UK // Journal of the Academy of Social Sciences. 2010. № 5 (3). Pp. 279-294.

Maestas N., Zissimopoulos J. How Longer Working Lives Ease the Crunch of Population Ageing // The Journal of Economic Perspectives. 2010. № 24 (1). Pp. 139-160.

Soto-Simeone A., Kautonen T. Senior entrepreneurship following unemployment: a social

identity theory perspective // Review of Managerial Science. 2020. Pp. 1-40.

Thorgren S., Sirén C., Nordström C., Wincent J. Hybrid entrepreneurs' second-step choice: The nonlinear relationship between age and intention to enter full-time entrepreneurship // Journal of Business Venturing Insights. 2016. № 5. Pp. 14-18.

Zhang T. Elderly Entrepreneurship in an Aging US Economy: It's Never Too Late, World Scientific Books, World Scientific Publishing Company. 2014. 284 p.

World Population Ageing 2019. Highlights. Department of Economic and Social Affairs Population Division. United Nations. New York, 2019. 46 p.

References

Abrosimova, A. A. (2011), "Attitude of entrepreneurs of different age groups to innovation activity", *Economics and management*, (12-2), 122-126. (In Russian)

Burov, V. I. (2019), "Improving the system of state regulation of small business in the conditions of dominance of shadow economic activity", *Shadow economy*, (1), 9-16. (In Russian)

Karginova-Gubinova, V. V., Romashkina, Yu. V. and Prokopyev, E. A. (2018), "Typology of labor behavior of third-age persons (on the example of the Republic of Karelia)", *Russian entrepreneurship*, (10), 3231-3244. (In Russian)

Kashepov, A. V. (2019), "Forecasting the socio-economic consequences of changes in pension legislation for the period up to 2024", *Bulletin of the Russian new University. Series "Man and society"*, (1), 57-66. (In Russian)

Kolesnikova, O. A. (2019), "Elderly people in the labor market", *Bulletin of the Voronezh Institute of high technologies*, 1(28), 165-168. (In Russian)

National report (2017), Global entrepreneurship monitor. Russia 2016/2017, in Verkhovskaya, R., Alexandrova, E. A., Bogatyreva, K. A., Dzhelepova, M. V. and Shmeleva, E. V., Higher school of management of Saint Petersburg state University [Online], available at: smb.gov.ru/files/images/gem_russia_2016-2017.pdf (Accessed 24 November 2020). (In Russian)

Popova, L. A. and Zorina, E. N. (2016). "Standard of living and resource potential of pen-

sioners in the Northern regions of Russia”, *Region: Economics and sociology*, 1 (89), 135-158. (In Russian)

Potekhina, I. P. and Chizhov, D. V. (2016). “The potential of the older generation as a component of the national human capital (based on research in the regions of the CFD)”, *Monitoring of public opinion. Economic and social changes*, (2), 3-23. (In Russian)

Smirnova, A. V. (2019). “Involvement of older people in entrepreneurial activity in connection with the pension reform of the Russian Federation”, *Management of economic systems: electronic scientific journal*, 1 (119), 1-10. (In Russian)

Baron, R. A., Franklin, R. J. and Hmielecki, K. M. (2016), “Why entrepreneurs often experience low, not high, levels of stress: The joint effects of selection and psychological capital”, *Journal of Management*, 42 (3), 742-768.

Bates, T. (1995), “Self-Employment Entry across Industry Groups”, *Journal of Business Venturing*, (10), 143-156.

Botham, R. and Graves, A. (2009), “Third age entrepreneurs: innovative business start-ups in mid-life and beyond- understanding the drivers and removing the barriers”, Interim report to NESTA, February.

Fuertes, V., Egdell, V. and McQuaid, R. (2013), “Extending working lives: age management in SMEs”, *Employee Relations*, 35 (3), 272-293.

Gielnik, M. M., Zacher, H. and Wang, M. (2018), “Age in the entrepreneurial process: the role of future time perspective and prior entrepreneurial experience”, *Journal Applied Psychologies*, (103), 1067-1085.

Gimmon, E., Yitshaki, R. and Hantman, S. (2018), “Entrepreneurship in the third age: retirees’ motivation and intentions”, *International Journal Entrepreneurship and Small Business*, (3), 267-288.

Harasty, C. and Ostermeier, M. (2020), “Population ageing: Alternative measures of dependency and implications for the future of work”, *ILO Working Paper*, 5 June, 53 p.

Hollywood, E., Brown, R., Danson, M. and McQuaid, R. (2007), “Demographic and labour market change: the dynamics of older workers in the Scottish labour market”, *Scottish Geographical Journal*, 123 (4), 242-256.

Kautonen, T., Down, S. and Minniti, M. (2013), “Ageing and entrepreneurial preferences”, *Small Business Economics*, 42 (3), 579-594.

Kautonen, T. (2008), “Understanding the older entrepreneur: Comparing third age and prime age entrepreneurs in Finland”, *International Journal of Business Science and Applied Management*, 3 (3), 3-13.

Kibler, E., Wainwright, T., Blackburn, R. and Kautonen, T. (2012), “Under pressure: differentiation in older entrepreneur motivations, emotions and mentoring”, *35th Institute for Small Business and Entrepreneurship (ISBE) Annual Conference*, Dublin, Ireland.

Kraus, S. and Bouncken, R. B. (2014), “Senior entrepreneurship: definitions and underlying theories”, *International Journal of Business Research*, 14 (3), 209-215.

Loretto, W. (2010), “Work and retirement in an ageing world: the case of older workers in the UK”, *Journal of the Academy of Social Sciences*, 5 (3), 279-294.

Maestas, N. and Zissimopoulos, J. (2010), “How Longer Working Lives Ease the Crunch of Population Ageing”, *The Journal of Economic Perspectives*, 24 (1), 139-160.

Soto-Simeone, A. and Kautonen, T. (2020), “Senior entrepreneurship following unemployment: a social identity theory perspective”, *Review of Managerial Science*, May, 1-40.

Thorgren, S., Sirén, C., Nordström, C. and Wincent, J. (2016). “Hybrid entrepreneurs’ second-step choice: The nonlinear relationship between age and intention to enter full-time entrepreneurship”, *Journal of Business Venturing Insights*, (5), 14-18.

Zhang, T. (2014), Elderly Entrepreneurship in an Aging US Economy: It’s Never Too Late, World Scientific Books, World Scientific Publishing Company, 284.

World Population Ageing (2019), Highlights. Department of Economic and Social Affairs Population Division. United Nations, New York, USA.

Статья поступила в редакцию 13 декабря 2020 г. Поступила после доработки 07 февраля 2021 г. Принята к печати 20 февраля 2021 г.

Received 13 December 2020. Revised 07 February 2021. Accepted 20 February 2021.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Пиньковецкая Юлия Семеновна, кандидат экономических наук, доцент Ульяновского государственного университета, Ульяновск, Россия.

Iuliia S. Pinkovetskaia, PhD in Economics, Associate Professor, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia.